

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
Филологический факультет

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА Светлана Михайловна

**СИСТЕМНО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОТАДЪЕКТИВНЫХ
МОДУСНЫХ ТРАНСПОЗИТИВОВ НА -О**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
доцент Н.К. Онипенко

Москва - 2017

Оглавление

| | |
|--|-----------|
| Введение | 5 |
| ГЛАВА I. Проблема модусных отадъективных дериватов на –о в русской лингвистической науке. | 13 |
| Раздел I. Проблемы грамматической интерпретации модусных отадъективных дериватов на –о и их терминологического обозначения 14 | |
| 1. Вводное слово (словосочетание, конструкция, предложение)..... | 18 |
| 2. Модусные отадъективные дериваты на –о и категория модальности. | 22 |
| 2.1 <i>Работы В.В.Виноградова как первый опыт «полевого» представления модальности. Модальные слова</i> | 22 |
| 2.2 <i>Категория модальности: от логики к семантике и грамматике</i> | 27 |
| 2.3 <i>Объем понятия модальность</i> | 29 |
| 2.4 <i>Понятие модуса</i> | 34 |
| 2.5 <i>Модусные отадъективные дериваты на –о в концепции коммуникативной грамматики</i> | 39 |
| 2.6 <i>Модальность и эвиденциальность</i> | 42 |
| 3. Терминологический инструментарий | 44 |
| 3.1 <i>Метатекстовые элементы языка</i> | 44 |
| 3.2 <i>Эгоцентрические элементы языка (эгоцентрики)</i> | 45 |
| 3.3 <i>Структурные и процедурно-контекстные слова</i> | 49 |
| 3.4 <i>Дискурсивные слова</i> | 50 |
| 4. Грамматические классификации модусных отадъективных дериватов на –о | 51 |
| 5. Модусные отадъективные дериваты на –о и категория оценки..... | 54 |
| 6. Модусные отадъективные дериваты на –о с точки зрения их текстового функционирования | 55 |
| 7. Понятие модусных транспозитивов на –о..... | 58 |

| | |
|---------------------|-----------|
| Выводы | 63 |
|---------------------|-----------|

| | |
|--|-----------|
| Раздел II. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о (проблема вводного слова) | 64 |
|--|-----------|

| | |
|-----------------|----|
| 1. Словник..... | 64 |
|-----------------|----|

| | |
|--|----|
| 2. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о в толковых словарях..... | 72 |
|--|----|

| | |
|--|----|
| 3. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о в Грамматическом словаре русского языка..... | 74 |
|--|----|

| | |
|---|----|
| 4. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о в словарях дискурсивных слов русского языка | 76 |
|---|----|

| | |
|---------------------|-----------|
| Выводы | 78 |
|---------------------|-----------|

| | |
|---|-----------|
| ГЛАВА II. Модусные транспозитивы на –о в системе русского языка: от позиции к функциям | 79 |
|---|-----------|

| | |
|---|----|
| 1. Критерии разграничения парентетических и припредикатных употреблений модусных транспозитивов на –о | 84 |
|---|----|

| | |
|---|----|
| 2. Семантическая характеристика позиционных вариантов модусных транспозитивов на –о | 92 |
|---|----|

| | |
|---|----|
| 3. Позиционный набор для модусных транспозитивов на –о, вошедших в словник: от позиции к функциям | 97 |
|---|----|

| | |
|-----------------------------------|-----|
| 3.1 <i>Рамочная позиция</i> | 100 |
|-----------------------------------|-----|

| | |
|--------------------------------------|-----|
| А) Семантическая характеристика..... | 101 |
|--------------------------------------|-----|

| | |
|---|-----|
| Б) Запреты на употребление в рамочной позиции | 105 |
|---|-----|

| | |
|--|-----|
| В) Вербализованные модусные рамки с местоимениями <i>это (то)</i> и <i>оно</i> | 109 |
|--|-----|

| | |
|---|-----|
| Г) Употребление модусных транспозитивов на –о в соединении с речевыми глаголами | 113 |
|---|-----|

| | |
|--|-----|
| 3.2 <i>Парентетическая позиция</i> | 115 |
|--|-----|

| | |
|--------------------------------------|-----|
| А) Семантическая характеристика..... | 122 |
|--------------------------------------|-----|

| | | |
|------|---|------------|
| 3.3 | <i>Позиция ответной реплики</i> | 123 |
| 3.4 | <i>Припредикатная позиция</i> | 124 |
| 3.5. | <i>Функционирование модусных транспозитивов на –о в составе дискурсивной скрепы</i> | 137 |
| 4. | Лексико-синтаксическая история модусных транспозитивов на –о | 145 |
| 4.1 | <i>Безусловно</i> | 146 |
| 4.2 | <i>Бесспорно</i> | 149 |
| 4.3 | <i>Несомненно</i> | 152 |
| 4.4 | <i>Естественно и натурально</i> | 154 |
| 5. | Современные тенденции развития класса модусных транспозитивов на –о | 159 |
| | Выводы | 163 |
| | ГЛАВА III. Текстовые функции модусных транспозитивов на –о | 166 |
| 1. | Модусные транспозитивы на –о в прозаическом тексте | 166 |
| 1.1 | <i>Модусные транспозитивы на –о в текстах нехудожественных жанров</i> | 167 |
| 1.2 | <i>Модусные транспозитивы на –о в художественном тексте</i> | 179 |
| 2. | Модусные транспозитивы на –о в поэтическом тексте | 190 |
| | Выводы | 207 |
| | Заключение | 208 |
| | Библиография | 212 |
| | Приложение | 231 |

Введение

Тема настоящего диссертационного исследования – системно-синтаксическое описание отадъективных модусных транспозитивов на –о, которые являются одним из семантических разрядов отадъективных дериватов на –о. Отадъективные дериваты на –о представляют собой тот лингвистический объект, который уже в течение двух столетий находится в центре внимания различных лингвистических дисциплин и научных школ: лексической семантики, морфологии, логического анализа языка, синтаксиса, стилистики. Так, вопросы, связанные с функционированием данных единиц языка, затрагиваются в работах А.А. Шахматова [176]; В.В. Виноградова [33; 34]; А.Г. Руднева [129]; А.И. Аникина [4]; А.М. Бордовича [21]; В.К. Ицковича [64]; А.И. Останина [105]; В.В. Амосовой [3]; А.Н. Гвоздева [41]; Л.И. Василенко [28; 29]; О.М. Лашкевич [76]; Н.Д. Арутюновой [9]; С.О. Глушаковой [42]; В.С. Давыдовой [50]; Е.Р. Иоанесян [61]; А.Н. Баранова, В.А. Плунгяна [14]; В.В. Морковкина [85]; Т.С. Алгазиной [2]; К.Л. Киселевой [69]; Е.В. Падучевой [109]; П.А. Леканта [78]; Н.К. Онипенко [95; 96]; Н.В. Гатинской [39; 40]; и др., в том числе в диссертационных исследованиях последних лет – в работах М.В. Пляскиной [117]; Т.И. Муковозовой [87]; М.Г. Бабенко [11]; Е.А. Пантелеевой [111]; Е.Э. Разлоговой [120]; О.В. Тюкинеевой [163]; А.В. Трошиной [161]; Е.Н. Ореховой [104]; П.Е. Топоркова [151]; А.И. Долженковой [52], В.В. Антоновой [6].

Исследование данных единиц языка требовало решения целого ряда лингвистических проблем: проблемы морфологического (частеречного) статуса в общей системе русских частей речи, принципов лексикографического описания этих слов, поиска инвариантного значения, установления отношений между семантикой и функциями, то есть определения их синтаксического статуса и др.

Из всего объема отадъективных дериватов на –о в качестве **объекта**

исследования нами была выбрана сравнительно небольшая группа слов на –о, обладающих модусной семантикой и способных занимать в предложении парентетическую (вводную) позицию. Иными словами, объектом исследования являются те *отадъективные дериваты на –о*, которые могут функционировать как вводные и которые в лексикографической практике принято помещать в статью полных прилагательных.

Предметом исследования является связь семантики модусных отадъективных дериватов на –о с их синтаксическими позициями, а также особенности их функционирования в тексте.

В цели настоящей работы входит, в первую очередь, определение грамматического статуса анализируемых единиц языка, анализ синтаксических позиций, в которых могут употребляться рассматриваемые слова, а также описание семантических и функциональных различий между позиционными вариантами модусных отадъективных дериватов на –о. Кроме того, представляется важным уделить внимание проблеме соотношения лексического, морфологического и синтаксического значений на исследуемом участке языковой системы.

Данная работа не претендует на полное описание зоны модусных отадъективных дериватов на –о в русском языке и комплексный анализ всех единиц, входящих в эту зону. Автор исследования, главным образом, фокусируется на разработке общей концепции лексико-синтаксической истории анализируемых единиц языка, предпринимает попытку объяснить, почему отадъективные дериваты на –о получили возможность занимать позицию вводного слова, понять, в чем состоит семантическая разница между модусными отадъективными дериватами на –о, употребленными в разных синтаксических позициях.

Большая часть работ, посвященных анализу отадъективных дериватов на –о в целом и модусных отадъективных дериватов на –о — в частности, сводится либо к классификации названных единиц, либо к описанию их

морфологических свойств. Что же касается системного статуса данных слов, исчисления их позиционных вариантов, поиска закономерностей текстового функционирования последних, то комплексного исследования подобного рода явлений до настоящего момента не проводилось, что и обуславливает **научную новизну работы**.

Актуальность избранной темы определяется не только недостаточной разработанностью модусных эгоцентрических средств русского языка, но и интересами активно развивающейся в настоящее время концепции коммуникативной грамматики, соединяющей системно-грамматическое и текстовое описание языковых единиц.

Исследование указанной проблематики предполагает решение следующих **задач**:

- сопоставить терминологические системы в связи с изучением указанного объекта и обосновать необходимость термина *модусные транспозитивы на –о*;
- основываясь на определенных критериях, составить список отадъективных модусных транспозитивов на –о;
- определить место модусных транспозитивов в системе отадъективных дериватов на –о, выявить их соотношение с краткими прилагательными, наречиями, словами категории состояния и словами категории оценки;
- основываясь на анализе реальных контекстов употребления модусных транспозитивов на –о, предъявить перечень синтаксических позиций, которые могут занимать названные единицы в тексте;
- интерпретировать позиционные варианты модусных транспозитивов на –о с точки зрения их семантики и функций;
- охарактеризовать функции модусных транспозитивов на –о в текстах различной стилевой и жанровой принадлежности.

Основным **материалом** для диссертации послужили примеры из текстов художественной, публицистической и научно-популярной литературы. К анализу подключены материалы интернет-источников. Отметим, что для примеров из текстов XIX века, использованных в настоящей работе, была проведена сверка знаков препинания¹. Предлагаемое исследование носит синхронный характер, тем не менее, данные о диахроническом развитии рассматриваемых модусных отадъективных дериватов на –о привлекаются при рассмотрении лексико-синтаксической истории названных единиц.

В ходе работы были использованы такие **методы исследования**, как компонентный, сопоставительный и дискурсивный анализ.

Теоретическая значимость результатов предлагаемой работы состоит, прежде всего, в системном описании группы модусных отадъективных дериватов на –о. Предлагаемый в настоящей работе анализ модусных отадъективных дериватов на –о вносит вклад в развитие коммуникативной грамматики и текстовой лингвистики в целом.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы для написания соответствующего раздела в грамматике русского языка, при написании синтаксических словарей, а также при преподавании русского языка в вузе и в школе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В системе языка существует класс отыменных (отадъективных) модусных транспозитивов на –о, функционирование которых обусловлено их модусной семантикой и подчиняется эгоцентрической грамматической технике.

2. Специфика модусных транспозитивов на –о заключается в особом соотношении лексической семантики, морфологической формы и синтаксических функций: лексическая семантика непосредственно связана с синтаксическим функционированием; лексическое значение модусных

¹ Перечень источников, по которым проводилась сверка знаков препинания, см. в Приложении.

транспозитивов является функционально обусловленным.

3. На современном этапе модусные транспозитивы на –о могут функционировать в пяти синтаксических позициях – рамочной, парентетической, припредикатной (внутрисинтаксической), позиции ответной реплики, а также в составе дискурсивной скрепы. «Позиционные варианты» модусных транспозитивов на –о выражают различную степень уверенности говорящего в содержании высказывания, а также предъявляют разный субъектный тип модуса (*Я-модус*, *Все-модус*).

4. Способность слова занимать парентетическую позицию зависит от лексической семантики, а именно от соотношения в ней модусного и диктального компонентов: чем сильнее в лексеме вещественное начало, тем дальше она от класса модусных транспозитивов.

5. Употребление модусных транспозитивов на –о в той или иной позиции зависит от жанрово-стилевой принадлежности текста. Использование «позиционных вариантов» модусных транспозитивов на –о диалогизирует монологический текст, усложняет его субъектную перспективу, создает эффект полифонии; модусные транспозитивы на –о в условиях текста являются одним из средств создания образа автора.

Апробация результатов диссертации проводилась на российских и международных конференциях: XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (М., МГУ, 2009); Научно-практическая конференция в рамках Дней науки МГПИ (М., МГПИ, 2010); XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (М., МГУ, 2010); XVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (М., МГУ, 2011); XIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (М., МГУ, 2012); XX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (М., МГУ, 2013); XXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых

«Ломоносов» (М., МГУ, 2014).

Результаты диссертации отражены в одиннадцати научных работах, из них четыре статьи опубликованы в журналах, которые включены в перечень ВАК.

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»:

1. Кузнецова С.М. Между прилагательным и наречием (К вопросу о грамматическом статусе вводных слов на –но) // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2013. - №11 (29), ч. 1. – С.89-94.

2. Кузнецова С.М. Критерии разграничения наречий и вводных слов на –о // Вестник Тверского государственного университета. – 2014. - №.3 – С. 319-322.

3. Кузнецова С.М. К проблеме разграничения вводных слов на –о и наречий // Русская словесность. – 2014. - № 4. – С. 70-73.

4. Кузнецова С.М. Отадъективные слова на –но с точки зрения их текстового функционирования: от позиции к функции // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2014. - №12 (42), ч.1. – С. 110-113.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

1. Кузнецова С.М. К проблеме соотношения вводных слов на –но и модальных частиц // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». - М.: Издательство Московского университета, 2010. – С. 93-94.

2. Кузнецова С.М. К проблеме соотношения вводных слов на –но и модальных частиц // Институт XXI века: подготовка педагогических кадров нового поколения. Материалы научно-практической конференции. – Вып. 6. - М.: МГПИ, 2011. - С. 27-28.

3. Кузнецова С.М. К проблеме объективации и субъективизации // Материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». - М.: Издательство Московского университета, 2011. – С. 423-424.

4. Кузнецова С.М. Из истории изучения вводных слов (вопросы терминологии) // Материалы XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». [Электронный ресурс] - М.: МАКС Пресс, 2012.

URL: http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1901.htm

5. Кузнецова С.М. Синтаксический нуль как средство разграничения Я-модусных рамок и Они (Все)-модусных рамок // Актуальные вопросы филологической науки: взгляд нового поколения. - Вып. 4: Материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». - М.: МАКС Пресс, 2012. - С. 177-181.

6. Кузнецова С.М. К вопросу о системно-синтаксическом описании отыменных модусных предикативов на –о // Материалы XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». [Электронный ресурс] - М.: МАКС Пресс, 2013. URL: conf.mrsu.ru/archive/Lomonosov_2013/2306/19203_3593.doc

7. Кузнецова С.М. К вопросу о грамматическом статусе вводных слов на –но // Материалы XXI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». [Электронный ресурс] - М.: МАКС Пресс, 2014.

URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_26_2702.htm

Структура диссертационной работы. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Во введении определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, определяется научная новизна и актуальность рассматриваемой проблематики, обосновывается теоретическая и

практическая значимость полученных результатов, а также формулируются положения, которые выносятся на защиту.

Первая глава состоит из двух разделов. В первом разделе дается краткая характеристика основных семантических разрядов отадъективных дериватов на –о, рассматривается соотношение между данными разрядами, предлагается обзор терминов, используемых для обозначения отадъективных дериватов на –о, способных выступать в качестве вводных слов, анализируются разные подходы к таким категориям, как модальность, эвиденциальность, модус, категория оценки (данные категории непосредственно связаны с интерпретацией модусных отадъективных дериватов на –о), вводится и обосновывается термин *модусные транспозитивы на –о*. Во втором разделе предъявляется список модусных транспозитивов на –о и проводится подробный анализ лексикографического представления интересующих нас единиц языка.

Во второй главе предлагается подробная позиционная характеристика модусных транспозитивов на –о, выявляются семантические и функциональные различия между «позиционными вариантами» модусных транспозитивов на –о, освещаются современные тенденции развития анализируемых единиц. На примере групп слов *безусловно, бесспорно, несомненно* и *естественно, натурально* обсуждаются пути лексико-синтаксического развития модусных транспозитивов на –о в целом.

Третья глава посвящена рассмотрению текстовых функций модусных транспозитивов на –о: в ней анализируются тексты разных стилей и жанров (художественные и публицистические, прозаические и поэтические).

В заключении суммируются результаты проведенного исследования, а также определяются перспективы дальнейшей работы в данном направлении.

В приложении приводится перечень источников, по которым проводилась сверка знаков препинания (для произведений XIX века), а также содержатся материалы (графики), иллюстрирующие определенные тенденции развития модусных транспозитивов на –о на современном этапе.

ГЛАВА I. Проблема модусных отадъективных дериватов на –о в русской лингвистической науке.

Класс отадъективных дериватов на –о довольно обширен. Так, согласно данным Грамматического словаря А. Зализняка, названная группа слов насчитывает 238 лексем, 129 из которых квалифицируются как наречия, 83 - как категория состояния, 26 - как вводные слова, без уточнения морфологического статуса [56, 521-522]. Отадъективные дериваты на –о занимают промежуточную позицию между формообразованием и словообразованием. С одной стороны, мы имеем дело с краткими прилагательными среднего рода (*Его превосходство бесспорно*), с другой стороны, - с качественными наречиями (*говорить медленно*). Первые определяются как формы слова, вторые - как лексемы. После работ Л.В. Щербы между этими двумя полюсами появляется категория состояния (*Мне больно*). Основным критерием отнесения слова к категории состояния является употребление последнего в неприсловной позиции, то есть невозможность его функционирования при глаголе.

Г.А. Золотова выделила еще один разряд в классе отадъективных дериватов на –о – категорию оценки (*курить вредно, кататься весело*) [57]. С точки зрения Г.А. Золотовой, основными признаками данной категории являются: семантическая обособленность слов категории оценки от основного категориального значения соответствующих частей речи; предикативно-оценочная функция в конструкциях с инфинитивом; полисубъектность, которая реализуется через создание потенциальной позиции субъекта оценки и может быть заполнена соответствующим лексико-синтаксическим способом [57, 281].

Таким образом, лингвисты предлагают делить класс отадъективных дериватов на –о на разряды, основываясь на синтаксических критериях: краткое прилагательное среднего рода – позиция предиката и возможность согласования; наречие – присловная позиция (при глаголе); категория

состояния – позиция присвязочной части предиката при невозможности согласования; категория оценки – позиция предиката при инфинитивном подлежащем².

Но существует еще один разряд отадъективных дериватов на –о, который можно выделить на основании семантико-синтаксических свойств: это отадъективные дериваты на –о, занимающие позицию «вне предложения» (парентетическую позицию) или позицию рамки (в составе сложноподчиненного предложения). Именно эти отадъективные дериваты на –о будут объектом дальнейшего исследования.

Раздел I. Проблемы грамматической интерпретации модусных отадъективных дериватов на –о и их терминологического обозначения

Изучение научной литературы, в том числе диссертационных исследований, показало, что работы, связанные с проблематикой модусных отадъективных дериватов на –о, способных занимать позицию вводных слов, можно разделить на два «класса»:

- исследования, полностью или частично посвященные изучению модусных отадъективных дериватов на –о, дающих парентезу. При этом можно говорить о двух способах представления данных единиц языка в научных концепциях:

(1) модусные отадъективные дериваты на –о, занимающие позицию вводных слов, интерпретируются как единый целостный класс, для именованя которого используется определенный термин (например, у А.М. Пешковского [114], А.А. Шахматова [176], В.В. Виноградова [33; 34], А.Г. Руднева [129],

² Описанное деление не является общепринятым. Так, в «Проспекте активного словаря русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна отадъективные дериваты на –о относятся к наречиям (даже те из них, которые могут быть интерпретированы как категория состояния). Например, *Ой, горячо!* – кр., безлич. [119, 552-559]; *жаль* – нареч., предик. [119, 615]; *жалко* – нареч., предик. [119, 616]; *стыдно* – нареч. [119, 665].

В.К. Ицковича [64], А.Н. Баранова, П.Б. Паршина [13], В.В. Морковкина [85; 86], Е.Э. Разлоговой [120] и др.);

(2) модусные отадъективные дериваты на –о, занимающие позицию вводных слов, распределяются между разными классами (например, у Е.В.Падучевой [109]).

• работы, посвященные не только анализу модусных отадъективных дериватов на –о, дающих парентезу, но и проблеме терминологии. Для именования интересующих нас единиц языка ученые используют различные термины:

- вводные слова (конструкции, предложения),
- модальные слова,
- вводно-модальные слова,
- парантеза (парентетические слова),
- метатекстовые элементы языка,
- эгоцентрики (эгоцентрические элементы языка),
- структурные слова,
- процедурно-контекстные слова,
- дискурсивные слова.

Вопрос о соотношении между терминами «вводные слова» и «модальные слова» затрагивается в работах А.И. Аникина [4], А.М. Бордовича [21], Е.Г. Борисовой [22], М.С. Чертковой [173], С.П. Ламбарджян [75], Ю.А. Левицкого [77], Е.С. Яковлевой [185], О.М. Лашкевич [76], Л.И. Василенко [29], П.А. Леканта [78] и др., при этом предлагается два возможных варианта:

1. провести четкую границу между указанными единицами языка: «Модальные слова следует отделять от вводных единиц и от средств эмотивной авторской оценки» [29, 54];

2. объединить вводные и модальные слова как средства выражения одной и той же языковой категории: «Вводные и модальные слова очень близки по

своей семантике и функциям, ... модальные слова обычно играют в предложении роль вводных членов» [77, 65].

В работе К.Л. Киселевой (1996 г.), помимо вводных и модальных слов, обсуждаются такие понятия, как структурные слова, процедурно-контекстные слова и дискурсивные слова [69].

Задачей настоящего раздела является установление соотношения между всеми терминами, служащими для обозначения интересующих нас языковых единиц.

Как известно, существуют две противоположные точки зрения на проблему происхождения модальных объективных дериватов на –о, способных выступать в качестве вводных слов.

А.А.Шахматов указывал на предложенческую природу названных единиц. В книге «Синтаксис русского языка» он дает следующее определение вводным словам: это «редуцированные по своему смыслу предложения», которые «в большинстве случаев имеют значение связок, так как вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление» [176, 47].

В.В. Виноградов, в отличие от А.А.Шахматова, говорил об адвербиальном происхождении большинства вводных (модальных) слов: «Среди модальных слов в современном русском языке преобладают слова наречного происхождения (а иногда и наречно-модального значения), однородные с качественными наречиями на –о. Например: *действительно, буквально, нормально, решительно, собственно, верно, безусловно, подлинно* и т.п.» [34, 594]. По Виноградову, модальные слова отличаются от наречий по значению и синтаксическим функциям: наречие предполагает объективную характеристику действия и относится к определенному члену предложения, модальное слово выражает субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания и относится ко всему предложению в целом, занимая позицию вводного слова.

История становления модусных отадъективных дериватов на –о, выступающих в качестве вводных слов, сложна, поэтому при ее исследовании будут учитываться и шахматовская, и виноградовская точки зрения.

Модусные отадъективные дериваты на –о функционировали и продолжают функционировать в присловной позиции: и в соединении с диктальными компонентами (контексты (1), (2)) , и в связке с модусным предикатом (контексты (3), (4)):

(1) *Не говорю о Гебгарде: роль Фердинанда лучшая из его ролей; но как хорошо, естественно **играла** мадам Эвест!* (С. П. Жихарев. Записки современника (1806-1809))

(2) *Он хотел быть совершенно независимым; хотел также отмстить за убиение в Москве предка его, Константина, и снова присоединить к Рязани берега Лопасни, где уже давно и бесспорно **господствовали** Калитины наследники.* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808-1820))

(3) *Ну теперь, папенька, я решительно **скажу** — и маменька тоже, как хотите, — я решительно **скажу**, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу...* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869));

(4) *Иван Алексеевич благополучно достиг своих апартаментов. А уж как он зорко оглядывал весь дом, точно **знал**, что вы тут спрятались.* (Т. П. Пассек. Из дальних лет (1878-1889)).

Даже те единицы, которые А.А. Зализняк помечает только как вводные, например, *несомненно* [56, 521-522], употреблялись и до сих пор могут употребляться в присловной позиции:

(5) *Гревс считал такую лопатку характерной для наследственного сифилиса; это едва ли верно, но в качестве дегенеративного признака вообще она несомненно заслуживает внимания.* (В. А. Гиляровский. Психиатрия. Гл. 1-19 (1935));

(6) ... *формальное описание языка может быть полезным для некоторых практических применений лингвистического анализа, например, в машинном переводе или при построении информационных машин. В связи с этим книга Хомского несомненно заслуживает внимания.* (Е. В. Падучева. [Рец.] N. Chomsky. Syntactic Structures. 's-Gravenhage, 1957. 116 p. («Janua linguarum», IV) (1959));

(7) *В истории Гранады сплелись трагедии влюбленных и любовь всего мира к городу, который несомненно достоин самого страстного обожания* (Анна Николаева. Легенда о потерянной крепости (2004) // «Homes & Gardens», 2004.04.30).

Даже слово *вероятно*, по данным НКРЯ [88], могло употребляться присловно, правда в терминологическом значении:

(8) *Не должно сажать в одно место: 1) вероятно обвиняемого в преступлении; 2) обвиненного во оном и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражею, а другие два — в тюрьме; но тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому самое наказание.* (Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)).

1. Вводное слово (словосочетание, конструкция, предложение)

Уже в синтаксических конструкциях древних языков мы находим особые образования, которые «разрывают основную линию повествования» и независимо от своей структуры придают предложению «экспромтный характер». Вводные компоненты использовались в греческой риторике как стилистический прием, направленный на убеждение аудитории (подробный анализ использования вводных конструкций в греческой риторике приводится в работе М.Г. Бабенко [11]).

В древнегреческой стилистике выделялось два вида вводности: «паремптозис», обозначающий непреднамеренное, спонтанное действие говорящего, и «парентезис», обозначающий преднамеренное действие

говорящего. «Первое явление было обусловлено воздействием внешнего раздражителя на ход мышления говорящего, что приводило к развитию нового направления мысли. «Парентезис» же рассматривался как любая дополнительная мысль, включенная в последовательный поток, как дополнительное высказывание, которое может быть расположено в любой точке основной структуры» [5, 15]. С развитием книгопечатания вводные компоненты получили графическое оформление, поэтому паремптозис потерял характер непреднамеренности, явления были объединены и термин вышел из употребления.

Обратимся к русским грамматикам. В первой академической грамматике - Российской грамматике М.В. Ломоносова 1755 года [80, 550-553] - такое понятие, как «вводное слово» отсутствует. При этом большинство вводных слов М.В. Ломоносов относит к наречиям.

Термин «вводное предложение» употреблен в «Практической грамматике русского языка» Н.И. Греча 1827 года: «Вводное предложение, или парентеза, есть совершенно постороннее предложение, неимеющее ни какой грамматической связи с главным; например: *У меня, поверите ли, замерзает вода в комнате*»³ [46, 231]. «Вводное предложение не сочиняется с прочими, и не подчиняется оным, а просто вставляется в средину речи. Оно бывает по большей части существительное сокращенное, т. е. лишенное совокупающего союза, например: *В Крыму, сказал он, таких холодов не бывает. Это значит: он сказал, что в Крыму таких холодов не бывает*» [46, 330]. Отметим, что Н.И. Греч ничего не говорит о существовании вводных слов, в привычном понимании данного термина⁴. Так, слова «*вероятно, истинно, подлинно*»

³ Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

⁴ Сочетание «вводное слово» у Н.И. Греча имеет более широкий смысл: «Между запятыми полагается всякое вводное слово или совокупление вводных слов, которые можно опустить без нарушения или изменения смысла, а именно: 1. Приложения подлежащего и сказуемого; 2. Звательные слова; 3. Речения обстоятельственные, или выражения отдаленных отношений, полагаемые между главными частями предложения [46, 516].

попадают в разряд наречий со значением «свойство и образ бытия, существования предмета» [46, 209].

Как видно из определения, данного Н.И. Гречем, первоначально вводные и вставные конструкции объединялись в понятие парантеза (парентеза). Это объясняется наличием у данных синтаксических единиц ряда общих свойств: семантики, внепредложенческой позиции, пунктуационного оформления. Затем вводные и вставные конструкции были разграничены как два функционально различных типа парантезы.

А.Х. Востоков в «Русской грамматике» 1831 года говорит как о «вводных предложениях», так и о «вводных словах»: «Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может быть опущено без нарушения смысла; *например, он, я думаю, скоро возвратится. Мы, вероятно, увидим его*» [36, 227].

В большинстве последующих грамматик русского языка, а также лингвистических сочинениях конца XIX начала XX века термин «вводные слова (предложения)» наполняется тем же смыслом, что и в упомянутой грамматике А.Х. Востокова.

Ф.И. Буслаев относил к вводным такие компоненты, которые «по смыслу своему должны быть соединены по способу подчинения», однако, «стоят рядом или же одно в другом без всякой видимой грамматической связи» [26, 36].

А.А. Потебня считал, что вводные слова произошли из предложений и занимают независимое положение среди других членов синтаксической конструкции [118].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский, вслед за А.Х. Востоковым и А.А. Потебней, в «Синтаксисе русского языка» пишет: «Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может

быть опущено без нарушения смысла; например, *он, я думаю, скоро возвратится: Мы, вероятно, увидим его.*<...> Вводные слова возникли как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [92, 283].

В.А. Богородицкий указывал на существование таких компонентов, которые «будучи совершенно независимыми, вставляются в другое предложение без каких-либо связующих слов» [18, 240].

Обратим внимание на то, что Н.И. Греч, А.Х. Востоков, А.А. Потебня и Д.Н. Овсянко-Куликовский, как и А.А. Шахматов, говорят о предикативной (предложенческой) природе вводных слов, то есть рассматривают данные элементы языка как свернутые предикативные единицы.

В некоторых работах XIX-XX веков вводные слова не выделяются как отдельный класс единиц: понятие «вводности» связывается с «внепредложенческой» позицией наречий. Так, у Я.К. Грота [48] видим: «Запятыми...отделяются наречия, когда они не входят в состав предложения, а служат к обозначению степени уверенности говорящего, либо отношения его к предмету речи, либо основания его мысли» [48, 792].

А.М. Пешковский отмечает интонационное своеобразие вводных слов и то, что данные элементы языка не вступают в семантическую или синтаксическую связь ни с одним членом предложения и сами не являются членами предложения. А.М. Пешковский считал, что большинство вводных слов произошли от частиц [114, 404].

В большинстве грамматик русского языка XX века, а также в толковых словарях по традиции используется термин *вводное слово*, например, в Грамматике 1952-1954 [43; 44; 45], Русской грамматике 1979 [131], Русской грамматике 1980 [132; 133]; БАС 1950-1960 [15], МАС 1981 [83], у С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [93].

Предпочтение термину *вводное слово* (словосочетание, предложение, конструкция) отдается в большинстве лингвистических исследований

прошлого столетия; см., например, работы А.Г. Руднева [129; 130], А.И. Аникина [4], Л.Г. Хатиашвили [169], Е.П. Седун [136; 137], В.К. Ицковича [64], А.И. Студневой [144; 145], А.И. Останина [105], А.Н. Гвоздева [41], Е.А. Феновой [167], О.М. Лашкевич [76], В.С. Давыдовой [50], С.О. Глушаковой [42], Т.С. Алгазиной [2], Н.В. Рачук [122], а также ряд работ XXI века – М.Г. Бабенко [11], Е.А. Пантелеевой [111], А.К. Руденко [125; 126].

В ряде работ второй половины XX - XXI веков используется термин «парентетические слова» (буквально с греч. «вставные слова»), например, в работах Дж. О. Урмсона [161], Н.Д. Арутюновой [9]; М.Ю. Михеева [84], В.В. Антоновой [6] и др. Поскольку в данном словосочетании содержится указание на внешнесинтаксическую позицию, можно считать, что указанный термин в современной русистике является эквивалентом отечественных «вводных слов». Е.В. Падучева [106] называет «парентетические» (по Урмсону) глаголы «вводными глаголами», соединяя при этом морфологическую и позиционную характеристики.

2. Модусные отадъективные дериваты на –о и категория модальности.

2.1 Работы В.В.Виноградова как первый опыт «полевого» представления модальности. Модальные слова

В.З.Санников в одной из своих статей остроумно заметил, что рассмотрение многих лингвистических вопросов «начинается, как это нередко бывает в русистике, с Виктора Владимировича Виноградова» [135, 121]. Мы не будем отступать от данной традиции и обратимся к работам академика Виноградова.

По Виноградову, модальность – это синтаксическая категория, присущая каждому предложению и выражающая отношение содержания предложения к действительности (желательное, предположительное, возможное, реальное, нереальное) [33].

В работе 1947 года В.В. Виноградов использует термин «модальные (вводно-модальные) слова» по отношению к единицам языка, отчасти связанным с категорией вводности.

Центральное место в определении модальных слов у Виноградова занимает говорящий: «Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [34, 594]. В.В. Виноградов, не соглашаясь с предложенческим происхождением модальных слов, утверждал, что далеко не всякое модальное слово выводится из предикативной единицы.

В.В. Виноградов отмечал, что по способу образования среди модальных слов можно выделить продуктивные и непродуктивные формы. Под продуктивными формами Виноградов понимал такие образования, по моделям которых состав модальных слов продолжает пополняться в современном русском языке. К продуктивным классам он относил две группы слов:

- лексемы, производные от слов категории состояния (*видно, слышно, полно*);
- лексемы, производные от глагольных форм (*признаюсь, видишь ли, говорят, разумеется, видать*).

К непродуктивным формам В.В. Виноградов причислял образования от имен существительных с предлогом или без него (*словом, кстати, в частности*).

Кроме этого, Виноградов говорил о существовании единичных (уникальных) модальных слов. Таков, например, модусный отадъективный дериват *главное* (от сочетания «главное дело») ⁵.

⁵ В работе Т.И. Муковозовой 2002 года [87] предлагается более детальное деление модальных слов на продуктивные и непродуктивные классы, при этом модусные отадъективные дериваты на –о, выступающие в качестве вводных слов, отнесены к продуктивному классу:

А) Продуктивные классы:

- семантико-грамматическое переосмысление форм имени прилагательного и наречия (формы на –о). При этом подчеркивается, что есть слова, которые уже давно функционируют в языке в качестве модальных (*понятно, несомненно*), а также есть относительно новые образования (*естественно*);

Трудным вопросом является и вопрос о происхождении модальных слов *видимо* и *по-видимому*. По мнению В.В. Виноградова, *видимо* следует включить в разряд «наречно-качественных вводных синтагм», тесно связанных с краткой формой среднего рода прилагательного: здесь происходит процесс отрыва обстоятельственного слова от определяемого им предиката и превращения этого слова во вводное [34]. Лексема *по-видимому* «возникла в конце XVIII - начале XIX века из выражения *судя по видимому* (и отдельно: *по видимому*)» [32, 790]⁶. Так, у Н. Полевого в произведении «Мешок с золотом» находим: «Я уверен, что люди добрее, нежели мы о них думаем, судя по видимому».

В. В. Виноградов пишет, что О. И. Сенковский тесно связывал происхождение *по-видимому* с канцелярским стилем и ставил его в один ряд со словами *сей, оный, посему, долженствовать, упомянутый* и т.п. [32, 790]⁷.

В.В. Виноградов впервые поставил вводно-модальные компоненты на один уровень с частями речи, то есть попытался охарактеризовать данные

- семантико-грамматическое переосмысление форм глагола несовершенного вида (*кажется, пожалуй, разумеется*);

- семантико-грамматическое переосмысление форм имени прилагательного без предлога (*впрочем, наверно*).

Б) Непродуктивные формы:

- предложно-падежные сочетания (В + СУЩ. в предложном падеже – в частности; БЕЗ + СУЩ. в родительном падеже – *без сомнения, без обиняков*);

- семантико-грамматическое переосмысление имени существительного (*правда, словом*);

- семантико-грамматическое переосмысление инфинитивных сочетаний (*должно быть, стало быть*);

- семантико-грамматическое переосмысление наречия (*кстати*);

- семантико-грамматическое переосмысление форм имени существительного (ПО + СУЩ. в предложном падеже – *по сути, по мнению*).

⁶ В цитируемом фрагменте о лексеме *по-видимому* используется в современной орфографии. У В.В. Виноградова в «Истории слов» – дефисное и раздельное написание данного слова, в то время как в «Словаре языка Пушкина» написание слитное – *повидимому* [139, 416]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова написание данной лексемы также слитное – *повидимому* [166]. Таким образом, «движение» *по-видимому* к классу модальных отадективных дериватов на –о, дающих парентезу, отражалось на орфографии: уже во времена А.С. Пушкина названное слово не являлось предлогом с субстантивированным прилагательным.

⁷ Согласно «Словарю структурных слов русского языка» под редакцией В.В. Морковкина, *видимо* и *по-видимому* были образованы от прилагательного *видимый* [86, 54]. С точки зрения П.А. Леканта, *видимо* и *по-видимому* попали в класс модальных слов «путем семантико-грамматического переосмысления глагольной формы» [67, 275].

единицы языка как классы лексем. Он показал, что существует некий параметр, объединяющий слова в единый большой класс, равный по значимости частям речи, но выделяемый на других основаниях.

В.В. Виноградов пишет о том, что класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою «продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов» [34, 594-595]. По мнению Виноградова, к некоторым группам модальных частиц меньше всего подходит название «вводных слов» и связанное с ним понятие об интонационно-синтаксической обособленности вводного члена предложения (например, *вряд ли*). Таким образом, согласно учению Виноградова, категория вводности уже, чем категория модальности: к классу модальных слов и частиц относятся не только вводные слова, но и иные элементы языка. Другими словами, позиционный (синтаксический) критерий не является основополагающим при зачислении лексем в разряд модальных.

Вслед за В.В. Виноградовым термин «модальные (вводно-модальные) слова» стал активно применяться в отечественной лингвистической литературе, например, в работах А.М. Бордовича [21], В.В. Амосовой [3], В.З. Панфилова [112], М.С. Чертковой [173; 174], Е.С. Яковлевой [184; 185], Л.И. Василенко [28; 29], Е.Э. Разлоговой [120], М.Ю. Григоренко [47] и др.

Виноградовская традиция интерпретации модальности получила свое развитие в работах Г.А. Золотовой. В «Очерке функционального синтаксиса» 1973 года Золотова пишет: «Трактуя понятие модальности как выражение отношения в плане достоверности – недостоверности, реальности – ирреальности, не всегда с достаточной четкостью определяют отношение чего к чему имеется в виду» [58, 142]. Г.А. Золотова предлагает выделять три типа модальных отношений, «различных по своему семантико-синтаксическому существу»: отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего, отношение говорящего к содержанию высказывания, и

отношение между субъектом – носителем признака и предикативным признаком [58, 142]. Первые два типа модальности относятся к внешнесинтаксическим модальным отношениям (не встроены в структуру предложения; не могут прочитываться линейно), последний тип – к внутрисинтаксическим модальным отношениям (прочитываются линейно) [58, 151-152]. По Золотовой, основным средством выражения модальных отношений второго типа являются вводные слова (в том числе модусные отадъективные дериваты на –о) [58, 149].

На современном этапе дальнейшая разработка виноградовской концепции модальности имеет место в работах П.А. Леканта [78], Е.Н. Ореховой [98; 99; 100; 104; 155; 156 и др.], и др. Подробный анализ категории субъективной модальности представлен в работе Е.Н. Ореховой [104]. В названном исследовании субъективная модальность представлена как «полевая структура», «активно взаимодействующая с полями темпоральности, градуальности, союзности, персональности, адресованности и эмотивности» [104]. Центром субъективной модальности является «значение достоверности-недостоверности с ядром в виде типового значения предположения»; модальность достоверности-недостоверности представлена в виде шкалы, на которой по степени нарастания уверенности субъекта речи располагаются «модально-кваликативные смыслы: сомнение, предположение, допущение, мнимость, уверенность» [104].

Возможность выражения субъективно-модальных значений для языковых единиц обусловлена способностью последних «эксплицировать позицию Я говорящего», а также наличием «специфических признаков» (принадлежность сфере модуса; функция модального квалификатора; синтагматическая изолированность; синтаксическая подвижность; особая интонационная оформленность в структуре высказывания; функция маркера рематического компонента высказывания; способность выступать в роли коммуникатива; морфологическая бесформенность) [104]. С точки зрения

Е.Н. Ореховой, вводные компоненты являются ядерным средством выражения субъективной модальности; в то же время исследователь отмечает, что категория субъективной модальности существенно шире вводности, так как вовлекает в свою сферу языковые средства различных уровней [104].

2.2 Категория модальности: от логики к семантике и грамматике

С 60-х годов XX века лингвистика начинает активно взаимодействовать с логикой. В результате такие логические понятия, связанные с категорией модальности, как *эпистемическая модальность*, *модальность de re* и *de dicto* получают свою интерпретацию в ряде лингвистических концепций.

Впервые модальность была рассмотрена в рамках логики Аристотелем, который выделил три основных модальных понятия: необходимость, возможность и реальность [8, 69]. Детальное изучение модальности и формирование модальной логики произошло лишь в XX веке, благодаря работам К.И. Льюиса (1931), С. Крипке (1959), Я. Лукасевича (1970), Я. Хинтикки (1969) и др. Подробный обзор этапов развития категории модальности в логике приводится в работе А. В. Трошиной [161].

В современной логике принято выделять три наиболее важных вида модальности: алетическую, эпистемическую и деонтическую (см., например, «Логический словарь-справочник» [73]). В лингвистике перечисленные типы модальности используются для интерпретации значений модальных глаголов, например, для объяснения трех значений глагола «мочь». Отметим также, что понятие эпистемической модальности непосредственно связано с изучением интересующих нас единиц – модальных модальных дериватов на –о. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев в своих работах выделяют два типа модальности. «Различия между данными типами легко продемонстрировать на примере двух разных пониманий фразы Петька мог и соврать» [25, 210]:

- *Петька мог и соврать, но решил сказать правду.* В этом высказывании говорится о возможности, которая имела место в прошлом, но не реализовалась; это онтологическая модальность.

- *Есть ли основания верить Петьке? Петька мог и соврать.* Данное высказывание предполагает, что говорящий не знает, соврал Петька или нет; это эпистемическая модальность.

При присоединении показателей эпистемической модальности к пропозиции мы получаем речевой акт неуверенного предположения. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев называют такой речевой акт предложением-гипотезой: «Традиционная классификация предложений по цели высказывания основана на использовании в них языковых средств, предназначенных для маркировки отнесенности предложения к тому или иному иллокутивному типу: повелительного наклонения для побудительных речевых актов, вопросительных местоимений для частных вопросов и т.д. В качестве иллокутивных показателей гипотетичности используются такие модальные слова, как *возможно, вероятно, наверно, несомненно* и др.» [23, 78-79]. Они сигнализируют о том, что данная пропозиция употреблена в составе гипотезы, и не могут употребляться в речевых актах других типов: **Вероятно, сходи за хлебом; *Кто, несомненно, разбил окно?* Условия успешности гипотетического высказывания: говорящий не знает истинного положения дел и предлагает адресату рассмотреть возможность, соответствующую высказанной гипотезе.

Модальность может относиться как к пропозиции в целом, так и к предикату пропозиции. В средневековой логике впервые появилось разделение модальности на модальность *de re* («сущее в действительности», когда в высказывании объекту приписывается существенное свойство) и *de dicto* («сущее в возможности», когда модальность в высказывании приписывается некоторому утверждению). Петр Испанец в трактате «Малая логика» приводит пример «*Сидящему возможно ходить*» (*de re*) и «*Возможно, сидящий ходит*»

(de dicto), показывающий отсутствие тождества между этими модальностями (цит. по [161, 12]).

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев интерпретируют противопоставление de re и de dicto и в связи с передачей чужого слова: «Описывая осуществленный другим лицом речевой акт (РА), говорящий далеко не всегда может претендовать на роль беспристрастного репортера; часто он вносит в свое описание ту или иную интерпретацию скрытых намерений субъекта РА, дает оценку уместности данного речевого действия или его содержания» [25, 405]. Говорящий, описывая РА, может выбирать либо стратегию «беспристрастного репортажа de dicto», стремясь передать все, как было сказано, либо стратегию собственной интерпретации РА - de re, желая показать, как все было на самом деле. «Можно сказать, что сами названия de dicto и de re оказываются как бы вводящими в заблуждение: выбирая стратегию de dicto, говорящий стремится передать то, что в действительности сказано другим лицом; при стратегии de re он передает свое видение чужого РА» [25, 407].

2.3 Объем понятия модальность

В данном разделе речь пойдет о том, какие формулировки категории модальности существуют в современной лингвистике.

Лингвистический энциклопедический словарь определяет модальность как «функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [79, 303].

В академических грамматиках русского языка принято противопоставлять объективную и субъективную модальности. Данное противопоставление связано с существованием двух типов отношения: отношения содержания предложения к действительности и отношения говорящего к содержанию предложения. Так, в Грамматике русского языка 1952-1954 гг. объективная модальность определяется как обязательный

признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу — предложение. Она выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности / ирреальности. Главным средством оформления модальности в этой функции является категория глагольного наклонения. Под субъективной модальностью подразумевается отношение говорящего к сообщаемому [45].

В Пражской грамматике русского языка понятие объективной модальности равнозначно категории предикативности: «Под предикативностью подразумевается соотнесенность выражаемого в предложении содержания с действительностью» [131, 669]. Субъективная модальность рассматривается здесь как вариант модификации простого предложения. Средствами выражения модальных модификаций предложения являются определенные глаголы, прилагательные и наречия, которые сочетаются с инфинитивом и вместе с ним представляют модифицированную форму сказуемого [131, 822].

В рамках модальных модификаций предложения (Mod) выделяются следующие две разновидности:

1. Mod, выражающие намерение производителя действия реализовать какое-либо действие; в их семантике содержится указание на активное отношение производителя действия к действию.

2. Mod, выражающие в широком смысле слова возможность реализации действия; в их семантике не содержится указания на активное отношение производителя действия к реализации действия [131, 823].

В рамках второго типа Mod «на основании частных семантических признаков» выделяются следующие разновидности: (а) Mod с одним только значением возможности / невозможности (и их модификаций) реализации действия; (б) Mod, выражающие кроме общего признака возможности/невозможности реализации действия еще другие семантические признаки: долженствование, необходимость и т. п. [131, 825-830].

В Русской грамматике 1980 года к сфере объективной модальности относятся «заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значения отношения сообщаемого к действительности, т. е. значения реальности (синтаксический индикатив: синтаксические настоящее, прошедшее и будущее времена) и ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное)» [133]. Субъективная модальность определяется как «отношение говорящего к сообщаемому», присутствующее не во всяком высказывании. «Круг субъективно-модальных значений очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены» [133].

Круг модальных значений наиболее полно представлен в «Теории функциональной грамматики» [162, 67-68]. В рамках данной работы выделяются:

- оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/ирреальности (объективная модальность);
- оценка обозначаемой в высказывании ситуации как возможной, необходимой или желательной;
- оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого;
- целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания (по этому признаку предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные);
- значения утверждения/отрицания;
- эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания (выражаемая лексически: хорошо, ужас, стыдно, др.).

В.Г. Гак в «Теоретической грамматике французского языка» [38, 558-559] разделил коммуникативные категории на две группы: «категории,

ориентированные на говорящего», и «категории, ориентированные на собеседника». Среди категорий, ориентированных на говорящего, различаются:

- модальные в широком смысле: (а) утверждение, отрицание и (б) модальность в узком смысле (возможность, желание);
- дейктические: (а) категория лица и (б) пространственный и временной дейксис;
- эмотивность.

К категориям, ориентированным на собеседника, относятся:

- целенаправленность высказывания;
- информативность (актуальное членение);
- речевая ситуативность: (а) социальный аспект общения (вежливость), (б) функционально-стилистические модификации форм.

В.Г. Гак пишет, что ситуация, обозначаемая в предложении, включает два компонента – предметный (факты) и модально-коммуникативный (цель общения, отношение участников общения к событию, информированность об обстоятельствах события, социальный аспект и др.) [38, 468].

Объем термина «модальность», а также способы выражения модальности можно представить в виде следующей схемы, в основу которой положено деление модальности по Г.А. Золотовой [58, 142-152]:

Схема 1



В начале XXI века Е.В. Падучева предлагает еще одну классификацию модальностей, которая, с одной стороны, базируется на традиционных понятиях объективной и субъективной модальности, а с другой – на элементах теории речевых актов. В частности, Е.В. Падучева выделяет *иллокутивную модальность* [107; 109]. Под объективной модальностью понимается отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности, под субъективной – отношение говорящего к содержанию высказывания.

Значения субъективной модальности могут выражаться и морфологически (сослагательным наклонением), и лексически (вводными словами). Особую разновидность субъективной модальности представляют собой значения возможности и необходимости, выражаемые преимущественно особым классом предикатов (*мочь, нужно, быть должным* и др.) [107]. Под иллокутивной модальностью понимается модальность, соответствующая основным иллокутивным силам предложения (в традиционной терминологии это «тип предложения по цели высказывания»). Соответственно, выделяются три иллокутивные модальности: асертивная, побудительная и вопросительная. Иллокутивная модальность, так же как объективная, грамматически обязательна. Этим она отличается от субъективной модальности – которая не обязательна, хотя иногда и называется грамматической, поскольку имеет синтаксические рефлексy.

2.4 Понятие модуса

С категориями вводности и модальности тесно связано такое понятие, как *вербализованный модус*. Модусом называют ту часть содержания высказывания, в которой представлен субъект сознания и речи с его отношением к сообщаемому. Русский философ Г.Г. Шпет в работе 1916 г. пишет: «Каждое суждение сопровождается *implicite* некоторой мысленной прибавкой: “я вижу, что..., я слышал, нашел, уверен, сомневаюсь, рад” и пр., и пр. Т.е. речь идет или о т.н. модальности, или просто о “моем” отношении к чему-то, что констатируется безотносительно ко мне, в чем я, имрек, до специального вопроса о моем отношении к этому, просто “не участвую”» [182, 56]. Далее читаем: «Но допустим, что имреку ... кажется..., и ограничимся только сферой того, что кажется. Опять-таки, что именно кажется, оставим, – может быть, оно подвержено сомнению, но факт, что кажется, неустрашим, – не ясно ли тогда, что это “кажется” соотносительно я, и что последнее так же несомненно, как самый процесс “кажется”?» [182, 57].

В лингвистике понятие модуса было осмыслено Ш. Балли, который считал, что в любом высказывании реализуется противопоставление «фактического содержания» (диктума) и «индивидуальной оценки излагаемых фактов» (модуса) [12]. Рассуждая о категории модальности, Ш. Балли пишет: «Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъект – модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум» [12, 44].

Модусы делятся на эксплицитные и имплицитные; при этом основной формой выражения эксплицитного модуса является главное предложение в составе сложноподчиненного с придаточным дополнительным [12, 44] (в другой терминологии – изъяснительным).

Идеи Ш. Балли развивает в своих работах Н.Д. Арутюнова, которая предлагает выделять четыре типа модуса [9, 109-132]:

- перцептивный (сенсорный) модус, к которому принадлежат модусы чувственного восприятия (видеть, слышать и др.);
- ментальный модус (полагание, сомнение, истинностная оценка, незнание, общая аксиологическая оценка);
- эмотивный модус;
- волитивный модус (выражение желания и необходимости).

Существуют и другие классификации модусов – к примеру, классификации Н.К. Рябцевой [134] и М.В. Всеволодовой [37], в целом соотносимые с приведенной выше классификацией, однако имеющие некоторые отличия.

Так, с точки зрения Н.К. Рябцевой, ментальный модус распадается на четыре вида:

- интенциональный (квалифицирует объекты – *Насколько мне известно; Как я считаю*);

- интенциональный (квалифицирует намерения – *Я вынужден; Мне необходимо; Моей целью является*);
- операционный (характеризует действия по их воплощению – *Я предлагаю / отвергаю / изменяю следующее определение этого явления*);
- коммуникативный (характеризует способ изложения содержания – *Как я уже говорил; Об этом я скажу особо*).

Каждый из указанных видов ментального модуса, в свою очередь, подразделяется на эксплицитный и имплицитный [134].

Модусы могут интерпретироваться в связи с субъектом. Пиком явного присутствия субъекта мысли в тексте является автореференция: *Я ничуть не сомневаюсь в том, что; Как я думаю* и т.п. [134]. Н.Д. Арутюнова называет способность нейтральных модусов приобретать отнесенность к разным лицам субъективизацией модуса [9, 110]. Однако обычно субъект избегает прямого предъявления своего «Я» в тексте – происходит редукция модуса от формально бессубъектного до безличного: *Я ничуть не сомневаюсь в том, что* → *Несомненно, что*. Н.Д. Арутюнова называет этот процесс объективацией модуса [9, 109]. Н.К. Рябцева подчеркивает, что часто ментальный модус выражен имплицитно: в этом случае «субъект уходит “со сцены”, но не “выходит из игры” – он становится “режиссером”» [134, 53-54]. При этом ментальная лексика переходит в грамматику, модус переходит в диктум: *Я думаю, что пойдет дождь* → *Может пойти дождь* (внешнесинтаксическая модальность преобразуется во внутрисинтаксическую).

Несколько отличается классификация модусов М.В. Всеволодовой, которая определяет данную категорию как выражение «субъективных, идущих от говорящего смыслов» [37, 305]. В указанной работе предлагается выделять два класса модусов:

- модус текста, в который входит выражение авторизации (указания на источник информации), внутрисинтаксической модальности и оценки.

Данный модус выражается предикатами типа *думать, знать, возможно, ложь, нужно, хотеть, скверно* и т.п.;

- модус предложения, исходящий от говорящего и часто не имеющий вербального выражения, то есть не выражающийся предикатами.

Особую позицию в трактовке модуса, а также соотношения модуса и модальности занимает Т.В. Шмелева, проделавшая наиболее полную работу по описанию модусных смыслов в плане содержания и выражения [179; 180; 181]. С точки зрения Шмелевой, в плане содержания в состав модуса входят четыре типа категорий [181, 13-30]:

1. Метакатегории (авторские самооценки и автокомментарии собственной речевой деятельности).

2. Актуализационный аспект (персонализация, модальность, пространственно-временная локализация). Данный аспект модуса наиболее изучен, основную ответственность за его выражение несут морфология глагола и местоимение.

3. Кваликативный аспект (модальность, оценочность, авторизация, персуазивность). Т.В. Шмелева подчеркивает, что кваликативная модальность соотносится с актуализационной, «имея дело» только с ирреальностью и состоит в оценке осуществимости события и представлении его как возможного, необходимого, желательного и т.д. Таким образом, по Шмелевой, модус шире модальности: он включает в себя как актуализационную (объективную) модальность, так и кваликативную (субъективную).

4. Социальный аспект (предназначен для выражения отношения автора к адресату). Опирается, в основном, на вариативность номинаций.

Что касается плана выражения, в языке имеется серия возможностей для экспликации модуса. Этот список выглядит следующим образом (от минимального проявления модуса к максимальному):

- грамматический показатель одной из словоформ в составе предложения: *Молча-ть! Благодар-ю тебя.*
- служебные лексемы, не встроенные в систему синтаксических связей предложения: *пожалуй, буквально.*
- вводные конструкции полупредикативного типа (неспрягаемые формы глагола с распространителями): *по правде говоря, точнее сказать.*
- вводные конструкции предикативного типа, оформленные как Я-предложения или Все-предложения: *хочу сказать, надо отметить.*
- главное предложение изъяснительной конструкции: *Хочу сказать, что...*
- самостоятельная предикативная единица, предваряющая или заключающая высказывание: *Вот что я хочу сказать.*

Т.В. Шмелева приходит к выводу, что основной принцип организации грамматики модуса – это редукция предикативности, дающая такие ряды, как *скажу короче – если говорить короче – короче говоря – короче* [181, 32-33].

В «Коммуникативной грамматике русского языка» представлена типология модусов (модусных рамок), отчасти перекликающаяся с типологией модусов Д.Н. Арутюновой [9]. «В соответствии с системой коммуникативных регистров выделяется пять модусных рамок: (1) перцептивная, (2) ментальная, (3) волюнтивная, (4) реактивная, (5) речевая. Каждая модусная рамка имеет свой репертуар модусных, рамочных предикатов» [60, 280]. Так, перцептивная модусная рамка предполагает использование глаголов чувственного восприятия и производных от них форм (*видно, слышно*); в ментальной рамке используются глаголы восприятия в ментальном значении и их дериваты, а также глаголы знания и мнения; в волюнтивной рамке возможны модальные глаголы и глагольно-именные сочетания, модальные предикативы на –о (*нужно, должно*), а также глаголы речевого воздействия; в реактивных модусных рамках используются краткие прилагательные и предикативы на –о со значением

эмоционального состояния, имена существительные, краткие прилагательные и предикативы на –о со значением истинностной оценки; в речевых модусных рамках употребляются глаголы речи, речевой деятельности и интерпретации речевых действий [60, 280-282].

Говоря о категории модуса, необходимо рассмотреть вопрос о соотношении таких понятий, как «модусный глагол» и «предикат пропозициональной установки». Современная лингвистическая семантика предполагает деление предложения на «объективную семантическую константу» (диктум) и «субъективную переменную, выражающую отношение значения предложения к действительности (модальность), оценку достоверности сообщаемого говорящим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому» [79, 401] (модус). «Коррелятом пропозиции, соответствующим перечисленным выше значениям, является понятие пропозиционального отношения, или установки» [79, 401]. В предложениях *Я утверждаю (полагаю, знаю), что в городе начались беспорядки, Я боюсь, как бы в городе не начались беспорядки* и т. п. установка говорящего выражена предикатами пропозициональной установки *утверждать, полагать, знать* и т. д. Данные предикаты выражают разные типы модуса (ментальный, эмотивный). Таким образом, предикаты пропозициональной установки и модусные глаголы – близкие, а иногда совпадающие по значению термины. В данной работе используются термины «модус», «эксплицитный модус» и производные от них – «модусная рамка», «модусный дериват», «модусный предикат».

2.5 Модусные отадъективные дериваты на –о в концепции коммуникативной грамматики

Поскольку коммуникативная грамматика является теоретической базой настоящего исследования, представляется необходимым более детально

рассмотреть, как модусные отадъективные дериваты на –о, способные занимать парентетическую позицию, трактуются в рамках данной концепции.

Модусные отадъективные дериваты на –о связаны с такими понятиями коммуникативной грамматики, как *базовая модель предложения, коммуникативный регистр речи, субъектная перспектива* и *эгоцентрическая грамматическая техника*. Остановимся на некоторых из них более подробно.

Словосочетание «субъектная перспектива» было употреблено Г.А. Золотовой в книге 1973 г. в связи с интерпретацией способов авторизации [58, 276]. Схема субъектной перспективы была предложена Н.К. Онипенко в статье 1985 года [97] и применена для интерпретации морфологических категорий в статье 1994 года [94]. Затем модель субъектной перспективы получила дальнейшую разработку в «Коммуникативной грамматике русского языка» [60].

«Любое высказывание соединяет сферу субъекта диктума (сферу 3-го лица) и сферу субъекта модуса (сферу 1-го лица). Расстояние между этими двумя субъектными сферами может увеличиваться за счет умножения субъектных ролей: две диктальных – субъект базовой модели и субъект-каузатор; три модусных – субъект сознания, субъект речи и субъект восприятия речи» [95]. Соединение на одной оси пяти субъектных ролей (пять субъектных сфер) образуют модель субъектной перспективы высказывания и текста:

| <i>Модус</i> | | <i>Диктум</i> | | |
|--|-----------------------------|-------------------------------|----------------------------|--|
| <i>He- Я</i> | <i>Я</i> | <i>He –Я</i> | | |
| S ₅ Слушающий (адресат) | S ₄ Говорящий | S ₃ Авторизатор | S ₂ Каузатор | S ₁ Субъект базовой модели |

«Для каждого конкретного высказывания характерно свое соотношение между модусными и диктальными субъектными сферами. Разные варианты их – совпадение / несовпадение, включение / исключение – создают сложную структуру образа автора» [95].

В модель субъектной перспективы «встраивается» типология модусов — деление сферы субъекта сознания на пять типов модуса: восприятие, знание и мнение, воля, эмоция, речь.

В канонической ситуации функции субъекта речи и субъекта сознания соединяются. Однако «существуют такие речевые ситуации, в которых эти модусы принадлежат другому (другим), что обнаруживается внутри модусной рамки категорией лица. Тем самым создается основа для увеличения субъектной перспективы конкретного высказывания» [95].

Синтаксическая специфика *Я*-модусного субъекта состоит в том, что в диктальной части предложения оно не должно быть выражено. Местоимение *Я* внутри синтаксической конструкции обозначает соединение в одном референте диктальной и модусной ролей. Но и при разделении ролей возможна внутрисинтаксическая позиция для модусного субъекта: она создается в результате особой модусной модификации диктального предиката (авторизации, по Г.А. Золотовой [58]).

Если же модусная семантика «встраивается» в семантику диктального предиката, то начинает действовать эгоцентрическая грамматическая техника — «обнаружение конкретного *Я* посредством невыраженности» [96, 119-120].

Совпадение субъекта диктума и субъекта модуса при 3-м лице (в рамках художественного нарратива) означает увеличение субъектной перспективы за счет деления модуса на сферу субъекта мыслящего и сферу субъекта говорящего. Возможность такого деления обеспечивается эгоцентрическими элементами (например, интересующими нас модусными отадъективными дериватами на –о) и действием эгоцентрической грамматической техники.

Эгоцентрическая грамматическая техника состоит не только в том, что *Я* говорящего не выражается местоимением и что незаполненная синтаксическая позиция при модальном предикате принадлежит *Я* говорящему, но и в том, что семантика 3-го лица подчиняется 1-му лицу.

2.6 Модальность и эвиденциальность

Под эвиденциальностью понимается область значений, представляющих собой указание на источник информации. По Р. Якобсону, сущность эвиденциальности заключается в том, что «говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах, на догадках или на собственном прошлом опыте» [183, 101]. Таким образом, выделяются две субкатегории эвиденциальности: 1. говорящий опирается на сообщение другого лица; 2. говорящий строит свое умозаключение на основе косвенных данных (инференциальность)⁸.

В русском языке засвидетельствованность часто сопрягается со значениями такой смысловой области, как эпистемическая модальность, показатели которой оценивают информацию как более или менее достоверную. Соотношение эвиденциальности и эпистемической модальности дискутируется в литературе со времени осмысления данной категории как грамматической (в работах F. Palmer [195]; Th. Willet [197]; В.А. Плунгяна [115]; П.А. Леканта [78]; Р. Ницоловой [89]; Н.А. Козинцевой [72]; В.С. Храковского [170]; М.Ю. Григоренко [47]; Е.Н. Ореховой [103; 104] и др.)

Одни исследователи рассматривают эпистемическую модальность как субкатегорию засвидетельствованности [195; 197].

⁸ Отметим, что до того, как термин «эвиденциальность» получил широкое распространение, в русистике уже существовали понятия, связанные с указанием на источник информации, с выражением *Я*: это понятие авторизации, предложенное Г.А. Золотовой [58], понятие авторства, предложенное В.В. Казаковской [65].

Другие, наоборот, рассматривают эвиденциальность как один из аспектов эпистемической характеристики высказывания [194].

Н.А. Козинцева одной из первых в отечественной лингвистике предложила отнести эпистемическую модальность и засвидетельствованность к независимым друг от друга категориям на основании того, что само по себе указание на источник сведений не содержит информации об уровне достоверности информации [72]. Аналогичной точки зрения придерживается В.С. Храковский [170].

Интересный подход развивает Р. Ницолова. Она полагает, что, с одной стороны, категории эпистемической модальности и эвиденциальности находятся «в отношении частичного перекрывания» [89, 110], а с другой стороны, данные категории являются элементами более общей семантической категории «характеристика говорящим сообщаемой информации» [89, 108].

Похожая точка зрения выражается в работе М.Ю. Григоренко [47]: автор исследования говорит о пересечении эвиденциальности с категориями авторизации (свое / чужое) и персуазивности (достоверность/ недостоверность высказывания – насколько говорящий доверяет источнику информации), которые, в свою очередь, связаны с понятием модальности. Кроме того, М.Ю. Григоренко разрабатывает структуру поля эвиденциальности, выделяя в нем микрополе косвенной эвиденциальности, в которое входит зона инференциальности: в ядре этой зоны располагаются модальные слова типа *конечно* и ментальные глаголы. Иными словами, модальные слова являются средством выражения эвиденциальности в русском языке.

Вслед за типологами термин эвиденциальность начинают использовать представители классической русистики. П.А. Лекант предлагает рассматривать категории эпистемической модальности и эвиденциальности как типовые значения поля субъективной модальности. Он выделяет в семантическом поле субъективной модальности шесть «типовых квалификативных значений»: ядерное значение достоверности-недостоверности, околядерные –

эмоционально-оценочное, логической оценки, контактоустанавливающее, эвиденциальное, степени обычности. Данные квалификативные смыслы имеют смежные зоны, а также пересекаются с полями эмотивности, оценочности, градуальности, темпоральности, персональности [78, 130-132].

Е.Н. Орехова, продолжая мысль П.А. Леканта, пишет о том, что модальность эвиденциальности сближается с эпистемической модальностью благодаря общей семе «наличие информации, подвергаемой обработке» [103]. «Персуазивная семантика формируется тогда, когда говорящий анализирует объем этой информации, степень ее полноты, устанавливает причинно-следственные связи между явлениями и делает выводы. Модальность эвиденциальности – это, как правило, только указание на источник информации, что в ряде случаев связано со стремлением субъекта речи снять с себя ответственность за неверно высказанное суждение» [103, 95-96].

В настоящей работе эпистемическая модальность и эвиденциальность рассматриваются как смежные категории, объединенные общностью значений.

3. Терминологический инструментарий

Начиная с 70-х годов прошлого столетия в русистике наблюдается своего рода терминологический всплеск. По отношению к модусным отадъективным дериватам на –о, дающим парентезу, начинают применяться такие термины, как *метатекстовые элементы языка, эгоцентрики (эгоцентрические элементы языка), структурные слова, процедурно-контекстные слова и дискурсивные слова.*

3.1 Метатекстовые элементы языка

Метатекстовые элементы языка – понятие, введенное в научный обиход А. Вежбицкой. В работе 1978 года она выделила класс метатекстовых слов и выражений, с помощью которых говорящий высказывает не само утверждение,

а дает комментарий к основному тексту: «Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании» [30, 404].

По А. Вежбицкой, к метатекстовым выражениям относятся:

- выражения, включающие глагольную лексику «говорить», ее производные, их синонимы или активно близкие элементы (*короче говоря, иначе говоря, по правде говоря, кстати говоря, иными словами*);
- слова, выражающие дистантные отношения говорящего к высказыванию (*собственно говоря, что касается, если речь идет о, скорее*);
- выражения, указывающие направление хода мыслей (*впрочем, между прочим, кстати, далее, во-первых, наконец* и т.д.).

В «метатекстовой рамке» могут оказаться по преимуществу глаголы (*повторять, напоминать, обращать (внимание), подчеркивать, добавлять, резюмировать, сообщать, уведомлять, объявлять, предупреждать, отвечать* и др). Некоторые из них могут быть вводными: *Он, говорят, человек неинтересный*. В форме первого лица настоящего времени действительного залога метатекстовый глагол является «инородным телом», «незаполненной рамкой» [30].

В дальнейшем данный термин применялся в ряде лингвистических исследований по отношению к интересующим нас элементам языка, например, у М.Ю. Михеева [84], Е.В. Падучевой [109].

3.2 Эгоцентрические элементы языка (эгоцентрики)

Эгоцентрические слова и конструкции – это слова, содержащие отсылку к говорящему (ego). Изначально проблема эгоцентризма никоим образом не была связана с интерпретацией вводных слов: эгоцентрики рассматривались в связи с проблемой дейксиса. В семиотике эгоцентрики относят к разряду индексальных (или дейктических) знаков, т.е. таким, которые читаются по месту употребления, а этим местом является сфера коммуникации.

В лингвистике термин «эгоцентризм» фигурирует в работах К. Бюлера [27], В Гумбольдта [49], И.А. Бодуэна де Куртенэ [19]. Впервые на принцип эгоцентризма вслед за Ф. Боппом обратил внимание В. Гумбольдт: «Большинство слов имеет как бы повествовательную или описательную природу, обозначает объекты сами по себе, безотносительно к какой бы то ни было личности; напротив, в других случаях как раз выражение последней или собственная отсылка к ней составляет главную сущность значения» [49, 113]. К таким словам он относил, в первую очередь, местоимения.

Термин *egocentric particulars* был введен Бертраном Расселом применительно к дейктическим словам. В своей книге 1948 года Б. Рассел писал: «Целью как науки, так и обыденного здравого смысла является замещение изменчивой субъективности эгоцентрических слов нейтральными общественными терминами» [121, 98].

В дальнейшем лингвисты стали относить к означаемым эгоцентрического характера и глагольные категории лица, времени и наклонения. А.М. Пешковский называл их «субъективно–объективными» [114, 88-91], В.Г. Адмони – «коммуникативно-грамматическими» [1, 11-12], А.В. Бондарко – «актуализационными»⁹ [20, 50-60].

С концепцией эгоцентрических грамматических категорий связана интерпретация Р. Якобсоном так называемых «шифтеров» (категорий, характеризующих сообщаемый факт по отношению к факту сообщения либо к его участникам) [183, 95-113].

⁹ Понятие актуализации было разработано Ш. Балли: «Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта» [12, 87]. Язык вырабатывает специальные средства актуализации – «актуализаторы», которые могут быть выражены эксплицитно, но могут и подразумеваться. Под «актуализаторами» Ш. Балли понимает «различные приёмы, употребляемые для превращения языка в речь или, иначе говоря, для того, чтобы связать виртуальные понятия с соответствующими им в действительности предметами или процессами, чтобы превратить виртуальное понятие в актуальное; следовательно, актуализаторы — это грамматические связи» [12, 93].

Большое значение придавал эгоцентризму Э. Бенвенист, посвятивший этому принципу специальную статью «О субъективности в языке» и ряд других работ, объединенных в разделе книги «Общая лингвистика» под названием «Человек в языке»; под субъективностью он понимал способность говорящего представлять себя «в качестве субъекта в том акте, где я обозначает говорящего» [17, 293-296].

Концепции отражения в семантической системе языка эгоцентрического принципа получили развитие в работах Ю.С. Степанова, предложившего теорию трех типов грамматической абстракции – номинации, предикации и локации [142, 122].

С движением лингвистики в сторону изучения текста эгоцентрические слова и категории стали осмысливаться как показатели точки зрения, с которой должен прочитываться данный текст. В результате термин «эгоцентрик» вышел за пределы дейксиса и сблизился с категорией модальности. По выражению Е.В. Падучевой, «...субъективная модальность – это эгоцентричность минус дейксис» [109, 299]. Соответственно, эгоцентрики стали пониматься как показатели субъективизма (к эгоцентрикам стали относить не только *справа, слева, сегодня, завтра, этот, тот*, но и *конечно, по-видимому, наверное, в самом деле*). Таким образом, на современном этапе принцип эгоцентризма отражает проявление в языковых значениях отсылки к любому обозначенному субъекту сознания, выступающему в качестве говорящего.

Языковые элементы, семантика которых предполагает в канонической речевой ситуации говорящего, весьма разнообразны. Е.В. Падучева, обратившись к семантике нарратива и выделив три ипостаси говорящего, разделила эгоцентрические элементы языка на те, которые связаны с субъектом дейксиса, и те, которые связаны с субъектом сознания и речи. С субъектом дейксиса связаны местоимения и пространственные предлоги / наречия (*мимо, впереди, вдали, справа*). Субъекта сознания и речи обнаруживают:

- метатекстовые вводные слова и модальные частицы. Вот перечень метатекстовых оборотов, составленный Е.В.Падучевой: *а именно; например; без преувеличения; более того; в довершение всего; в каком-то смысле; в конце концов; в общем; в частности; напротив; начать с того; нечего сказать; однако; одним словом; откровенно говоря; по крайней мере;*

- «предикаты внутреннего состояния», функционирующие как вводные (список Е.В. Падучевой): *без сомнения; безусловно; бесспорно; в самом деле; вероятно; видимо; видно; возможно; все равно; действительно; должно быть; думается; итак; к несчастью; к сожалению; к счастью; кажется; конечно; может быть; (как) на беду; на самом деле; на счастье; наверное; не дай бог; некоторым образом; по всей вероятности; по-видимому; пожалуй; разумеется; скорее всего; слава богу; странное дело; увы; удивительное дело; чего доброго; что обидно; что приятно;*

- предикаты сходства и подобия (*напоминает*);
- показатели идентификации (*не кто иной как, тот самый*);
- слова со значением неожиданности (*вдруг*);
- неопределенные местоимения; обобщающие «врезки» (*как часто бывает, вообще*);
- слова с оценочным значением [109, 276-284].

Позже Е.В. Падучева различит первичные и вторичные эгоцентрики — в соответствии с тем, изменяется или не изменяется значение слова при переходе от речевого режима интерпретации к нарративному [109, 269], что, в свою очередь, имеет отношение к разграничению первичного и вторичного дейксиса.

Понятие эгоцентрика в лексической семантике оказалось связанным не только с наличием субъектной семы в семантике слова, но и со способом выражения субъекта. Н.К. Онипенко пишет, что собственно эгоцентриками называют те языковые средства, которые «без показателя субъекта (без местоимения *Я* и аффиксов 1-го лица) читаются в связи с *Я*-модусной рамкой,

обнаруживают присутствие субъекта модуса, говорящего» [95]. Понятие эгоцентрика соединило лексическую семантику и семантику морфологических категорий, связало проблему эгоцентризма с проблемой классификации грамматических категорий. М.А. Шелякин, рассматривая грамматические объекты в связи с проблемой мотивированности языковой системы, использует понятие «эгоцентризм» и предлагает различать четыре типа эгоцентризма: ориентационный (в который входят: персональный, коммуникативно-этикетный, пространственно-локализирующий, темпорально-локализирующий); событийно-интерпретирующий, информационно-интерпретирующий, информационно-актуализирующий – и распределяет грамматические и семантические категории между этими четырьмя типами [177, 208-241].

3.3 Структурные и процедурно-контекстные слова

Говоря о терминах, служащих для обозначения исследуемых нами языковых единиц, необходимо упомянуть о сочетании «структурные слова». Данный термин использовался в рамках словарного проекта Института русского языка РАН имени А.С. Пушкина, результатом которого стало создание учебного словаря структурных единиц русского языка: «все включенные в словарь единицы объединены тем, что они отражают область основных языковых и внеязыковых отношений, в том числе синтаксических (предлоги, союзы, связочные и полусвязочные глаголы), модальных (частицы, вводные слова), указательных – местоимения, количественных – числительные, эмоциональных и этикетных (междометия)» [85, 104].

Термин «процедурно-контекстные слова» употребляется в работах А.Н. Баранова и П.Б. Паршина, например, в [13]. Процедурный подход был подробно описан И.М. Кобозевой [71]. Его суть заключается в следующем: одна и та же процедура (инвариант) может дать разные результаты (варианты), будучи примененной в разных условиях (контекстах). Согласно

рассматриваемой концепции, процедурно-контекстные слова – это такие слова, употребление которых опирается на контекст и ситуацию общения. Таким образом, интересующие нас элементы языка в очередной раз подводятся под более широкую категорию.

3.4 Дискурсивные слова

Термин «дискурсивные слова» (ДС) был впервые использован в работах французского лингвиста Освальда Дюкро для обозначения единиц различной категориальной принадлежности, играющих существенную роль в организации текста: они указывают на различного рода отношения между коммуникантами, обеспечивают связность текста, выражают логические и др. отношения между его фрагментами и т.д. К.Л. Киселева пишет, что такого рода единицы «управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [69, 11].

Класс дискурсивных слов не имеет четких границ и объединяет единицы, которые традиционно относят к различным частям речи (частицам, наречиям и др.). Принадлежность слова к классу дискурсивных слов определяется главным образом на основании функциональных критериев.

Своеобразие плана содержания дискурсивных слов часто интерпретируется как отсутствие у этих единиц собственного лексического значения или как десемантизация слова в его дискурсивных употреблениях. Значения дискурсивных слов — категория более субъективная, чем значения однозначных слов. Проведение границы между значением ДС и значением контекста также оказывается значительно более сложной процедурой, чем в случае конкретной лексики.

Начиная с 70-х гг. в отечественной лингвистике появилось немало работ, посвященных отдельным дискурсивным словам (полный перечень данных работ приводится в исследовании К.Л. Киселевой [69]).

В настоящее время термин «дискурсивные слова» активно используется в рамках русско-французского проекта описания ДС, участниками которого являются Д. Пайар, А.Н. Баранов, Е. В. Рахилина, К.Л. Киселева и др. Данный проект опирается отчасти на теорию «высказывательных операций» А. Кюльоли, которая теория получила подробное истолкование в работах В.А. Плунгяна [116] и К.Л. Киселевой [69]. Название теории подчеркивает, что ее предназначение не описывать лингвистическую компетенцию, а моделировать деятельность коммуникантов по построению высказываний в определенных ситуациях. Большое значение в рассматриваемой концепции придается диалогу как основе любой коммуникации. Говорящий и его собеседник не только определяют отдельные черты высказываний, выбирая определенное время, вид, лицо, модальность, но и должны быть «интегрированы в описание как теоретические концепты» [69, 56].

Теория «высказывательных операций» указывает на необходимость описывать смысл высказывания с помощью разных метаязыковых средств. Ключевым понятием разработанной системы метаязыковых представлений является понятие базовой формы, которая представляет собой «метаязыковое представление эмпирической языковой формы» [69, 62-63]. На основе базовой формы возникают дополнительные формы, являющиеся деформациями базовой. При описании слова выделяются три области, три раздела: базовая форма и ее «границы» (варианты), сфера действия слова и взаимодействие слова и контекста (контекстные деформации).

4. Грамматические классификации модусных отадъективных дериватов на –о

Исследователи, занимающиеся рассмотрением модусных отадъективных дериватов на –о, выступающих в качестве вводных слов, как правило, стремились разработать классификацию названных языковых элементов. В

основе такой классификации могут лежать разнообразные принципы – словообразовательный, семантический, функциональный и др.

Одна из первых классификаций вводных слов была предложена Д.Н. Овсяннико-Куликовским [92]. А.А. Шахматов предложил классификацию вводных слов, основанную на их синтаксической истории. Модусные отадъективные дериваты на –о, дающие парентезу, попадут в группу единиц, производных от односоставных наречных предложений [176, 265-273].

Еще одна классификация модальных слов была предложена В.В. Виноградовым в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Основываясь на функциональном критерии, Виктор Владимирович выделяет двенадцать основных разрядов модальных слов [34]. По Виноградову, интересующие нас единицы попадают в разные классы: в группу модальных слов, выражающих логическую оценку содержания высказывания (*Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья* (Мельников-Печерский, «В лесах»)), в класс модальных слов, выражающих не обособленное сравнение, а модальную оценку какого-нибудь выражения в составе основных членов предложения (*Он три дня точно прятался и, видимо, избегал встречи* (Достоевский, «Идиот»)).

В Грамматике 1952-1954 [43; 44; 45] предложена классификация вводных слов, основанная на словообразовательных критериях. «С точки зрения соотнесенности вводных слов с теми или иными частями речи различаются именной и глагольной типы вводных слов» [44, 144]. Модусные отадъективные дериваты на –о, дающие парентезу, отнесены к именному типу образований, соотносимых с наречиями. С точки зрения семантики, в Грамматике 1952-1954 выделяются восемь групп вводных слов и сочетаний. Интересующие нас модусные отадъективные дериваты на –о относятся к вводным словам, содержащим оценку степени достоверности сообщения.

Похожую классификацию видим и в Грамматике 1980 [133].

В исследованиях последних лет интересующие нас единицы языка, в основном, классифицируются с функциональной точки зрения. Например, в классификации Н.В. Рачук [122] вводные слова делятся на следующие типы: авторизационные компоненты, персуазивные компоненты (в эту группу попадут анализируемые модусные отадъективные дериваты на –о), эмоционально–оценочные компоненты, метатекстовые компоненты, контактоустанавливающие компоненты.

В некоторых работах исследователи предлагают многоаспектные классификации интересующих нас единиц. Так, в исследовании Е.А. Пантелеевой [111] на основании коммуникативно-прагматических критериев выделяются следующие классы анализируемых слов: акцентно-утвердительные вводные элементы, акцентно-вероятностные вводные элементы, эмотивно-квалификативные вводные элементы, адресно-маркированные вводные элементы, фатические вводные элементы, метатекстовые вводные элементы. Модусные отадъективные дериваты на –о здесь распределяются между первыми двумя группами.

Автор настоящего исследования не отдает предпочтения какой-либо из приведенных выше классификаций и не считает целесообразным разрабатывать собственную классификацию модусных отадъективных дериватов на –о. Деление на группы подразумевает лишь описание участка языковой системы, прикрепление «ярлыков» к единицам языка. Наша же задача – попытаться объяснить «поведение» рассматриваемых элементов языка в разных ситуациях, выявить причины, по которым, казалось бы, гомогенные единицы могут функционировать в совершенно разных синтаксических позициях. Мы стремимся не дробить обширный класс анализируемых языковых элементов на частные группы, а, наоборот, увидеть за конкретными употреблениями общие закономерности.

5. Модусные отадъективные дериваты на –о и категория оценки

Поскольку модусные отадъективные дериваты на –о являются одним из средств выражения субъективной модальности, представляется целесообразным рассмотреть вопрос об отношении названных единиц языка к категории оценки.

Проблема соотношения категории субъективной модальности и квалификативности в лингвистике не имеет однозначного решения.

В.В. Виноградов не сформулировал четко свою позицию в отношении того, относятся ли к субъективной модальности экспрессивные элементы языка. С одной стороны, В.В. Виноградов считал, что «необходимо проводить грань между эмоциональными формами выражения реакции на действительность и модальной оценкой» [33, 49]. С другой стороны, он отмечает, что «с категорией модальности частично переплетаются разные виды эмоциональной экспрессии» [33, 49].

Некоторые ученые говорят о разграничении категорий субъективной модальности и категории оценки (например, Т.В. Маркелова [82]). Другие же полагают, что категория оценки является одним из видов субъективной модальности (Н.Д. Арутюнова [9], Е.М. Вольф [35], П.А. Лекант [78], Е.Н. Орехова [99; 104]) или даже ее сущностью (В.Н. Телия [146; 147]). Приверженцы второй точки зрения считают, что общим для субъективной модальности и квалификативности является указание на отношение говорящего к сообщаемому.

Семантико-синтаксическое понимание оценки представлено в работах Г.А. Золотовой [напр., в 57]. Золотова предлагает говорить об особом классе слов – словах «категории оценки», главным свойством которых является употребление с пропозициональными подлежащими - с инфинитивом и девербативом (более подробно о категории оценки у Золотовой см. стр. 13-14 настоящего исследования).

В рамках настоящего исследования мы будем считать категории оценки и модальности взаимосвязанными, но не совпадающими явлениями. Отношение к чему-либо еще не есть оценка. В узком смысле оценка - это суждение об объекте, основанное на понятиях «хорошо / плохо».

Кроме того, категория модальности — это синтаксическая категория, которая помимо лексических средств может быть выражена чисто синтаксически (см. синтаксическое наклонение по А.А. Шахматову [176]), в то время как оценка – на уровне лексемы (в корне). Модусные отадъективные дериваты на –о, анализируемые в настоящей работе, не способны выражать собственно аксиологические значения: при помощи данных слов нельзя оценить предмет как хороший или плохой. Посредством модусных отадъективных дериватов на –о можно охарактеризовать содержание высказывания с точки зрения его истинности, достоверности, однако достоверность не есть аксиологическая оценка.

6. Модусные отадъективные дериваты на –о с точки зрения их текстового функционирования

Проблеме функционирования модусных отадъективных дериватов на –о в художественном тексте посвящено немало лингвистических и литературоведческих исследований. Для обозначения модусных отадъективных дериватов на –о здесь используются такие термины, как «слова остранения», метатекст, дискурсивные слова и др.

Б.А. Успенский выдвинул понятие «психологической точки зрения», под которой понимается ссылка писателя на то или иное индивидуальное сознание [165]. Им выделяются два типа повествования в художественном произведении - с использованием внутренней и внешней точек зрения.

Поведение человека может описываться «с точки зрения какого-то постороннего наблюдателя, место которого может быть как четко определено, так и не фиксировано в произведении. В этом случае описывается лишь то

поведение, которое доступно наблюдению со стороны» [165] (внешняя точка зрения). Признаком данного типа описания является употребление в тексте специальных слов типа *видимо, очевидно* и т.п. «Указанные слова-операторы используются автором как специальный прием, функция которого - оправдать применение глаголов внутреннего состояния по отношению к лицу, которое, вообще говоря, описывается с какой-то посторонней («остраненной») точки зрения. Их можно называть соответственно «словами остранения» [165]. При этом мнение, выражаемое при помощи названных элементов языка, обычно принадлежит либо самому автору, либо герою произведения, в образ которого «вживается» писатель.

Поведение человека может также описываться с точки зрения «всевидящего наблюдателя», либо – самого автора. «В этом случае описываются такие процессы (чувства, мысли, ощущения, переживания и т.п.), которые в принципе не могут быть доступны наблюдению со стороны» [165] (внутренняя точка зрения). Формальным признаком данного типа описания является употребление в тексте глаголов внутреннего состояния, например, *он подумал..., он почувствовал...* и т.п.м

Е.Р. Иоанесян в одной из своих работ рассуждает о проблемах эпистемического согласования. Она пишет, что «в общем случае язык ограничивает число прямых показателей эпистемической модальности одним — эксплицитным или имплицитным» [61, 116]. Поэтому ни «эпистемические глаголы», ни «показатели достоверности» (в том числе интересующие нас модусные отадъективные дериваты на –о) «не употребляются при очевидных пропозициях» [61, 116]. Однако в художественном тексте в одном предложении могут использоваться «два эксплицитных показателя эпистемической модальности» [61, 117]. Это может быть (1) текст, представляющий собой «повествование со ссылкой на сознание некоторого персонажа. В этом случае автор, описывая эпистемическое состояние своего героя, может не только квалифицировать это состояние <...>, но и, поскольку он "видит" своего героя

"изнутри", передать нам его слова-мысли» [61, 117]; (2) текст, представляющий собой повествование от 1-го лица: «в текстах такого рода говорящий (автор) "раздваивается", выступая одновременно и объектом описания (действующим лицом), и субъектом» [61, 120]. Таким образом, «присутствие двух эпистемических показателей в пределах одного высказывания <...> связано с наличием двух разных субъектов, один из которых описывает содержание сознания другого» [61, 120].

Е.В. Падучева предложила выделять три ипостаси говорящего [108]:

- говорящий как субъект речи;
- говорящий как субъект сознания;
- говорящий как субъект референции.

Метатекстовые элементы языка обнаруживают субъект речи; вводные слова типа *по-видимому* и слова категории состояния типа *обидно* – субъект сознания, а такие наречия, как *здесь* и *сейчас*, указывающие на точку отсчета, – субъект референции (дейксиса).

По Падучевой, средством выражения точки зрения говорящего (субъекта речи / сознания) являются эгоцентрические элементы языка. В художественном произведении эгоцентрические слова могут выражать позицию писателя [109].

Модель анализа текста с учетом вводности представлена в «Коммуникативной грамматике русского языка»: авторы рассматривают «отношение к тексту ряда вводно-модальных слов, которые принято было описывать в рамках предложения» [60, 432]. В центре внимания оказываются вводно-модальные слова, являющиеся показателями эпистемической модальности (проблематической и категорической достоверности), в том числе модусные отадъективные дериваты на –о, выступающие в качестве вводных слов (*возможно, очевидно, вероятно; конечно, несомненно, бесспорно*). Авторы приходят к выводу о том, что «модальные слова со значением предположительности служат <...> как бы оправданием включения в авторский

текст нефактической информации» [60, 435]. Данные слова являются «пограничной вехой между предикативными единицами, принадлежащими к разным регистрам» [60, 435]. Вводно-модальные слова, выражающие «категорическую достоверность», также выполняют «пограничную функцию»: они указывают на смену субъектных планов. Таким образом, авторы «Коммуникативной грамматики» показывают, что сфера действия вводно-модальных слов «не ограничивается пространством предложения, их значение простирается за пределы предложения, в текст» [60, 437].

Е.Н. Орехова в своих работах также рассуждает о текстовых функциях вводно-модальных слов [104; 101]. Автор говорит о том, что названные элементы языка являются «дискурсивными знаками», их использование «прагматически обусловлено» и связано с «коммуникативной перспективой текста» [104]. В различных типах дискурса (научный, политический, художественный и др.) употребление «модальных квалификаторов» (вводно-модальных слов) специфично, однако во всех случаях они являются «средством выявления модусного содержания и характеризуют языковую личность автора» [104].

7. Понятие модусных транспозитивов на –о

Итак, модусные отадъективные дериваты на –о – это форма, связанная, с одной стороны с краткими прилагательными среднего рода, а с другой стороны с наречиями и предикативами. Поскольку внешних различий между перечисленными единицами нет, а язык, как известно, не терпит существования дублетов, между модусными отадъективными дериватами на –о, краткими прилагательными, наречиями и предикативами вырабатываются различия семантические и функциональные.

Исследование показало, что можно и нужно говорить о существовании особой зоны «слов на –о». Языковые единицы, относящиеся к данной зоне, выделяются тем, что у них не действует механизм флективного маркирования.

Можно сказать, что здесь происходит «частеречная нейтрализация». Об этом явлении говорил еще М.В. Панов в «Позиционной морфологии», рассуждая о морфологической характеристике слова *видно* в русском языке [110]. При характеристике анализируемых единиц становится абсолютно не важно, что перед нами с точки зрения частеречной принадлежности. Нам важно, какую функцию выполняет в тексте данная языковая единица.

Для именованной анализируемой группы модусных отадъективных дериватов на –о мы предлагаем использовать термин *модусные транспозитивы*. Термин «транспозитивы» восходит к теории транспозиции, разработанной, как и понятие модуса применительно к лингвистике, Ш. Балли [12, 130-144]. Определение «модусные» связано с семантикой анализируемых единиц языка (выражение мнения).

В концепции Ш. Балли под транспозицией понимается процесс, в результате которого «языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории, к которой он не принадлежит» [12, 130] (термин «лексическая категория» применяется Ш. Балли по отношению к частям речи). В своей работе Ш. Балли предлагает использовать такие «технические» термины, как «транспонируемый знак» (*transponend*; знак, который должен подвергнуться транспозиции) и «транспонирующий знак» (*transpositeur*; знак, выражающий новую категорию или категорийный знак). «Транспонируемое, после преобразования его с помощью транспонирующего, становится транспонированным (*transpose*)» [12, 132-133]. Аналогом французского термина «*transpose*» можно считать термин *транспозит*, однако финалия -ит- ассоциируется более со словообразованием. Поэтому в настоящей работе выбирается термин «транспозитив», который указывает на отнесенность к морфологии и синтаксису.

Аргумент в пользу термина *транспозитив* можно найти и в Пражской «Русской грамматике» 1979 года, где краткие прилагательные и наречия также

рассматриваются в связи с проблемой словоизменительной транспозиции [131, 332-336]. «Основные противопоставления прилагательных образуют систему форм транспозиции, которые в плане словоизменения закрепляют соотнесенность лексико-семантического содержания с синтактико-позиционной структурой предложения» [131, 332]. Маркированные предикативные формы (*решение правильно*) именуется здесь предикативными, их основная функция – детерминация; маркированные неатрибутивные формы называются наречными (наречно-обстоятельными, адвербиальными – *правильно ответить*), их основная функция – функция атрибута.

Представляется необходимым остановиться более подробно на соотношении между модусными транспозитивами на –о и предикативами (словами категории состояния), которые, безусловно, имеют семантическое и функциональное сходство: (1) данные элементы языка связаны с Я говорящим, с его внутренним миром – мыслями, ощущениями, чувствами. (2) слова категории состояния и модусные транспозитивы на –о могут употребляться в составе рамок с подчинительным союзом *что*. Но есть и серьезные различия.

Сравним конструкции *Бесспорно, что...* и *Больно, что...*. В конструкции *Больно, что...* между главным и придаточным предложениями устанавливаются причинно-следственные отношения. В таких контекстах союз *что* можно заменить на *потому что*: *Мне больно, что она его любит, и я ревную.* (Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда) → *Мне больно, потому что она его любит, и я ревную.* Имеется в виду ‘больно осознавать’ – причина в осознании. В конструкции же *Бесспорно, что...* нет причинно-следственных отношений между главной и придаточной частями, соответственно, нельзя произвести замену союза *что* союзом *потому что*.

В отличие от предикативов, функционирование модусных транспозитивов на –о основывается на двух механизмах: модусной семантике и эгоцентрической технике (при невыраженности субъекта модусные транспозитивы на –о прочитываются как Я-модус). Именно взаимодействие

модусной семантики и эгоцентрической техники позволяет модусным транспозитивам выступать в качестве вводных слов.

Для категории состояния соотношение иное: семантика слов категории состояния складывается из диктальной (вещественной) и модусной составляющих. Отметим, что модусная составляющая факультативна, а диктальная обязательна. Соответственно, для большинства слов категории состояния возможны два употребления: собственно диктальное и диктально-модусное. К первому относятся контексты типа *Мне больно*, *Ему жарко*, когда говорящий действительно физически испытывает боль, жар, дискомфорт и прочее. Слова категории состояния в подобных контекстах изначально предикативны, они отражают объективные факты: окружающая (внеязыковая) действительность оказывает влияние на говорящего, тем самым вызывая у него определенные чувства. Эти чувства говорящий не контролирует, они возникают без его воли. Данный процесс можно схематично изобразить следующим образом: «говорящий ← окружающий мир». При диктально-модусном употреблении задействована модусная составляющая предикативов, которую можно эксплицировать ментальными предикатами: *Грустно, что = грустно осознавать, что... Больно, что... = Больно думать, что...*¹⁰. Для слов типа *жарко*, у которых модусной составляющей нет, рамочные конструкции невозможны: **Жарко, что...* .

У модусных транспозитивов на –о типа *бесспорно* или *очевидно* вещественная составляющая отсутствует. Это языковые единицы иной природы: они отражают осмысленную, преднамеренную оценку говорящим некоего положения вещей: «говорящий → окружающий мир». Поскольку

¹⁰ Соотнесенность причинно-следственных отношений с наличием модусной составляющей учитывает Е.С. Ярыгина при рассмотрении конструкций вывода-обоснования (КВО) [189; 190; 191; 192; 193]: «прочитывание синтаксической структуры предложения как КВО зависит от маркированного модуса мнения в главном предложении» [191, 166-167]. Похожей точки зрения придерживается и Е.Н. Орехова: «...Можно говорить о том, что модус «полагания» «встраивается» в толкование причинных предложений как конструкций, выражающих предположение» [153, 44].

подобные слова несут ментальную информацию, происходит их «прикрепление» к Я говорящему и / или мыслящему. Именно поэтому модусные транспозитивы на –о выходят за рамки предложения; их предикативность – это предикативность второго ранга: несамодостаточная, обращенная к другой предикативной единице. Предикативный потенциал транспозитивов реализуется в рамочной позиции: *бесспорно, что...* ; *очевидно, что...* При этом для слов, соотносимых (по корню) с перцептивными глаголами условием функционирования во вводной и рамочной позициях является потеря этими словами перцептивной семантики¹¹.

В рамочной позиции появляется возможность эксплицитного представления модусного субъекта. И здесь мы вновь видим разницу между предикативами на –о и модусными транспозитивами на –о: первые употребляются с беспредложным дательным падежом (*Мне больно, Ему грустно, Мне жаль*), в то время как вторые допускают не только дательный падеж без предлога, но и ‘Для + Р.п.’ (*Мне/Брату стало очевидно, что...; Для меня/Для брата очевидно, что...*). Беспредложный дательный падеж обозначает чувствующего субъекта, поэтому его использование со словами типа *больно* логично и естественно. ‘Для + Р.п.’ несет в себе указание на рацию, рефлекссию, анализ. Поэтому к данной синтаксеме тяготеют модусные транспозитивы на –о.

Кроме того, для некоторых модусных транспозитивов на –о возможны синонимические конструкции с однокоренными полными прилагательными в творительном падеже (*Считаю X несомненным, нахожу X очевидным*, где X – пропозициональная валентность), в то время как предикативы не имеют подобных синонимических конструкций (**Считаю / нахожу X холодным*). Данные конструкции с полными прилагательными можно интерпретировать как

¹¹ Этим и объясняется невозможность вводного употребления для лексемы *заметно*, которая сохраняет перцептивную сему в семантике.

экспликацию модусной семантики (ментальный модус) транспозитивов на –о (несомненно = *считаю несомненным*).

Выводы:

1. Обзор научной литературы показал, что для обозначения одного и того же объекта – модусных отадъективных дериватов на –о, дающих парентезу, (модусных транспозитивов на –о) - используются различные термины, в каждом из которых подчеркивается определенная грань исследуемых языковых единиц. Сочетания «вводное слово» и «парентетическое слово» указывают на синтаксическую позицию изучаемых элементов (вне предложения), на возможность исключения таких единиц из высказывания без потери его смысла. Термин «модальные слова» говорит скорее о семантике интересующих нас слов, о связи данных языковых единиц с категорией модальности, с выражением точки зрения говорящего. В рамках текстового подхода исследователи стремятся подвести анализируемые элементы под более широкий класс единиц (метатекстовые единицы, эгоцентрики, «структурные», «процедурно-контекстные», «дискурсивные» слова). Иными словами, можно говорить о трех терминологических подходах к номинации анализируемых единиц языка: формально-грамматическом, категориально-семантическом и функциональном (текстовом).

2. За пестротой терминологии стоит долгая история изучения вводности – движение по линии «форма → содержание → функция». От формального критерия вводности – внепредложенческой позиции, ученые постепенно переходят к анализу семантики модальных слов (степень достоверности, указание на источник информации, выражение отношения к предмету речи) и далее к рассмотрению текстовых функций данных элементов языка.

3. В рамках текстового подхода для именованного класса модусных отадъективных дериватов на –о, способных занимать позицию вводных слов,

мы предлагаем использовать термин *модусные транспозитивы на –о*. Модусные транспозитивы на –о характеризуются рядом семантических и функциональных особенностей; их модусная семантика реализуется по отношению к предикативной (диктальной) единице, но сфера их действия шире, чем одно высказывание, поскольку модусные транспозитивы обнаруживают и отношения между высказываниями в линейной последовательности текста.

Раздел II. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о (проблема вводного слова)

1. Словник

При работе над материалом нами были отобраны 28¹² модусных транспозитивов на –о. Основными критериями отбора стали следующие параметры:

- производность от полных прилагательных в синхронии (*очевидно*) или диахронии (*конечно, наверно*);
- способность выступать как средство обнаружения субъекта модуса в парентетической позиции;
- способность разворачиваться в рамочную конструкцию, обусловленная предикативной природой языковой единицы.

В статье Дж. Урмсона для именованя глаголов, способных употребляться во вводной позиции, используется термин «парентетические глаголы» [164]. Можно сказать, что наш словник представляет собой набор «парентетических деадъективов». По словообразовательному типу

¹² Фактически полученный список состоит из 30 слов; в настоящем исследовании языковые единицы *наверно* и *наверное*, а также *неспорно* и *неоспоримо* рассматриваются как варианты, поэтому список сокращается до 28 единиц.

анализируемые единицы будут относиться к суффиксальным формам (наречиям или предикативам), мотивированным полными прилагательными и образованным при помощи суффикса -о- [132; 133].

При подборе материала нами были использованы:

- **словари.** При выборе словарей мы старались включить в перечень академические издания (БАС [15], МАС [83]), «научно-популярные» словари (например – Толковый словарь русского языка по ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (здесь и далее - СО) [93]), также мы стремились анализировать данные словарей разного типа: исторических [138], толковых [15; 82; 92], словообразовательных [149; 150; 178], грамматических [56], интегральных [90; 91], дискурсивных [53; 54], тематических [119]. Таким образом, нашей целью было составление полного списка модусных транспозитивов на –о: используемых сегодня и устаревших, обладающих разными стилистическими пометами.

- **Национальный корпус русского языка** (далее – НКРЯ) [88].

Итак, вот список собранных модусных транспозитивов на –о с примерами употребления (примеры даются только для позиции вводного слова):

1. **Безусловно.** *Вот вы, например, безусловно, не с улицы сюда пришли, а кончили какой-то особый юридический институт.* (Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5)

2. **Бесспорно.** *Я тоже был светловолосый, но с прямыми вихрами, и чувствовал, что бабушка Леньку любит больше, чем меня. Хотя и меня она, бесспорно, любила тоже.* (Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь)

3. **Верно.** “Я даже матери не рассказал, а я ей все говорю”. Верно, мать Антона была в курсе всех его замыслов и работ. (Юрий Трифонов. Дом на набережной)

4. **Вероятно.** *Если бы энергия, которую вы в течение всей вашей жизни затратили на поиски денег для уплаты процентов, пошла у вас на что-*

нибудь другое, то, вероятно, в конце концов вы могли бы перевернуть землю.
(А.П.Чехов. Вишневый сад)

5. **Вестимо (устар.)** Вестимо, в чужих людях даром хлеба не дадут...
(Д. В. Григорович. Бобыль (1847))

6. **Видимо.** Короче, они ушли вместе с Андреем и потом, видимо, где-то напились. (Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001))

7. **Видно.** Климентьев, памятный по своей профессии на лица, при этом узнал женщину и не успел во взгляде скрыть, что узнал, она же заметила его колебание и, видно, утвердилась в догадке. (Александр Солженицын. В круге первом, т.1)

8. **Возможно.** Нарочитой грубостью, громом обрушившегося с высоты тела разряжала она обстановку, снимала гнетущее впечатление с народа, возможно, и с себя. (Виктор Астафьев. Обертон)

9. **Всконечно (устар.)** Домна Платоновна, всконечно, заметила это и пожелала полюбоваться производимым ею политическим эффектом.
(Н.С. Лесков. Воительница)

10. **Действительно.** Действительно, не слишком ли большая это роскошь в тоталитарном обществе - свобода слова. (Василь Быков. Бедные люди)

11. **Естественно.** И немедленно же он обращал к небу горькие укоризны за то, что оно не наградило его при рождении литературным талантом, без чего, естественно, нечего было и мечтать овладеть членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, - известным всей Москве билетом. (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1))

12. **Знамо.** Даже технику стали использовать, надо же. — Поверить вы, знамо, не сможете. Ну! (Василий Шукшин. Гена пройдисвет (1970-1974))

13. **Известно.** - Но мы-то с вами, - махнул рукой директор, - мы-то с вами, известно, - золото! Мы люди деловые, точные, с нами шутки плохи. (Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1)

14. **Истинно.** Как от греха спасаясь, начинаем каждый самостоятельно производить свой домишко, свою норушку, свою несвободу, да толку нет... Здесь уже, истинно, всё дело рук человеческих — вот этих самых рук... Эх, грешных, проклятущих рук! (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней)

15. **Конечно.** - Любовь, конечно, основное - это все знают и помнят, - сказал Гетманов, - но, кроме того, есть вещи, которые некоторые советские люди забывают. (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1)

16. **Наверно/ наверное.** Ни одно литературное сочинение, наверно, не произвело на маму такого сильного впечатления, как мое. (Анатолий Алексин. Раздел имущества)

Наверное, это была афиша оперетты или мюзик-холла. (Евгений Гришковец. ОдновреМенно (2004))

17. **Натурально.** Правда, все они принимали тогда Петра Степановича за приехавшего заграничного эмиссара, имеющего полномочия; эта идея как-то сразу укоренилась и, натурально, льстила. (Ф.М. Достоевский. Бесы)

18. **Несомненно.** Это, несомненно, был какой-то новый, совершенно незнакомый мне человек. (Юрий Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1)

19. **Неспорно (устар.) / неоспоримо.** Неспорно, что наш язык богат. (Мартынов Сух. ИРА VII 287)

Задачи нашей внешней политики стали еще более грандиозны, а их внутренние предпосылки — еще более скромны и хилы. Опять то же несоответствие между ресурсами «народа» и полетом «государства». Видно,

от исторической судьбы не уйдешь. Всегда характерная для России напряженная устремленность к огромным, всемирно-историческим свершениям и целям есть, неоспоримо, знак величия и народа ее, и государства. (Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927))

20. **Определенно.** Определенно, дом моды в доме — это модная тема. (Юлия Пешкова. Дом мод (2002) // «Домовой», 2002.09.04)

21. **Очевидно.** Очевидно, объявлять о том, что коммунизм уже построен, вообще не придется никогда, это было бы методически неверно. (Александр Солженицын. В круге первом, т.1)

22. **Подлинно.** Замечал я тоже нередко, что в литературе и в частной жизни наступали великие обособления и исчезала многосторонность знания: люди, до пены у рта оспаривавшие своих противников, по десятку лет не читали иногда ни строчки из написанного их противниками: “Я, дескать, не тех убеждений и не стану читать глупостей”. Подлинно, на грош амуниции, а на рубль амбиции. (Ф.М.Достоевский. Дневник писателя)

23. **Понятно.** Фетинья, понятно, язык прикусила, а сама думает: не я буду, коли эту девку не изведу. (П. П. Бажов. Шелковая горка)

24. **Предположительно.** Он будет глядеть на ровную пашиню, как мы глядим на ровные волны океана, на месте которых, предположительно, процветала сказочная страна Атлантида... (В. А. Солоухин. Смех за левым плечом (1989))

25. **Решительно.** Нет, решительно, я не рожден для семейной жизни... (И. С. Тургенев. Где тонко, там и рвется (1851))

26. **Случайно.** На столе стояла бутылка, тщательно обернутая в газету. - Это, случайно, не для меня? - спросил Корнилов. Хозяйка подняла голову от шитья и улыбнулась. (Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3) (Обратим внимание на то, что случайно функционирует как вводное слово только в вопросительных конструкциях).

27. *Слышно*. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. (А.С.Пушкин. Капитанская дочка)

28. *Точно*. А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались её украсть, только не удавалось. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Еще четыре лексемы - *следовательно*, *следственно* (устар.), *собственно* и *соответственно*, формально близкие словам из приведенного списка и способные выступать в предложении в качестве вводных слов, не были включены в словник. Данные лексемы не «работают» в составе рамок, то есть не удовлетворяют заданным критериям: единственный пример рамочного употребления, датированный XVIII веком, был обнаружен для лексемы *следственно*: *Поверь мне, что хотя б ты и звал их оттуда и мог их опять оживить, то они сами не захотят этого; итак, следственно, что стенанием своим ты их только оскорбляешь.* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)) – здесь *следственно, что* = *из этого следует, что...*

Не вдаваясь в этимологию, по имеющемуся диахронному материалу, можно сделать следующие выводы.

Лексема *собственно* представляет собой реликт полноценного деепричастного оборота *собственно говоря* и не может выступать в рамочной позиции.

Лексема *следовательно* (устар. *следственно*) в словарях интерпретируется как вводное слово либо как союз, причем разница в значении и функциях *следовательно* в первом и втором случаях не слишком заметна. В справочнике по орфографии и пунктуации русского языка под редакцией Д.Э. Розенталя *следовательно* интерпретируется только как вводное слово [123, 207-215]. *Следовательно* не выступает в рамочной позиции, поскольку ее

значение «превратилась» в синтаксическую функцию – выражение порядка следования суждений в логической последовательности.

Семантика лексемы *соответственно* также связана с соположением двух предметов или явлений. Не случайно названное слово часто функционирует в качестве предлога: *соответственно* + Д.п. Вводных употреблений данной лексемы мало (всего 12), все они датированы 2000-ми годами. Данная лексема, так же, как и *следовательно*, является словом релятивной семантики, приближающейся к служебным частям речи.

Доказательством того, что лексемы *следовательно*, *следственно* (устар.), *собственно* и *соответственно* по своим функционально-семантическим свойствам отличаются от модусных транспозитивов на –о, включенных в словник, является возможность линейного употребления слов обеих групп в составе одной конструкции:

(1) Возможно, следовательно, что евангельские тексты воспроизводят во всей его подлинной чистоте предание первой общины. (Александр Мень. Сын Человеческий (1969));

(2) Очевидно, следовательно, что порабощение частной личности в пользу общины, мира, есть только половина того нравственного подвига, на который осужден человек, очевидно, что тут нет еще полного аскетизма, ибо как бы мы ни дисциплинировали волю человека, живущего в обществе, все-таки самое поверхностное понятие о значении последнего предполагает уже существование каких бы то ни было отношений, в которых отдельная личность непременно должна выразиться. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Статьи 1856-1860 гг. (1856-1860));

(3) Понятно, следовательно, что между мифом о туче, затерявшимся в образе Соловья Разбойника, и типом Ильи Муромца, как представителя общины или какого-нибудь другого бытового явления, надобно предположить целый ряд переходных слоев... (Ф. И. Буслаев. Бытовые слои русского эпоса (1887))

Лексемы *следовательно*, *следственно* (устар.), *собственно* и *соответственно* на современном этапе функционируют в межпредикативной позиции. В названной позиции перечисленные выше слова теряют лексическую значимость и выполняют связующие функции (функции предлогов и союзов).

Таким образом, можно говорить о том, что модусные транспозитивы на –о и вводные слова понятия пересекающиеся, но не совпадающие. Категория вводности шире понятия модусных транспозитивов на –о.

Кроме того, существует ряд слов, так же не включенных в наш словник, обладающих модусной семантикой, функционирующих в составе рамок с союзом *что*, однако не занимающих парентетическую позицию, например, *логично*:

(4) Логично, что аптекари дали ей латинское название *aqua vita* (вода жизни). (Дмитрий Михайлин. Односолодовая водка // «Русский репортер», 2015).

Очевидно, невозможность функционирования в парентетической позиции для лексемы *логично* объясняется семантикой последней: данное слово указывает на причинно-следственные связи, служит для структуризации идей. Она не прикрепляется к *Я*, ибо логика исключает любое проявление субъективизма.

В данном ключе интересна лексема *ясно*: названное слово производно от полного прилагательного, обладает модусной семантикой, способно занимать рамочную позицию (*Ясно, что...*), однако нами обнаружен всего один контекст парентетического употребления указанной лексемы: — *Не очень, — подумав, ответил он и добавил: — Сегодня пойду с пехотой вышибать немцев из соседней хаты. — Он понял её взгляд и сказал: — Греков, ясно, приказал.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)). Очевидно, что класс модусных транспозитивов на –о – открытая категория, принимающая новые единицы, которые в результате семантических изменений начинают удовлетворять определенным функционально-семантическим требованиям.

2. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о в толковых словарях

Проведенный анализ лексикографического материала показал, что в представлении модусных транспозитивов на –о в толковых словарях русского языка есть противоречия.

Во-первых, большинство единиц данного типа не имеют отдельных словарных статей (исключение составляет МАС [83]) и трактуются через прилагательные. Модусные транспозитивы на –о частично могут сохранять свойства прилагательных (*несомненна та мысль, что...*), но их семантика принадлежит не диктуму, а модусу.

Во-вторых, недоумение вызывает тот факт, что при толковании указанных слов используются пометы *в знач. сказ.* и *ввод. сл.*, которые указывают на позицию слова в предложении, а не на лексико-грамматическую отнесенность: налицо смешение морфологических и синтаксических понятий. Подобное лексикографическое представление связано с проблемой определения грамматического статуса анализируемых единиц языка. Составители словарей, затрудняясь отнести данное слово к какой-либо части речи, предпочитают использовать помету ‘вводное слово’.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [93] имеет тенденцию выделять отдельным пунктом значение частицы: мы обсудим этот факт ниже, при анализе синтаксических позиций, которые могут занимать в высказывании интересующие нас единицы языка.

Обобщим полученные результаты в виде таблицы:

Таблица 1

| Языковая единица | Наличие отдельной словарной статьи | | | Частеречная принадлежность ¹³ | | |
|------------------|------------------------------------|-----|----|--|------|---------|
| | БАС | МАС | СО | БАС | МАС | СО |
| 1. Безусловно | - | + | - | Н, В | Н, В | Н, В, Ч |

¹³ Н – наречие, В – вводное, Ск – в качестве сказуемого, Ч – частица.

| | | | | | | |
|---|-------|------------------------|-----------------|----------------|------------------------|------------------------|
| 2. <i>Бесспорно</i> | - | + | - | Н, В | Н, В | В |
| 3. <i>Верно</i> | - | + | - | Н, В, Ск, Ч | Н, В, Ск | Н, В, Ч |
| 4. <i>Вероятно</i> | - | + | - | В | В | В, Ч |
| 5. <i>Вестимо (устар.)</i> | + | + | + | Н | В | В, Ч |
| 6. <i>Видимо</i> | - | + | - | Н, В | Н, В | В |
| 7. <i>Видно</i> | - | + | - | В, Ск | В, Ск | В, Ск |
| 8. <i>Возможно</i> | - | + | - | Н, Ск | Н, В, Ск | Н, В, Ч, Ск |
| 9. <i>Всеконечно (устар.)</i> | - | + | Не представлено | Н | В | Не представл ено |
| 10. <i>Действительно</i> | - | + | - | Н, В | Н, В | Н, В, Ч |
| 11. <i>Естественно</i> | - | + | - | Н | Н, В | В, Ч |
| 12. <i>Знамо (устар.)</i> | + | + | Не представлено | В, Ск | В, Ск | Не представл ено |
| 13. <i>Известно</i> | + | + | - | В, Ск | В, Ск | В (с КАК) |
| 14. <i>Истинно</i> | - | + | - | Н | Н, В | Н |
| 15. <i>Конечно</i> | + | + | + | В, Ч | В, Ч | В, Ч |
| 16. <i>Наверно / наверное</i> | + | + | + | Н, В | Н, В | Н, В |
| 17. <i>Натурально</i> | - | + | + | Н, В | Н, В | В, Ч |
| 18. <i>Несомненно</i> | - | + | - | Н, В | Н, В | В, Ч |
| 19. <i>Неспорно (устар.) / неоспоримо</i> | - / - | Не представлен ы | Не представлены | Н, В / Н, В | Не представ лены | Не представл ены |
| 20. <i>Определенно</i> | - | + | - | Н | Н | Н |
| 21. <i>Очевидно</i> | - | + | - | Н, В, Ск | Н, В, Ск | В, Ч |
| 22. <i>Подлинно</i> | - | + | Не представлено | Н, В | Н, В | Не представл ено |
| 23. <i>Понятно</i> | - | + | - | Н, В, Ск | Н, В, Ск | В, Ч |
| 24. <i>Предположительно</i> | - | + | - | Н | Н | Н |

| | | | | | | |
|-----------------------|---|---|---|----------|----------|---------|
| 25. <i>Решительно</i> | - | + | - | Н, В | Н, В | Н, Ч |
| 26. <i>Случайно</i> | - | + | - | Н, В | Н, В | Н, В |
| 27. <i>Слышно</i> | + | + | - | Н, В, Ск | Н, В, Ск | В, Ск |
| 28. <i>Точно</i> | + | + | - | Н, В, Ч | Н, В, Ч | Н, В, Ч |

Таблица показывает, что самым внимательным к вводным словам оказывается МАС, в котором почти все интересующие нас единицы имеют собственную словарную статью. В плане грамматической характеристики словари соединяют частеречную и синтаксическую терминологию. При этом словари фиксируют позиционно-синтаксическую омонимию.

3. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о в Грамматическом словаре русского языка

Проанализируем, как модусные транспозитивы на –о представлены в Грамматическом словаре русского языка под редакцией А.А. Зализняка (далее – ГС) [56]. Данный словарь содержит словоизменительную и синтаксическую характеристику словоформ.

Из 28 модусных транспозитивов на –о, разбираемых в рамках настоящего исследования, в ГС зафиксированы 23: в словаре не представлены слова *истинно, неспорно / неоспоримо, определенно, предположительно* и *решительно* [56]. Представим результаты проведенного анализа в виде таблицы:

Таблица 2

| <i>Языковая единица</i> | <i>Частеречная принадлежность¹⁴</i> |
|-------------------------|--|
| <i>1. Безусловно</i> | Н, В |
| <i>2. Бесспорно</i> | Н, В |

¹⁴ Н – наречие, В – вводное, Пр – предикатив (в позиции сказуемого), Ч – частица, С – союз.

| | |
|---------------------------|-----------------|
| 3. Верно | Н, В |
| 4. Вероятно | В |
| 5. Вестимо | В |
| 6. Видимо | Н, В |
| 7. Видно | Пр, В |
| 8. Возможно | Н, Пр, В |
| 9. Всеконечно | В |
| 10. Действительно | Н, В |
| 11. Естественнo | Н, В |
| 12. Знамо | В |
| 13. Известно | Пр, В |
| 14. Истинно | Не представлено |
| 15. Конечно | В, Ч |
| 16. Наверно / наверное | Н, В |
| 17. Натурально | Н, В |
| 18. Несомненно | В |
| 19. Неспорно / неоспоримо | Не представлены |
| 20. Определенно | Не представлено |
| 21. Очевидно | Н, Пр, В |
| 22. Подлинно | Н, В |
| 23. Понятно | Н, В |
| 24. Предположительно | Не представлено |
| 25. Решительно | Не представлено |
| 26. Случайно | Н, В |

| | |
|-------------------|----------|
| 27. <i>Слышно</i> | Н, Пр, В |
| 28. <i>Точно</i> | Н, В, Ч |

Представление модусных транспозитивов на –о в ГС снова не лишено противоречий. Не понятны критерии, на основании которых автор словаря приписывает однородным по своим синтаксическим свойствам языковым единицам разные наборы предложенческих позиций. Так, например, у большинства анализируемых слов не зафиксировано предикативное употребление: возможность использования в качестве сказуемого отмечена только у слов *видно, возможно, известно, очевидно, слышно* [56].

Наблюдение над реальным языковым материалом показывает, что на современном этапе частотно использование в речи таких конструкций как *(Это) M_o что...*, где *M_o* – модусный транспозитив на –о в позиции сказуемого. Следовательно, модусные транспозитивы на –о могут выполнять функцию предиката:

(1) *Не потому ли, может быть, он так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание?* (В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1893-1906));

(2) *Несомненно, что Зубр помогал, был с ним заодно.* (Даниил Гранин. Зубр (1987)) и т.п.

Следовательно, ГС должен был бы указывать на то, что данное слово может быть прилагательным и/или предикативом.

4. Лексикографическое представление модусных транспозитивов на –о в словарях дискурсивных слов русского языка

В толковании модусных транспозитивов на –о большим достижением являются словари дискурсивных слов, составленные под общим руководством Д. Пайара [53; 54]. О структуре словарной статьи в данных изданиях подробно

говорилось в первой главе настоящего исследования. Теперь наша задача - проанализировать, как рассмотренная модель описания слов работает на практике.

В словарях дискурсивных слов русского языка 1998 года и 2003 годов (далее – ДС 1998 [53] и ДС 2003 [54]) содержатся 36 и 8 словарных статей соответственно. В ДС 1998 среди прочих разбираются слова *наверное*, *конечно*, *естественно* [53], в ДС 2003 – *видимо* и *видно* [54]. Если в первом выпуске словаря дискурсивных слов все статьи построены по одной модели, что облегчает работу с изданием, то в ДС 2003 статьи не унифицированы и написаны «вольным стилем», в зависимости от предпочтений автора.

Проведенный анализ показал, что, с одной стороны, словари дискурсивных слов – это прогрессивное, положительное явление в мире лексикографии. Авторы данных словарей работают в русле Московской семантической школы. В указанных изданиях учитывается специфика описываемого объекта, интерпретация основывается на корпусе реальных примеров употребления, выделяются инвариантное и варианты семантические значения, учитывается влияние контекста на языковую единицу.

С другой стороны, у дискурсивных словарей есть свои недостатки. Это, в первую очередь, отсутствие единой структуры построения словарной статьи (ср. ДС 1998 и ДС 2003) и неудобство в поиске той или иной лексемы. К недостаткам также можно отнести отсутствие четких критериев выделения семантических вариантов (граней, конфигураций, деформаций): если, скажем, для *наверное* это позиция и сфера действия слова, то для *конечно* и *естественно* – расплывчатые «контекстные и ситуационные факторы». Авторы практически не рассматривают зависимость значения слова от его синтаксической позиции, не анализируют употребление данных единиц языка в составе рамок с союзом *что*.

Выводы:

1. Анализ лексикографического материала показал, что в представлении модусных транспозитивов на –о словарями русского языка разных типов есть существенные противоречия. Можно говорить о двух принципах лексикографического представления модусных транспозитивов на –о: интерпретации вводности как характеристики лексемы (при наличии отдельной словарной статьи) и рассмотрении вводности как характеристики словоформы при встраивании слова в статью полного прилагательного. При любом подходе описание значения модусных транспозитивов на –о связано со значительными трудностями, поскольку сфера действия семантики этих слов не ограничивается одним высказыванием. Для интерпретации семантики модусных транспозитивов на –о необходимо учитывать текстовые связи высказывания, моделировать типовые текстовые (или диалогические, дискурсивные) структуры, делающие возможным употребление модусных транспозитивов.

ГЛАВА II. Модусные транспозитивы на –о в системе русского языка: от позиции к функциям

Датский лингвист П.В. Дурст-Андерсен в своей работе, посвященной типологическому исследованию языков, говорит о существовании трех языковых «супертипов» [55, 31-32]. В основе данной классификации – ориентация языка на одну из трех категорий: говорящего, слушающего или реальность. Турецкий и грузинский языки, благодаря категории эвиденциальности, отнесены к языкам, ориентированным на говорящего, в то время как русский и французский языки, у которых детерминирующей категорией является вид, попадают в группу языков, ориентированных на реальность [55]. Действительно, у русского глагола нет специальных категорий, различающих способы получения информации, но это вовсе не значит, что в русском языке отсутствует субъективное измерение. Ориентация на говорящего представлена в синтаксической системе и обслуживается модусными лексемами и синтаксемами, в том числе транспозитивами на –о.

Модусные транспозитивы на –о, получая в словарях неоднозначное терминологическое обозначение (краткое прилагательное, наречие, вводное слово, частица, предикатив, сказуемое), в грамматиках распадаются на омонимы, которые описываются в разных разделах, несмотря на общность их лексического значения.

С нашей точки зрения, при толковании и / или описании модусных транспозитивов на –о разумнее говорить не о разных морфологических (частеречных) характеристиках данных слов, а о разных «позиционных вариантах» исследуемых единиц языка. При этом употребления модусных транспозитивов на –о в разных синтаксических позициях можно квалифицировать как позиционные варианты одной единицы – не лексемы, а

синтаксемы¹⁵, которая (с точки зрения морфологии) соединяет свойства прилагательного и наречия: при общности лексической семантики и морфемной структуры разные употребления модусных транспозитивов имеют функционально-синтаксические различия, заключающиеся в предьявлении разной степени уверенности субъекта модуса и референциальном типе субъекта модуса. Набор возможных для транспозитива синтаксических позиций зависит от его лексической семантики. В силу несамодостаточности их семантики и наличия у них пропозициональных валентностей модусные транспозитивы предназначены для употребления в качестве модусных предикатов.

В рамках функционального синтаксиса для классификации синтаксем Г.А. Золотова предложила учитывать два критерия: синтаксическую функцию (I - самостоятельное употребление, II - употребление в качестве компонента предложения, III - присловное употребление) и тип занимаемой синтаксической позиции (для II функции – предизируемый компонент предложения, предизирующий компонент предложения, распространитель предложения, полупредикативный осложнитель предложения; для III функции – приглагольная, присубстантивная, приаъективная / приадвербативная позиции) [59, 4-5]¹⁶.

Понятие позиции использовалось в ряде лингвистических работ в связи с интерпретацией модусных средств, в том числе модусных транспозитивов на – о. Так, К. Киселева и Д. Пайар различают позицию вводности и позицию

¹⁵ Понятие синтаксемы было предложено Г.А. Золотовой: это «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций. <...> Диапазон синтаксических потенций каждой синтаксемы определяется ее функциональными свойствами». [59, 4].

¹⁶ В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой [59] предложена система функций и позиций для функционально-синтаксического описания *диктальных* компонентов. *Модусные* компоненты рассматриваются Г.А. Золотовой применительно к функции II, позиции 4. В качестве модусных компонентов анализируются авторизующие глаголы и субъектно-модусные синтаксемы. Интересующие же нас модусные транспозитивы на –о не представлены в «Синтаксическом словаре» (ни в разделе «Синтаксемы имени прилагательного», ни в разделе «Синтаксемы наречия»).

невводности; они связывают это разграничение с «закономерным варьированием слова», в основе этого варьирования разные способы взаимодействия дискурсивной семантики слова и *P*; терминологически эти способы семантического взаимодействия авторы обозначают как «конфигурация» [70, 17].

Н.А. Козинцева предлагает говорить о четырех типах синтаксических конструкций, способных выражать «промежуточную коммуникацию»: сложное предложение, конструкции с модальными речевыми частицами, конструкции с вводными словами, связочные конструкции с квазипассивным глаголом [72, 91-97] и трех семантических типах источника информации (конкретном, неопределенном и общепринятом мнении) [72, 97-98].

Н.К. Онипенко говорит о том, что модусные средства могут функционировать в пяти позициях, предъявляющих точку зрения:

1. Внешнесинтаксические (внепредложенческие) позиции:

- вербализованная модусная рамка,
- вводная, или парентетическая, позиция,
- ответная реплика в диалоге.

2. Внутрисинтаксические позиции:

- предикатная позиция,
- позиция именной субъектной синтаксемы¹⁷.

При формировании списка возможных синтаксических позиций для модусных транспозитивов на –о мы будем учитывать предложенную Г.А. Золотовой идею противопоставления внутрисинтаксических и внешнесинтаксических функций, а также классификацию синтаксических позиций, разработанную Н.К. Онипенко.

¹⁷ Данная точка зрения была представлена на одной из лекций Н.К. Онипенко по курсу «Грамматика и текст» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2008 г.)

Модусные транспозитивы на –о, как правило, выступают в трех позициях – рамочной, парентетической и в позиции ответной реплики; см. примеры для слова *верно*:

(1) *Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она.* (М.Ю.Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)) – рамочная позиция;

(2) *Кожаная куртка прилипла к спине; верно, также она прилипла и у Бицки.* (Б. А. Пильняк. Простые рассказы (1923)) – парентетическая позиция;

(3) *Вот она, — убеждал он бригадира. — Значит, можно жить. А увидят замок — и развернутся. — Верно, верно... — успокоил Якова бригадир. — Это я так, попытал...* (Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996) - позиция ответной реплики.

Кроме того, модусные транспозитивы на –о могут выступать в припредикатной (внутрисинтаксической, диктальной, наречной) позиции:

(4) *Верно сказано: не обязательно, имея лавочку, иметь натуру лавочника.* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989))

Для модусных транспозитивов на –о возможно и взаимодействие с союзами, в результате чего образуются сложные дискурсивные скрепы – контактные (*И верно; и точно, и действительно*) и дистантные (*Конечно, ...но...; Точно..., но.../да...*):

(5) *Решил — молчать. Иметь в виду на крайний случай. Но предчувствовал, что не сдержусь. И верно, в тот же день вечером он канючил билеты на американский джаз. Приставал сначала к матери, потом ко мне.* (Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970));

(6) *Но... если я не ошибаюсь, вы хотите коренным образом переделать газету, сделать ее привлекательной и интересной не только для членов вашей общины? — я была сияюще предупредительна. — Да-да, конечно, **но** не за счет наших, так сказать, столпов существования, — твердо проговорил он.* (Дина Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999)

Таким образом, модусные транспозитивы на –о могут выступать в пяти синтаксических позициях: I – рамочной, II – парентетической, III – позиции ответной реплики (которая может рассматриваться как производная от рамочной), IV – припредикатной (внутрисинтаксической), V – в составе дискурсивной скрепы¹⁸. Позиция ответной реплики представляет собой «самостоятельное, изолированное употребление» (в терминологии Г.А. Золотовой), рамочная, парентетическая позиции и функционирование в составе дискурсивной скрепы – «употребление в качестве компонента предложения». Припредикатная позиция, в отличие от собственно присловной, не означает, что сферой действия лексемы, занимающей позицию при предикате, является только предикат. Термин «присловный» в концепции Г.А. Золотовой используется для обозначения зависимых компонентов словосочетания. Модусные транспозитивы на –о занимают позицию при предикате, но выражают уверенность по отношению ко всей пропозиции. Термин «припредикатная позиция» обозначает не свойство семантики, а формальное расположение данного компонента — в препозиции и непосредственном контакте по отношению к предикату.

18 Два слова из нашего списка - *возможно* и *естественно* - могут выступать в предикатной позиции. Например: (1) *Каждый из них, быть может, думал, что и ему возможно очутиться в океане и погибнуть, а русский человек, храбро умирающий на земле, очень боится перспективы быть погребенным в морской бездне и съеденным акулами.* (К. М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)); (2) *Он был убежден, никогда об этом не думая, что ему естественно иметь в своем распоряжении крупные деньги и что его теперешнее положение, — которое было бы понятно, если бы речь шла о ком-нибудь другом, — для него было особенно унижительно, так как у него должна была бы быть совершенно другая жизнь — богатство, женщины и даже известность.* (Г. А. Газданов. Пробуждение (1966)). *Возможно* в подобных контекстах квалифицируется как модальный модификатор сказуемого. *Естественно* в позиции предиката может быть интерпретировано как категория оценки. Поскольку всего две единицы из словника могут занимать предикатную позицию, выражая при этом особые значения (модальные, оценочные), предикатная позиция в настоящем исследовании не включена в перечень синтаксических позиций, возможных для модусных транспозитивов на –о.

1. Критерии разграничения парентетических и припредикатных употреблений модальных транспозитивов на –о

Говоря о различиях между парентетической и припредикатной позициями, следует отметить, что порой провести четкую границу между вводными и «наречными» употреблениями одной и той же языковой единицы трудно. Это не столько проблема теоретическая, связанная с разграничением морфологических и синтаксических терминов, сколько проблема семантическая. С практической точки зрения, это вопрос о том, в каком случае нужно выделять подобные слова знаками препинания¹⁹.

Не вызывает сомнения тот факт, что наречия и вводные слова исторически связаны между собой. Но вопрос о времени возникновения класса интересующих нас единиц остается спорным. Так, В.В. Виноградов считал, что окончательно приемы выведения ряда элементов за рамки внутрипредложенческих связей сформировались в течение XVIII-XIX веков [34].

В.А. Ицкович писал о том, что наиболее ранними парентезами являются конструкции, оформляющие цитирование и ссылки на авторитетные источники: «Слова и предложения, вводящие чужую речь, встречаются уже в древнейших памятниках русской письменности <...> Начиная с XV в., форма *рече*

¹⁹ О необходимости постановки знаков препинания – выделительных запятых – при вводных словах говорится в «Практической грамматике русского языка» Н.И. Греча 1827 г. Правило гласит: «Между запятыми полагается всякое вводное слово или совокупление вводных слов, которые можно опустить без нарушения или изменения смысла» [46, 516]. И далее: «Всякое придаточное и вводное предложение, полное или сокращенное, отделяется от главного запятыми» [46, 516-517]. Похожее правило, с более четким обозначением семантических и функциональных признаков слов и речений, дающих парентезу, находим у Я.К. Грота: «Запятыми же обыкновенно отделяются наречия и другие подобные речения, когда они не входят в состав предложения, а служат к обозначению либо степени уверенности говорящего, либо отношения его к предмету речи, либо основания мысли его и т.п.» [48, 792]. Далее Я.К. Грот дает список наречий и речений, дающих парентезу. В дальнейшем правило, регламентирующее постановку запятых при вводных словах, практически не изменилось: в справочнике по орфографии и пунктуации под редакцией Д.Э. Розенталя даются списки вводных слов, объединенных в группы по семантическому и функциональному признакам [123].

отрывается от глагольной системы, начинает выступать в качестве неизменяемого слова, то есть переходит в разряд модальных слов» [64, 6]. С точки зрения В.А. Ицковича, процесс развития категории вводности охватывает XV-XVIII века, при этом слова, указывающие на степень достоверности высказывания (в нашей терминологии – модусные транспозитивы на –о), впервые встречаются в памятниках письменности, датированных концом XV века [64].

О.В. Тюкинеева выдвигает в своей работе следующую гипотезу: в XVI-XVII веках активно развивается категория состояния, возникают слова на –о, производные от ментальных и перцептивных глаголов, типа *неимовѣрно* в значении ‘не верится, не представляется возможным’ [163, 97], *мнительно* в значении ‘сомнительно’ и *несумненѣнно* [163, 97-98], *неспорно* [163, 99] и др. В результате преобразовательных процессов происходит образование соотносительных по значению омонимичных форм разных частей речи: кратких прилагательных, наречий, категории состояния. Вероятно, лексемы названных классов в дальнейшем вышли за пределы синтаксических связей предложения и заняли позицию вводных слов. Таким образом, предлагаются две возможные модели образования модусных транспозитивов на –о: имя прилагательное среднего рода (в краткой форме) → категория состояния → вводный компонент и имя прилагательное → наречие → категория состояния → вводный компонент [163, 171].

В.В. Антонова в своей работе отмечает, что «парентетические конструкции, которые выражают утверждение достоверности высказывания» появляются в памятниках письменности, начиная с XV века (с XV в. – *истинно*, с XVII в. – *подлинно*, с XVIII в. – *без сомнения*, *вправду*, *действительно*, *естественно*, *конечно*, *разумеется*) [6, 39]. Также В.В. Антонова приводит данные «об использовании вводных слов и предложений, которые выражают предположение говорящего относительно действительности сообщаемого» [6,

39]. В данной функции с XVI в. выступает слово *чаять*, с XVII в. – *знати* (*знать*), *неведомо*, *не ведаю*, с XVII-XVIII в. – *кажется*. [6, 39].

Итак, начиная с XVI века, шел процесс перехода наречий в разряд вводных слов: в результате некоторые дериваты на –о, производные от полных прилагательных, обрели способность выражать субъективную точку зрения говорящего и выходить за рамки предложения, осложняя пропозицию дополнительным субъективным смыслом. Появилась возможность параллельного существования присловных наречий и вводных слов. Позиционные различия были связаны с семантическими изменениями – стиранием внутренней формы: потеря семы перцептивности (*очевидно*), потеря исходного значения в связи с установлением синонимических связей (так, *натурально* изменяет свою семантику в одном ряду с *разумеется*, *конечно*, *бесспорно*). Постепенно, вследствие эгоцентризма и формирования категории образа автора, некоторые дериваты на –о окончательно вышли за рамки предложения и стали функционировать преимущественно в качестве вводных слов. Так, по данным НКРЯ [88], *несомненно*-наречие имеет 65 вхождений в 46 текстах (при этом большая часть употреблений датирована XIX в. и первой половиной XX в.), *несомненно*-вводное слово имеет 12 397 вхождений в 4 494 текстах. Аналогичная ситуация сложилась для слов *безусловно*, *бесспорно*, *верно*, *вероятно*, *видно*, *возможно*, *действительно*, *естественно*, *наверно*, *очевидно*, *понятно*, *случайно*, *слышно* и др.

Возникает закономерный вопрос: почему некоторые отадъективные дериваты на –о вышли за рамки предложения и стали употребляться во вводной позиции?

Возможность вводной позиции появлялась у отадъективных дериватов на –о, соотносимых с ментальными глаголами. Исключение составляют *истинно*, *натурально*, *подлинно*, производные от полных прилагательных. Отметим, что у двух из названных слов припредикатные употребления преобладают над вводными: *истинно* - 5242 употребления при предикате / 93 вводных

употребления, *подлинно* - 2873 употребления при предикате / 28 вводных употреблений (по данным НКРЯ [88]). При этом их вводное употребление связано с речевым глаголом *сказать* и вводными оборотами *истинно сказать*, *подлинно сказать*. Это подтверждает наше предположение о том, что соотнесенность с глаголом оказывает определенное влияние на возможность вводного функционирования. Таким образом, субъективно-модальное значение смогли развить те языковые единицы, которые связаны с мыслительной и речевой деятельностью человека, а также с его чувственной сферой. Это, прежде всего, слова с ментальными корнями (*понятно*, *несомненно*), с перцептивными корнями (например, *видно*, *слышно*, *очевидно*)²⁰, слова, имеющие сему «говорить» (*бесспорно*), а также единицы, связанные по значению с поиском истины, сравнением с неким эталоном (*истинно*, *подлинно*, *натурально*). Особняком здесь стоит слово *случайно*: его семантика не попадает под приведенное выше описание. Более того, данное слово способно занимать вводную позицию только в вопросительных предложениях. *Случайно* употребляется в составе рамок со *что*, но либо с «левым» отрицанием (*Не случайно, что...*), либо в вопросительной конструкции (*Случайно ли, что...?*). Таким образом, данная языковая единица, с одной стороны, связана с адресатом, ориентирована на него. С другой стороны, она выражает

²⁰ В данном ключе интересны рассуждения Н.Д. Арутюновой. В книге «Типы языковых значений...» Нина Давидовна пишет о том, что в своем основном значении «предикаты чувственного восприятия не выражают пропозициональных установок» [9, 110]. Однако, поскольку «восприятие не отделено от ментальных операций», перцептивные глаголы могут развивать эпистемические смыслы, «приобретая тем самым функцию глаголов пропозиционального отношения» [9, 110-111]. «Когнитивные смыслы», как правило, наиболее активно развивают «предикаты зрительного восприятия», а также «предикаты слуха» [9, 113]. При переходе перцептивного глагола в ментальный модус данный глагол получает возможность употребляться в составе рамки с союзом *что*: *Вижу, что...* (перцептивный модус требует рамки с союзом *как*: *Вижу, как...*) [9, 115-116]. «Еще большая деактуализация наступает тогда, когда пропозиция теряет отнесенность к конкретному событию» [9, 118]. В конечном итоге, глагол *видеть* получает разные когнитивные смыслы, например, сближается с модусами полагания и сомнения. Целая серия «слов сенсорной модальности» (*видно*, *очевидно*, *видимо* и др.) базируется на значении зрительного восприятия [9, 119] и в зависимости от синтаксической позиции предьявляет разную степень истинности. Закрепление за данными лексемами парентетической функции «бесспорно уводит их в эпистемическую сферу» [9, 119] .

предположение говорящего, что собеседник обладает необходимой информацией и может ей поделиться. Получается, что *случайно*, как и все модусные транспозитивы на –о, предполагает субъективную точку зрения на ситуацию и поэтому получает возможность парентезы.

Как уже говорилось выше, класс модусных транспозитивов на –о – категория открытая, в русском языке существуют слова, не входящие в наш словарь, которые обладают перечисленными выше характеристиками и, соответственно, могут занять парентетическую позицию в предложении.

Вернемся к критериям разграничения вводных и припредикатных употреблений модусных транспозитивов на –о. Разные синтаксические позиции - парентетическая и припредикатная - дают нам разные трансформационные возможности, также разные возможности «расширения» исходного высказывания. Представим наши наблюдения в виде таблицы:

Таблица 3

| Синтаксическая позиция | Трансформации и «расширения» исходного предложения | | | | | | |
|------------------------|--|---------------|-----------------------|-------------------|-------------------------------|----------------|------------------|
| | Употребление с «инфинитивы м подлежащими» | Номинализация | Возможность отрицания | Для + Р.п. / Д.п. | Присоединительная конструкция | Рамка со «что» | Ответная реплика |
| 1. Парентетическая | - | - | - | + | + | + | + |
| 2. Припредикатная | + | + | + | - | - | - | - |

Итак, при функционировании модусного транспозитива на –о в парентетической позиции:

А) исходное предложение можно трансформировать в вопросно-ответную форму, при этом модальный транспозитив на –о займет позицию ответной реплики;

Б) исходное предложение можно трансформировать в вербализованную модальную рамку с подчинительным союзом *что* с сохранением смысла;

В) исходное предложение можно трансформировать в последовательность высказываний с модальным транспозитивом на –о, употребленным в присоединительной конструкции типа *И это верно; Что верно;*

Г) в исходном предложении можно «дополнить» модальный транспозитив на –о субъектно-авторизующей синтаксемой Для + Р.п. и / или Д.п.

При этом:

Д) невозможно отрицание;

Е) невозможна номинализация²¹;

Ж) в исходном предложении невозможно употребить модальный транспозитив на –о с «инфинитивным подлежащим» (употребление данных единиц в конструкциях с «инфинитивным подлежащим» переводит их либо в разряд слов категории оценки, либо в разряд модальных модификаторов).

При функционировании модального транспозитива на –о в припредикатной позиции мы имеем противоположный набор трансформаций.

Сравним два предложения:

(1) *Шкуры, естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам.* (Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985))

(2) *Ему удалось главное: подчеркнуть способность героя естественно откликаться на окружающих.* (О свойствах постоянных величин (2004) // «Экран и сцена»)

²¹ Здесь не идет речь о синонимических заменах типа *несомненно* - *без сомнения*, *вне сомнения*; *естественно* - *естественное дело*.

В предложении (1) языковой элемент *естественно* занимает парентетическую позицию и выделяется на письме запятыми, поскольку:

А) исходное предложение можно трансформировать в вопросно-ответную форму, при этом модусный транспозитив *естественно* займет место в ответной реплике: *Шкуры обдирают и продают по самым доступным ценам? – Естественно.*

Б) возможна замена *естественно* на вербализованную модусную рамку с союзом *что*: *Шкуры, естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам. → Естественно, что шкуры, обдирают и продают по самым доступным ценам.*

В) возможно употребление *естественно* в присоединительной конструкции: *Шкуры, естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам. → Шкуры обдирают и продают по самым доступным ценам. И это естественно.*

Г) возможно употребление *естественно* с субъектно-авторизующей синтаксемой *Для + Р.п.*: *Шкуры, естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам. → Для меня естественно, что шкуры обдирают и продают по самым доступным ценам.*

Д) не представляется возможным употребить отрицательную частицу *не* с *естественно*: *Шкуры, естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам. → * Шкуры, не естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам.*

Е) не представляется возможным произвести номинализацию: *...естественно, обдирают шкуры → *естественное обдираение шкур.*

Ж) не представляется возможным употребить модусный транспозитив на –о с инфинитивным подлежащим: *естественно, обдирают шкуры → *обдирать шкуры естественно.*

В предложении (2) слово *естественно* стоит в припредикатной позиции и не выделяется на письме запятыми, так как:

А) исходное предложение нельзя трансформировать в вопросно-ответную форму;

Б) невозможно заменить *естественно* на соответствующее сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным;

В) невозможно употребление *естественно* в присоединительной конструкции:

Г) не представляется возможным употребить с модальным транспозитивом *естественно* синтаксему Для + Р.п. (*для меня естественно, что...*);

Д) для исходного высказывания возможно отрицание: *Ему удалось главное: подчеркнуть способность героя естественно откликаться на окружающих.* → *Ему удалось главное: подчеркнуть способность героя неестественно откликаться на окружающих.*

Е) возможна номинализация *...естественно откликаться* → *естественный отклик.*

Для транспозитива *естественно* возможна и внутрисинтаксическая позиция при инфинитиве: (1) *В этом случае к ней естественно применять принятые в науке критерии доказательной силы того или иного утверждения.* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000); (2) *...для Катутла как выходца из этой провинции было естественно искать у него покровительства в Риме.* (Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001); (3) *Хотя не менее, а может быть, даже и более естественно было бы попытать счастья в свите отцовского товарища, который добился консульства на следующий, 59 год.* (Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001). Транспозитив *естественно* в этих примерах занимает внутрисинтаксическую позицию и семантически сближается с модальными модификаторами типа *нужно, стоит, следует.*

2. Семантическая характеристика позиционных вариантов модусных транспозитивов на –о

Для модусных транспозитивов изменение синтаксической позиции небыстрозначимо к значению этих единиц. Но эти значения принадлежат не сфере денотата, а сфере прагматики. На современном этапе смысловые различия между «позиционными вариантами» модусных транспозитивов на –о состоят в следующем:

(I) вербализованные модусные рамки предъявляют высокую степень уверенности говорящего в содержании высказывания. Модусные транспозитивы на –о в рамочной позиции выражают «объективную» точку зрения, предъявляют мнение, в истинности которого говорящий хочет убедить окружающих его людей.

(II) В парентетической позиции модусные транспозитивы на –о предъявляют Я-модус, выражая субъективную точку зрения говорящего; даже выражая собственную уверенность, говорящий допускает и иные точки зрения.

(III) Позиция ответной реплики семантически близка рамочной позиции: выражается субъективная точка зрения говорящего, однако перед нами не просто уверенное суждение, а отклик на ту ситуацию, о которой сообщается в диалоге, либо же реакция на истинностное значение суждения.

(IV) В припредикатной позиции выражается полная истинность сообщаемого в высказывании, выражается уверенность, не допускающая никакого диалогического контекста. При этом в современном русском языке для некоторых модусных транспозитивов на – о такое употребление становится крайне редким..

Докажем данное положение. Для этого трансформируем одно и то же высказывание так, чтобы определенный модусный транспозитив на –о

выступал в разных синтаксических позициях, при этом содержание предложения будет оставаться прежним:

1. (I) *Она вела себя с такой уверенностью, как будто ежедневно перетаскивала через границу постмодернистские романы отвержения. Во всяком случае, **вполне очевидно, что** она это делала не в первый раз.* (Василий Аксенов. Тайственная страсть (2007))

2. (II) ... *Во всяком случае, она это делала, **очевидно**, не в первый раз.*

3. (III) ...*Она делала это не в первый раз? – **Очевидно**. Или Она делала это в первый раз? – **Очевидно, нет**.*

4. (IV) ...^{*} *Во всяком случае, она это очевидно делала не в первый раз.*

В исходном предложении (1) модусный транспозитив *очевидно* употреблен в рамочной позиции. Говорящий оценивает поведение героини, утверждает, что она поступала уверенно, без малейших колебаний, как будто провозила через границу запрещенную литературу не в первый раз. Модусный транспозитив на – о принадлежит субъекту речи и сознания. Высокая степень уверенности говорящего в произносимом подчеркивается употреблением наречия *вполне*.

В предложении (2) *очевидно* стоит в парентетической позиции. Говорящий по-прежнему считает, что героиня вела себя так, как будто провозила через границу запрещенную литературу не в первый раз. Однако теперь мнение героя не претендует на всеобщее одобрение. Это его личная точка зрения, которую адресат может разделять или не разделять. *Очевидно* здесь принадлежит субъекту речи и сознания, но предьявляет исключительно Я-модус.

В предложении (3) *очевидно* занимает позицию ответной реплики. Семантически данное предложение близко примеру (1): совпадение субъектов речи и сознания, Я-модус. Отличие состоит в том, что оцениваемая информация содержится в высказывании некоего третьего лица, а сама оценка (реакция) – в реплике нашего героя.

Предложение (4) аграмматично, поскольку, как говорилось выше, многие модусные транспозитивы на –о редко выступают в припредикатной позиции. Для этого предложения подходит слово *явно*.

Внутрисинтаксическое употребление *очевидно* предполагает сохранение перцептивной семантики:

Обыкновенно бледное и задумчивое лицо ее, так всё время не гармонизировавшее с давешним как бы напускным ее смехом, было очевидно взволновано теперь новым чувством; и однако всё-таки ей как будто не хотелось его выказывать, и насмешка словно усиливалась остаться в лице ее. (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

В этом примере *очевидно* указывает на присутствие наблюдателя, который видит взволнованность Настасьи Филипповны, видит все изменения на ее лице.

Вот современный пример:

Мурзик лежал, обсиженный котами, пах целебными мазями и глядел в потолок. Я отправился в грязноватое кафе на нашей улице и принес оттуда Мурзику прохладные котлеты и отварной рис с подливкой. Мурзик ел и очевидно страдал. — Тебя что, Мурзик, никогда не пытали? — спросил я. Мой раб сказал, что нет, никогда. (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Обретение Энкиду (1997)). В этом примере также сохраняется семантика перцептивности: *очевидно страдал* = явно, заметно, по всем внешним признакам.

Позиции модусных транспозитивов также различаются отношением к синтаксическим категориям. Рамочная позиция допускает полную личную парадигму:

(1) *Сегодня-то **мне** понятно, что некоторые мои утверждения носят односторонний характер.* (Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001));

(2) ***Тебе** понятно, что я тут тебе наговорил?* (Федор Кнорре. Орехов (1968));

(3) Теперь **ему** понятно, что это в самом деле стоит цыганка Глаша, что она вызвана сюда в качестве свидетельницы. (А. П. Чехов. Сонная одурь (1885-1886)).

Кроме того, для рамочной позиции возможна модально-временная парадигма (примеры (1)-(4)) и некоторые модальные модификации (примеры (5), (6)):

(1) Для меня очевидно: он один из нас, такой, какой есть, и такой, какого мы заслуживаем. (Олег Табаков: театр — повышенная зона риска (2003) // «Театральная жизнь», 2003.04.28);

(2) Для меня было очевидно, что бедняжке хотелось со мной сблизиться, но как мог я дружить с мальчиком, который был так далек от всего, что меня занимало и интересовало? (А. Н. Бенуа. Жизнь художника (1955));

(3) В Евангелии их называют, например: любовь, милосердие, но это совсем не означает, что тот, кто исполнен любви и милосердия, обязательно будет выражать их внешне, так что всем это будет очевидно. (А. И. Осипов. Нравственность и духовность. Фрагмент лекции «Искажения христианства» (2012));

(4) Если бы не это обстоятельство, было бы очевидно: изучение страны нужно начинать с автопутешествия. (Ольга Утешева. Шотландия: близкое небо//«Домовой»,2002.12.04);

(5) Это должно быть очевидно для всех и каждого и без лишних пояснений. (В. М. Бехтерев. Внушение и воспитание (1911));

(6) Потому что стало очевидно: они оказались не там, где должны были оказаться. (Василь Быков. Болото (2001)).

Парентетическая позиция и позиция ответной реплики сужают синтаксическую парадигму для модусных транспозитивов: транспозитив становится собственно эгоцентрическим элементом – принадлежащим абсолютному дейктическому центру (Я – здесь – сейчас). Эгоцентрическая

семантика сохраняется и в составе дискурсивных скреп. Для рамочной позиции отнесенность к сфере Я говорящего маркируется синтаксически (наличием показателя 1-го лица или синтаксическим нулем).

Отметим, что 12 модусных транспозитивов из нашего словника при употреблении в парентетической и/или рамочной позиции имеют сравнительную степень (иногда в сочетании с местоимением *всего*): *бесспорно - бесспорнее, верно - вернее, вероятно - вероятнее, возможно - возможнее, действительно - действительнее, естественно - естественнее, истинно - истиннее, натурально - натуральнее, несомненно - несомненнее, очевидно - очевиднее, понятно - понятнее, точно - точнее*. Данные формы существуют в двух вариантах – с финальным Е или Й (*бесспорнее - бесспорней*). Приведем примеры:

(1) *Пришли они только на десятый день. Вернее, пришёл один этот "мой знакомый". — Пойдём со мной, — сказал он, когда я, ничего не подозревая, открыл ему дверь.* (Андрей Геласимов. Ты можешь (2001));

(2) *Вы видите: я рад им аплодировать, я нежен к ним и ласков, как никто, я все время им киваю, поддакиваю, но чем больше я киваю и поддакиваю, тем для меня несомненнее, что пред нами отнюдь не скандал, не безумие...* (К. И. Чуковский. Заумный язык (1922));

(3) *Мне все очевиднее, что «правое» и «левое» — это именно *des etats d'ame*, на глубине своей подсознательные и иррациональные и потому страшные, каждое, именно в своей слепоте.* (А. Д. Шмеман. Дневники (1973-1983)).

При этом вводные употребления трех форм – *вернее, истиннее, точнее* - соотносятся с речевыми рамками - *вернее сказать, истиннее сказать, точнее сказать*):

(1) *Глебов ничего этого как-то не заметил или, вернее сказать, не понял.* (Юрий Трифионов. Дом на набережной (1976));

(2) — Ты видел, Эвпалин, гемму на камне цвета моря — самое совершенное творение в Энниаде... истиннее сказать — во всей Элладе? (И. А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945-1946));

(3) *Итак, мы работаем головой —: или, точнее сказать, головами —: ибо наши мозги объединены проработкой общих тем.* (Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)).

3. Позиционный набор для модусных транспозитивов на –о, вошедших в словник: от позиции к функциям

Анализ корпуса примеров из НКРЯ [88] показал, что большинство модусных транспозитивов на –о употребляются в четырех позициях. При поиске соответствующих контекстов употребления нами были заданы определенные параметры (фильтры): грамматическая характеристика, снятая лексическая омонимия. Стилистических ограничений, а также ограничений, связанных со временем употребления слов, при поиске задано не было.

Представим набор возможных позиций для модусных транспозитивов на –о в виде таблицы:

Таблица 4

| <i>Модусный транспозитив на –о</i> | <i>Рамочная позиция (I)</i> | <i>Парентетическая позиция (II)</i> | <i>Позиция ответной реплики (III)</i> | <i>Припредикатная (наречная) позиция (IV)²²</i> |
|------------------------------------|-----------------------------|-------------------------------------|---------------------------------------|--|
| 1. <i>Безусловно</i> | + | + | + | + |
| 2. <i>Бесспорно</i> | + | + | + | + |
| 3. <i>Верно</i> | + | + | + | + |
| 4. <i>Вероятно</i> | + | + | + | - |
| 5. <i>Вестимо (устар.)</i> | + | + | + | - |
| 6. <i>Видимо</i> | - | + | + | + |
| 7. <i>Видно</i> | + | + | + | + ²³ |

²² Для многих модусных транспозитивов на –о примеры припредикатных употреблений датированы XIX веком.

| | | | | |
|--|-----|---|-----------------|-------|
| 8. Возможно | + | + | + | + |
| 9. Всеконечно (устар.) | - | + | + | - |
| 10. Действительно | + | + | + | + |
| 11. Естественнo | + | + | + | + |
| 12. Знамо (устар.) | + | + | + | - |
| 13. Известно | + | + | + | - |
| 14. Истинно | + | + | + | + |
| 15. Конечно | +/- | + | + | - |
| 16. Наверно / наверное | +/- | + | + | + |
| 17. Натурально | + | + | + | + |
| 18. Несомненно | + | + | + | + |
| 19. Неспорно (устар.) / неоспоримо | + | + | + | - / + |
| 20. Определенно | + | + | + | + |
| 21. Очевидно | + | + | + | + |
| 22. Подлинно | + | + | + | + |
| 23. Понятно | + | + | + | + |
| 24. Предположительн о | +/- | + | + | + |
| 25. Решительно | + | + | + | + |
| 26. Случайно | + | + | + | + |
| 27. Слышно | + | + | + ²⁴ | + |
| 28. Точно | + | + | + | + |

²³ Модусные транспозитивы *видно* и *слышно* при функционировании в припредикатной позиции сохраняют «исходное» перцептивное значение и, соответственно, употребляются при определенных глаголах: для *видно* – это предикаты зрительного восприятия типа *белеть*, *светать*; для *слышно* – это «звуковые» глаголы (*звучать*, *говорить*, *шептать*, *пиливать* и т.п.). При этом названные модусные транспозитивы на –о, как правило, употребляются с наречиями *еле* или *едва*:

(1) — *На острова теперь мне было не выбраться. Вскоре стало еле видно светать. Я мог идти не отступаясь.* (Александр Иличевский. Перстень, Мойка, Прорва (2005));

(2) *Откуда-то едва слышно доносились музыка, и поэтому было особенно заметно, как бесшумно— только мягко поскрипывал снег под широкими колёсами — он прокатился мимо.* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001)

Таким образом, *видно* и *слышно* выступают в припредикатной позиции в специфических контекстах.

²⁴ При поиске в НКРЯ [88] было обнаружено всего 3 контекста употребления модусного транспозитива *слышно* в позиции ответной реплики, например: *И думал, что это она написала то письмо, которое помогло ему выжить, и что он должен испытывать чувство благодарности к ней, и что очень, пожалуй, дурно в нем какое-то «очерствение души» — никакой благодарности он не испытывал, и даже думать об этом письме ему было неприятно. — Салюты в Москве, — тихо сказала Вера. — Тебе не слышно? — Слышно.* (Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961))

Итак, в четырех синтаксических позициях выступает 21 слово из 28: *безусловно, бесспорно, верно, видно, возможно, действительно, естественно, истинно, наверно, натурально, несомненно, неспорно / неоспоримо, определенно, очевидно, подлинно, понятно, предположительно, решительно, случайно, слышно, точно*. Например:

(I) *Какая-то сволочь, гадюга какой-то, наверно, что дипломат, иначе ему неоткуда было узнать, сегодня вечером позвонил в американское посольство из автомата и завалил наших разведчиков там.* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990)

(II) *Есть яблони, усыпанные плодами ярко-красного, почти карминного цвета (даже мякоть у них нежно-розовая, цвета алого мрамора), есть яблони с жёлтыми продолговатыми плодами, похожими на крошечный лимон (вот откуда, наверно, пошла лимонка), есть яблоки белые и круглые с терпким и вязким вкусом, есть, наконец, и просто дички— зелёные и горькие.* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964))

(III) — *Это не вопрос, это — семечки. Я же эти сто двадцать рублей везде могу заработать. Заработаю же я их в городе? — Наверно. — Заработаю! Силёнка есть, и башка на плечах — сумею. — Сумеешь.* (Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972))

(IV) *И Кусачка второй раз в своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная наверно, ударят её или приласкают.* (Л. Н. Андреев. Кусака (1901))

Остановимся на ряде синтаксических позиций более подробно и попытаемся объяснить природу «запретов» на употребление модусных транспозитивов на –о в некоторых из них, а также приведем реальные примеры употребления интересующих нас единиц в данных позициях, иллюстрирующие семантические и функциональные различия между последними.

3.1 Рамочная позиция

Первое место среди эксплицитных средств модуса принадлежит сложноподчиненному предложению, или (в другой терминологии) изъяснительной конструкции сложного предложения, что было доказано Ш. Балли. Т.В. Шмелева справедливо отмечает, что вербализованная рамка - «стандарт эксплицитности модуса: все, что меньше ее по удельному весу в структуре высказывания, воспринимается как редукция модуса с эффектом понижения коммуникативного веса, а самостоятельные метавысказывания - с удельным весом больше изъяснительной конструкции - воспринимаются как знак особой субъективизации текста» [181, 32].

В рамках концепции коммуникативной грамматики на основе типологии модусов по Н.Д. Арутюновой [9] была разработана семантическую классификацию модусных рамок [60, 280-283], о которой уже говорилось выше. В соответствии с коммуникативными установками говорящего и типологией коммуникативных регистров речи было выделено пять модусных рамок, которые и были описаны в связи с возможным для них репертуаром языковых средств.

В модусной рамке субъект сознания предстает в одной из своих ипостасей: как субъект воспринимающий, как субъект мыслящий и как субъект чувствующий. Если результаты мыслительной деятельности субъекта выражаются в слове, то перед нами также предстает субъект говорящий. Совпадение субъекта чувствующего, мыслящего и *Я* субъекта говорящего выражается *Я*-модусной рамкой; несовпадение субъекта сознания и субъекта речи образует *Он*-модусную рамку. *Он*-модусная рамка может представлять «неопределенно-множественного субъекта, в состав которого говорящий себя не включает» [60, 279-280].

Модусные транспозитивы на –о могут входить в состав ментальных и реактивных вербализованных модусных рамок. При этом при реактивном употреблении мы получаем не собственно рамку, а слово-предложение. При

использовании в составе ментальной рамки модусные транспозитивы на –о могут употребляться в составе сложноподчиненного предложения с союзом *что* или в составе бессоюзного предложения с фиксированной при помощи двоеточия препозицией («левой» позицией) или при помощи тире – постпозицией («правой» позицией). Например:

(1) *Смысла его действий я не постиг, однако было очевидно, что к банальному “который час” они не имели никакого отношения.* (Андрей Волос. Недвижимость);

(2) *Бесспорно: наше отношение друг к другу было глубоко честным и неподдельно бережным.* (П. И. Дубровин. Аннет (1950));

(3) *Шокирующим элементом является то, что моделями для фоторабот становятся люди, страдающие шизофренией и болезнью Дауна. То, что работы шокируют, — бесспорно. Но важно то, что наступает после шока.* (Валерий Цыганков. Либералы возвращают Ельцина в политику // «Независимая газета», 2003).

А) Семантическая характеристика

Как говорилось выше, модусные транспозитивы на –о в рамочной позиции при отсутствии показателей субъекта выражают «объективное» мнение (объективация или имперсонализация модуса по Н.Д. Арутюновой [9, 109]), в правомерности которого говорящий пытается убедить окружающих:

(1) *Он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему. Но совершенно очевидно, что это невозможно, ибо он владеет тем, что у актера называют “сотой интонацией”.* (Анна Ахматова. Все было подвластно ему)

(2) *Понятно, что, по-разному группируя этот анонимный, недостоверный, а то и просто фальсифицированный материал, профессор*

Мезонье, сохраняя вид научной добросовестности и беспристрастности, мог доказать всё, что ему угодно. (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958))

В приведенных выше контекстах предьявляется объективная точка зрения, налицо высокая степень уверенности говорящего в произносимом. Е.Н. Орехова в одной из своих работ, говорит о выражении значения «подчеркнутой уверенности» в подобных контекстах [160, 64].

При наличии показателя субъекта в рамочной позиции модус субъективируется:

(3) Для меня несомненно, что он трудный писатель, и это значит — не для современного читателя, особенно русского. (А. Д. Шмеман. Дневники (1973-1983));

(4) *По самой декларации, Государь сказал мне, что Он с ее текстом совершенно согласен, но предпочел бы, чтобы он был еще более резок и внушителен, но не требует изменений, чтобы не дать повода говорить потом, что правительство не соблюло сдержанности в своем расхождении с народным представительством, хотя для Него очевидно, что этим дело не кончится.* (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого / Части 1-4 (1933)).

В контексте (3) местоимение первого лица указывает на то, что выражаемое мнение принадлежит говорящему; в контексте (4) местоимение третьего лица сигнализирует, что выражаемое мнение принадлежит другому Я.

Как показало исследование, в публицистических текстах – в ораторских выступлениях, в дневниках, предназначенных для публикации, рецензиях, открытых письмах - модусные транспозитивы на –о часто используются в рамочной позиции. Это так называемая риторическая техника ведения беседы: говорящий старается говорить спокойно и рассудительно, выражать мысли убедительно и полно. Рамочные конструкции со *что* позволяют говорящему предьявить собственную логику, раскрыть свой взгляд на ту или иную проблему, при этом оратор абсолютно уверен в том, что говорит.

Для доказательства рассмотрим несколько текстов различных публицистических жанров – «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, судебную речь А.Ф. Кони, а также отрывки из выступлений И.В. Сталина – на предмет использования в них рамочных конструкций с союзом *что*.

«Дневник писателя» - это произведение, в котором Ф.М. Достоевский рассматривает вопросы, касающиеся различных жизненных сфер. Автор дает оценку событиям, размышляет, высказывает мнение, которое сложилось не сиюминутно, а оформлялось в течение всей жизни писателя. Ф.М. Достоевский говорит без малейших сомнений, уверенно, четко, поэтому в тексте много рамочных конструкций с союзом *что*:

(1) *И, наконец, вот архитектура современной, огромной гостиницы - это уже деловитость, американизм, сотни номеров, огромное промышленное предприятие: тотчас же видно, что и у нас явились железные дороги и мы вдруг очутились деловыми людьми.* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. (1873))

(2) *Очевидно, что это сказано из жалости и, так сказать, из деликатности, происшедшей от собственного пресыщения своим успехом, только не знаю — деликатно ли вышло.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876))

(3) *Несомненно, что открывшееся его глазам должно было поразить его и во многих отношениях удовлетворить внутренним потребностям, в нем сказавшимся.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876))

(4) *Понятно, что чем гибче, чем богаче, чем многообразнее мы усвоим себе тот язык, на котором предпочли мыслить, тем легче, тем многообразнее и тем богаче выразим на нем нашу мысль.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876))

(5) *И бесспорно, что в последние двадцать лет даже ужасно много русских людей вдруг вообразили себе почему-то, что они получили полное право на*

бесчестье, и что это теперь уже хорошо, и что их за это теперь уже похвалят, а не выведут. (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876).

В приведенных примерах (1)-(5) модусные транспозитивы на –о выражают точку зрения писателя, однако Федор Михайлович уверен, что данную точку зрения разделяют окружающие. Рамочная позиция предьявляет не столько Я-модус, сколько Все-модус.

Приведем примеры употребления вербализованных модусных рамок из другого публицистического текста – речи адвоката А.Ф. Кони:

(1) *Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались.* (А. Ф. Кони. По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем (Судебные дела) (1872));

(2) *Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу, и если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье, пропитанном насквозь водою, слякоть расплывается и следов ее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы.* (А. Ф. Кони. По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем (Судебные дела) (1872)).

Основная задача адвоката – убедить суд в невиновности своего подзащитного. На уровне языковых средств выполнение данной задачи осуществляется, в том числе, употреблением вербализованных модусных рамок с союзом *что*. А.Ф. Кони предьявляет свою версию случившегося, приводит веские аргументы. Адвокат ни на минуту не сомневается в том, что говорит, или делает вид, что не испытывает сомнений.

Обратимся к текстам двадцатого века. Вот примеры из выступлений И.В. Сталина:

(1) *Очевидно, что за эти два года шло освоение этой новой техники и нарождение новых кадров.* (И. В. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935) // «Правда», 1935.11.22)

(2) Несомненно, что уже состоявшееся повышение цен на хлеб, практическое проведение в жизнь революционной законности, практическая помощь бедняцко-средняцким хозяйствам в порядке контрактации и т. д. значительно усилят хозяйственный стимул крестьянина. (И. В. Сталин. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) (1928))

(3) Понятно, что если бы мы убили или почти убили хозяйственный стимул крестьянства, лишив крестьян хозяйственной перспективы, то у нас не было бы смычки, не было бы союза рабочего класса и крестьянства. (И. В. Сталин. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) (1928));

(4) Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства. (И.В. Сталин. Речь 3 июля 1941 г.);

(5) Вторые четыре года обнимают события войны с немецкими и японскими агрессорами, — события второй мировой войны. Несомненно, что война является главным моментом истекшего периода. (И.В. Сталин. Речь 9 февраля 1946 г.)

И.В. Сталин в своих речах выстраивал единую для всех идеологию, в истинности которой не должно быть никаких сомнений. Он не столько предъявлял собственный взгляд как один из возможных, сколько навязывал всем единственно возможную точку зрения.

Б) Запреты на употребление в рамочной позиции

Большинство рассматриваемых модусных транспозитивов на –о (25 единиц) могут функционировать в рамочной позиции. Возможность разворачивания в вербализованную модусную рамку с союзом *что* объясняется предикативной природой названных единиц языка. По этой же причине интересующие нас единицы могут занимать позицию ответной реплики, то есть быть словом-предложением, фразойдом (в терминологии Л. Теньера [148]).

Однако три модусных транспозитива на –о из нашего словника не употребляются в рамочной позиции. К данным единицам относятся следующие модусные транспозитивы: *видимо*, *всеконечно*, *конечно*. Очевидно, существуют причины, по которым названные единицы языка на современном этапе не функционируют в составе вербализованных модусных рамок.

Видимо. Запрет на употребление данного слова в составе вербализованной модусной рамки объясняется этимологическими причинами: в отличие от большинства модусных транспозитивов на –о *видимо* имеет в своем составе причастный суффикс *-(и)м-*. Схожая ситуация сложилась и для устаревших языковых единиц *вестимо* и *знамо*, однако данные слова могут функционировать в рамочной позиции в составе бессоюзных предложений:

(1) *Когда у меня детей цельный угол сидит! Вестимо: чужую беду — руками разведу. А тут человек без толку пропадает...* (И. А. Бунин. Деревня (1909-1910))

(2) *Другой в кабаке сидит; может, народу много — он и дожидает, пока других не отпустит целовальник; знамо: парень малый, больших не перекричит; тот и после пришел, да первый взял...* (Д. В. Григорович. Кошка и мышка (1857))

Для *видимо* подобных контекстов обнаружено не было, очевидно, это связано с иной - перцептивной - семантикой корня слова.

Конечно, всеконечно. Слова *конечно* и *всеконечно* на современном этапе не могут функционировать в рамке с союзом *что*. Языковая единица *всеконечно* является устаревшей и на современном этапе не употребляется. Слово *конечно* семантически оторвалось от производящей основы *конечный*. Произошло «стирание» семантики данной языковой единицы. *Конечно* наиболее употребительно в позиции ответной реплики: это своего рода согласие (или неполное согласие: *Конечно..., но*) с высказанным ранее мнением, синоним «да». В таком ключе *конечно* сближается с классом частиц.

Однако существует вариант просторечного рамочного употребления *конечно* – *Оно, конечно, что...*, который будет обсуждаться ниже.

Наверно(е) и ***предположительно***. В данном ключе интересно рассмотреть употребление слов *наверно(е)* и *предположительно* в рамочной позиции. Нами было найдено всего восемь случаев такого употребления для *наверно(е)* и три - для *предположительно*, все они датированы второй половиной XX – началом XXI веков. Например:

(1) *Почему мы сразу к 18-му: предмет нашего разбора не позволяет нам задерживаться на 17-м — с февраля все политические тюрьмы, срочные и следственные, и вся каторга опустели, и как этот год пережили тюремные и каторжные надзиратели — надо удивляться, а, наверно, что огородиками перебились, картошкой.* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958-1973));

(2) Предположительно, что именно это нововведение позволило увеличить сбор оплаты за октябрь на 4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. (Елена Ускова. Преступление и наказание (2012.11.27) // «Новгородские ведомости», 2012)

Модусный транспозитив *наверно(е)* употреблялся во внутрисинтаксической позиции и имел значение, не совпадающее с современным. Кроме того, он соединялся с модусными глаголами *знать*, *решить* и др.:

(1) *Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имени тысяч сто, что процентов в год должно уплачивать тысяч семь, что недоимок тысячи три, а что доходов тысяч 22.4 Я просил все это определить с большею точностью, и батюшка не успев того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что Долгу казенного Что процентов ежегод. Что недоимок* (А. С. Пушкин. Письмо Н. И. Павлицеву (1834.05.04));

(2) *Но в то же время он узнал теперь, и узнал наверно, что хоть и тосковала она и боялась чего-то ужасно, принимаясь теперь читать, но что*

вместе с тем ей мучительно самой хотелось прочесть (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866))

(3) *Он думал, что она тоже выкажет смущение, не сумеет укрыть от многих глаз своего сочувствия к этому герою; он уже **решил** наверное, что лесничий — герой ее романа и той тайны, которую Вера укрывала.* (И. А. Гончаров. Обрыв (1869))

Очевидно, малое количество рамочных употреблений модусного транспозитива *наверно(е)* связано с его этимологией. По данным этимологического словаря русского языка, слово *наверно* возникло из арго картежников на базе оборота (*идти*) *на верную (ставку)* в результате сращения предлога с прилагательным и последующего структурно-фонетического переоформления [175]. Согласно словарю В.И. Даля, наречия *наверно* и *наверную* существовали как две параллельные формы: *Он играет наверную, шулерски. Он наверно будет* [51].

Причина малого количества рамочных употреблений модусного транспозитива на –о *предположительно* заключается в лексической семантике корня: предположение в лексической семантике и полная уверенность в значении синтаксической конструкции – сочетание несочетаемого.

Тем не менее, поскольку для *несомненно* и прочих модусных транспозитивов на –о нормальны употребления в составе сложноподчиненных предложений со *что*, *наверно(е)* и *предположительно* также получают возможность подобного функционирования.

Таким образом, причинами «запретов» на употребление ряда модусных транспозитивов на –о в рамочной позиции можно считать особенности их семантико-синтаксической истории, а также особенности семантики.

В) Вербализованные модусные рамки с местоимениями

это (то) и оно

На современном этапе вербализованная модусная рамка может расширяться до полноценного двусоставного предложения путем присоединения к модусному транспозитиву на –о местоимений *Это* (реже – *То*) и *Оно*. Например:

(1) *Читаю «Идиота» и влияние его испытываю ночью, когда, проснувшись в темноте, лежу вне времени и все мои женщины собираются вокруг меня: до чего это верно, что Ева подала яблоко Адаму, а не он...* (Алексей Варламов. Пришвин или Гений жизни // «Октябрь», 2002).

(2) *Но что шляпа он, то верно, шляпа!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978))

(3) *Оно верно, от сала не умрёшь, салом не убьёшь.* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», № 8, 2001).

Отметим, что пропозициональные местоимения *Это* и *Оно* в соединении с вводными словами могут квалифицироваться как частицы [172]. Появление слов *Это* и *Оно* при словах на –о обычно дает основание относить эти слова к кратким прилагательным среднего рода. При невозможности установить согласование (например, для *конечно*) *Оно* квалифицируется как частица. Однако ни семантически, ни функционально примеры с *Это* и *Оно* не отличаются от употреблений модусных транспозитивов без прономинальных компонентов. Отсюда можно сделать вывод о том, что мы имеем дело с «обратным согласованием»: не прилагательное *верно* или *точно* согласуется с *Это* или *Оно*, а форма местоименных компонентов выбирается в связи с пропозициональной валентностью (валентностью на предикативную единицу) модусного транспозитива: *Это верно, что...* *Верно то, что...* Известно, что в русском языке «согласование» с несубстантивным пропозициональным компонентом выражается формами на –о.

Конструкции с местоимением *Оно* рассматривал еще А.А.Шахматов, который писал: «Безличная форма глагола может быть расчленена посредством присоединения к ней в качестве подлежащего местоимения оно. Примеры. Конечно, если продать парочку лошадок, да одну из коров, да барашков, оно, может, и хватит. Б. и д. I. 320. Такое же значение имеет *оно* в предложении: *Вот оно что, Вот оно как*» [176, 171]. Указанная конструкция расценивается как реактивная рамка. Сочетания с местоимением *Оно* диалогически обусловлены: они выражают частичное согласие говорящего с чужим мнением и предполагают противительный контекст. Говорящий не только воспроизводит чужое слово, но и интерпретирует его. Возможны следующие варианты такого рода конструкций:

Оно + М_о:

— *Хотя, впрочем, на случай чего... Оно верно, время-то теперь ужасное. Кого ещепустишь, неизвестно, а тут офицеры, в случае чего — защита-то и есть...* (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923-1924))

Оно понятно, война, но почему так изменились люди? (Василь Быков. Знак беды (1982))

Оно и М_о: (где *и* не союз, а частица). В данных контекстах констатируется очевидное и обнаруживается внутренняя мотивировка поступка:

Старуха Катерина собрала свои немудрящие пожитки и в руках перенесла их к Дарье. Как раз в день перед пожаром и перенесла. Дарья звала ее к себе еще раньше, уговаривая, что вдвоем им легче будет коротать оставшиеся на Матёре дни. Оно и верно, веселей, так и так днями старухи сбивались в кучу вокруг Дарьи. (Валентин Распутин. Прощание с Матёрой (1976))

А с тех пор у себя в главке уже десятые штаны протираю. Пятнадцать лет с иностранцами торгую, испортился... Видишь, как вопросы решаю. —

Оно и видно. Забыл душу в портфеле, а портфель дома оставил. (Константин Симонов. Живые и мертвые (1955-1959)).

Из анализируемого списка модусных транспозитивов на –о в названных конструкциях могут употребляться следующие единицы:

Таблица 5

| <i>Модусный транспозитив на –о</i> | <i>Это (То) М-о, (что)...</i> | <i>Оно М-о, (что)...</i> | <i>Оно и М-о, (что)...</i> |
|------------------------------------|-------------------------------|--------------------------|----------------------------|
| 1. Безусловно | + | - | - |
| 2. Бесспорно | + | - | - |
| 3. Верно | + | + | + |
| 4. Вероятно | + (1 контекст) | - | - |
| 5. Вестимо (устар.) | - | - | - |
| 6. Видимо | - | - | - |
| 7. Видно | + | + | + |
| 8. Возможно | + | - | - |
| 9. Всеконечно (устар.) | - | - | - |
| 10. Действительно | + | + | + |
| 11. Естественнo | + | + | + |
| 12. Знамо (устар.) | - | - | - |
| 13. Известно | + | + | - |
| 14. Истинно | + | - | - |
| 15. Конечно | + (1 контекст) | + | + |
| 16. Наверно / наверное | + (1 контекст) | - | - |
| 17. Натурально | - | - | - |
| 18. Несомненно | + | - | - |

| | | | |
|---|-------------------|---|---|
| 19. <i>Неспорно (устар.) / неоспоримо</i> | - | - | - |
| 20. <i>Определенно</i> | + | - | - |
| 21. <i>Очевидно</i> | + | - | - |
| 22. <i>Подлинно</i> | - | - | - |
| 23. <i>Понятно</i> | + | + | + |
| 24. <i>Предположительно</i> | + | - | - |
| 25. <i>Решительно</i> | - | - | - |
| 26. <i>Случайно</i> | + | - | - |
| 27. <i>Слышно</i> | + (1 контекст) | + | + |
| 28. <i>Точно</i> | + | + | + |

Как видно из приведенной выше таблицы, 8 модусных транспозитивов на –о в рамочной позиции не употребляются с указательным местоимением *Это (То)*, то есть не расширяются до двусоставного предложения. Это объясняется разными причинами. Так, модусный транспозитив *решительно* в настоящее время близок к классу частиц, поэтому естественно, что названное слово не стремится к включению в полноценное предложение.

Что касается возможности употребления в конструкциях *Оно М.-о, (что)* и *Оно и М.-о, что*, в подобных контекстах могут функционировать 9 модусных транспозитивов на –о. При этом, как правило, если слово употребляется в конструкции *Оно М.-о, (что)*, то оно может употребляться и в сочетании *Оно и М.-о, что*.

Г) Употребление модусных транспозитивов на –о в соединении с речевыми глаголами

Ряд модусных транспозитивов на –о имеет возможность сочетаться с глаголами речи в двух формах - деепричастием (*говоря*) и инфинитивом (*сказать*):

Таблица 6

| Модусный транспозитив на –о | Речевая рамка |
|---------------------------------------|--|
| 1. Безусловно | - |
| 2. Бесспорно | - |
| 3. Верно | Верно сказать |
| 4. Вероятно | - |
| 5. Вестимо (устар.) | - |
| 6. Видимо | - |
| 7. Видно | - |
| 8. Возможно | Возможно сказать |
| 9. Всеконечно (устар.) | - |
| 10. Действительно | - |
| 11. Естественно | - |
| 12. Знамо (устар.) | - |
| 13. Известно | - |
| 14. Истинно | Истинно сказать |
| 15. Конечно | - |
| 16. Наверно / наверное | - |
| 17. Натурально | - |
| 18. Несомненно | - |
| 19. Неспорно (устар.) / неоспоримо | - |
| 20. Определенно | Определенно говоря, ?определенно сказать |
| 21. Очевидно | - |
| 22. Подлинно | Подлинно сказать |
| 23. Понятно | - |

| | |
|-----------------------------|--------------|
| 24. <i>Предположительно</i> | - |
| 25. <i>Решительно</i> | - |
| 26. <i>Случайно</i> | - |
| 27. <i>Слышно</i> | - |
| 28. <i>Точно</i> | Точно говоря |

Приведем примеры:

(1) *За деньги же она продавала свои ласки кардиналу Ришелье (верно сказать, она служила при нем в качестве шпионки), суперинтенданту д'Эмери и президенту де Шеври.* (П. П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий. Книга вторая (1871))

(2) *Доказывая при том самопрактически, как долженствует зло сие, смертоносная чума прекращаема быть без отягощения повсенародного, без оскорбления, без всеубийства, возможно сказать, повсенародного!* (Д. С. Самойлович. Способ самый удобный повсемственного врачевания смертоносной язвы заразноящейся чумы ко благу всеобщественному предлагает Данило Самойлович (1797))

(3) *Просилась у Полуехта Степаныча на пострижение в обитель, так он меня так обидел, так обидел... Истинно сказать, последнего ума решился.* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови (1892))

(4) *Русскими, кроме студенчества, были одни чинуши, и притом недавно слетевшиеся сюда, почуяв, что пахнет жареным — это был, определенно говоря, всякий сброд, отбросы русской нации — щедринские «господа ташкентцы».* (В. М. Чернов. Записки социалиста революционера (1922))

(5) *Но главное — все эти семейные катастрофы или, лучше сказать, все эти дразги, так что даже не знаешь, как и назвать... Ты, подлинно сказать, друг дома. Лев Николаич, и вообрази, сейчас оказывается, хоть впрочем и не точно, что Евгений Павлыч будто бы уже больше месяца назад объяснился с Аглаей и получил будто бы от нее формальный отказ.* (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869))

(6) *Он вначале мне сказал: вырастешь, поймешь, но потом, когда я его точнее спросил — не значит ли это, что большевики хотят большего, а*

меньшевики меньшего, он мне ответил, что, точно говоря, большевики означает большинство, а меньшевики меньшинство, но можно, конечно, считать большевиков большими, а меньшевиков маленькими людьми, что большевики хотят большего, а меньшевики меньшего, потому что большевики-Ленинцы смотрят на революцию по- большому, чтобы всю грязь старого режима вычистить и построить новое здание — республику, а потом и социализм, а меньшевики хотят по-маленькому — сверху подчистить, а внутри оставить по-старому. (Л. М. Каганович. Памятные записки (1991))

Модусные транспозитивы на –о в сочетании с метатекстовыми глаголами *говоря* и *сказать* сохраняют наречную позицию. Отметим, что в большинстве случаев контексты употребления в соединении с речевым глаголом датируются XVIII-XIX веками, то есть на современном этапе подобное функционирование не распространено. Очевидно, для некоторых модусных транспозитивов на –о был еще путь в парентетическую позицию: отрываясь от метатекстового глагола, модусные транспозитивы на –о оставались за рамками предложения.

3.2 Парентетическая позиция

В современном русском языке существуют два варианта парентетической позиции: вводное слово (словосочетание) и вводное предложение. Для лексем глагольного типа возможны оба употребления: *Он, думаю, придет.* *Он, (как) я думаю, придет.* При этом вводное предложение допускает полную парадигму по лицу (синтаксическому). Для модусных транспозитивов на –о возможно только употребление в качестве вводных слов (собственно вводное употребление в терминологии Е.В. Падучевой [109]), но не предложений, в которых есть показатель субъекта.

Лишь некоторые модусные транспозитивы на –о (соотносимые с глагольными предикатами) могут выступать в парентетической позиции с союзом *как* (вводно-союзное употребление [109]): *Накопилось, как видно,*

какое-то вулканическое раздражение, томилось подспудно, скрытно от беглого глаза и вдруг прорвалось. (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)).

Основное различие между названными вариантами употребления состоит в следующем: если для вводного слова основным контекстом употребления является глагол мнения и при этом говорящий утверждает пропозицию от своего имени, то для вводно-союзной конструкции основной контекст употребления - «глагол с фактивной презумпцией»: говорящий утверждает пропозицию как факт, а вводный оборот указывает на источник, из которого говорящий этот факт узнал [109, 328-329].

Модусные транспозитивы на –о в парентетической позиции находятся в синонимических отношениях с другими модусными средствами, как глагольными, так и именными.

Представим в виде таблицы возможные ряды именных и отыменных модусных средств:

Таблица 7

| <i>Модусный транспозитив на –о</i> | <i>Именной синоним</i> |
|------------------------------------|--------------------------------------|
| <i>1. Безусловно</i> | безусловным образом |
| <i>2. Бесспорно</i> | спору нет, без спору(а) |
| <i>3. Верно</i> | верное дело, верняк, дело верняк, |
| <i>4. Вероятно</i> | по всей вероятности |
| <i>5. Вестимо (устар.)</i> | - |
| <i>6. Видимо</i> | по всей видимости |
| <i>7. Видно</i> | - |
| <i>8. Возможно</i> | по возможности |
| <i>9. Всеконечно (устар.)</i> | - |

| | |
|---------------------------------------|---|
| 10. Действительно | в действительности |
| 11. Естественнo | естественным образом |
| 12. Знамо (устар.) | Знамо дело (устар.) |
| 13. Известно | известное дело |
| 14. Истинно | истинное дело |
| 15. Конечно | конечным образом |
| 16. Наверно / наверное | - |
| 17. Натурально | натуральным образом |
| 18. Несомненно | без сомнения / без сомнений, без(о) всякого сомнения / без(о) всякий сомнений, вне всякого сомнения / вне всяких сомнений |
| 19. Неспорно (устар.) / неоспоримо | спору нет, без спору |
| 20. Определенно | - |
| 21. Очевидно | по всей очевидности |
| 22. Подлинно | - |
| 23. Понятно | понятное дело |
| 24. Предположительно | - |
| 25. Решительно | - |
| 26. Случайно | случаем, по случайности |
| 27. Слышно | По слухам |
| 28. Точно | Точняк |

Приведем примеры:

(1) *Они вообще в значительной степени склонны вести человека по жизни бессознательно, по инерции инстинкта, обычая, привычки, дисциплинарного требования. Религиозный канон безусловным образом покровительствует роду. Все, что касается земного блага семьи, выдвигается как самоцель, как понятия и задачи священные, которые необходимо*

беспрекословно чтить. (Проблемы многодетной семьи сегодня (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.11.29)

(2) — *Атамана ихнего мы хорошо знаем: он из села Владимирского, Алешка Красильников, правильный был мужик, спору нет, но избаловался, такой, сатана, стал бешеный...* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941))

(3) *Шухов вспомнил: сегодня судьба решается — хотят их 104-ю бригаду фугануть со строительства мастерских на новый объект "Соцбытгородок". А Соцбытгородок тот — поле голое, в увалах снежных, и прежде чем что там делать, надо ямы копать, столбы ставить и колючую проволоку от себя самих натягивать — чтоб не убежать. А потом строить. Там, верное дело, месяц погреться негде будет — ни конурки.* (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961));

(4) *Ну, тут все совсем просто, таварисч. Это привидение ты, верняк, помнишь. Ну, там еще такая история была слезливая.* (Топ 10 самых известных привидений и призраков (2004) // «Хулиган», 2004.07.15);

(5) *Они это просекли и давай наседать. Говорят, да чего тут думать, дело верняк, ты про Абхазию слыхал? Там казакам, которые сейчас против грузин воюют, всем дома отдали грузинские у моря, в три этажа, с садами да бассейнами, с «мерседесами» в гараже.* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013))

(6) *С одышкой он взобрался на гребень нашего бугра, по всей вероятности, с целью лично осмотреть, пехотные позиции и расположение неприятеля.* (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980-1981))

(7) *На обложке набора было написано трижды, на трех, по всей видимости, языках: ХИВА, ХИВА, и КНІВА, — значит, по-русски, по-узбекски и по-иностранному... или, может, наоборот — по-узбекски, а потом по-русски?* (Андрей Битов. Обоснованная ревность (1960-1999))

(8) Пишу Вам, по возможности, кратко и деловито, потому что Самуил Миронович (Алянский) ждет и завтра должен отправить письмо Вам. (Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966))

(9) Но мне показалось тогда, что к рассказанной мною истории он не проявил особого интереса, что меня, даже, помню, удивило. Но это, в действительности, было не так. (В. М. Зензинов. Пережитое (1953))

(10) В этом отношении решающая роль принадлежала, естественным образом, Министру Внутренних Дел, который с первой же минуты проявит большую выдержку и не скрывая ни от кого от нас убеждения, что роспуск Думы совершенно неизбежен, высказался также за выжидательный способ действия (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого / Части 1-4 (1933))

(11) Золотопромышленники сибирские, известное дело, приехали в Питер удовольствие себе сделать, а куда ни сунутся, везде им порядок: то нельзя, это нельзя, третье не полагается. (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад (1889))

(12) Плут. — Самое истинное дело, — согласился Патап Максимыч. — Ты ему воли на вершок, а он, глядь, и всем завлодел, — вставил свое слово Михайло Васильич. (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874))

(13) Я основываюсь на том, что если Кондратьев при мне позволяет вести легкомысленный образ жизни, то кто же поручится мне в том, что, предоставленный самому себе в Урге, на всю зиму, вдали от отряда Тибетской экспедиции, но главное, конечным образом, вдали от меня, он будет жить не так? (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №3 (1924-1925))

(14) Девушки, из которых образовалась основа мастерской, были выбраны осмотрительно, были хорошие швеи, были прямо заинтересованы в успехе работы; потому, натуральным образом, работа шла очень успешно. (Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863))

(15) Без сомнения, эти слухи весьма преувеличены, однако в них есть доля правды: почти всегда между босяками есть пять-шесть человек, бывших когда-то учителями, армейскими капитанами, подающими надежды музыкантами... (А. И. Куприн. Киевские типы (1895-1897));

(16) Во-первых, он чемодана не донесет на себе; во-вторых, если б и донес или выбрал что есть получше из вещей, так неминуемо с ними попадется, потому что на следующей же станции проезжащие, без сомнений, объявят о пропаже, а село наше оттуда всего двадцать верст. (В. И. Даль. Грех (1856));

(17) Маруся, без всякого сомнения, совершила прыжок и встала чуть ли не рядом с тронем. (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998);

(18) Безо всяких сомнений, Розанов был писателем редкостно одаренным. (Г. В. Иванов. Петербургские зимы (1928));

(19) Он вполне здоров, бодр, владеет всеми своими художественными силами и, вне всякого сомнения, может еще подарить свою родину не одним произведением, подобным «Войне и миру» и «Анне Карениной». (Г. П. Данилевский. Поездка в Ясную Поляну (Поместье графа Л. Н. Толстого) (1886));

(20) К Грибоедову! Вне всяких сомнений, он там. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940))

(21) Томил его несколько вначале арест слуги, но скорая болезнь, а потом и смерть арестанта успокоили его, ибо умер тот, по всей очевидности (рассуждал он тогда), не от ареста или испуга, а от простудной болезни, приобретенной именно во дни его бегов, когда он, мертво пьяный, валялся целую ночь на сырой земле. (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880))

(22) Какого свойства была бы эта награда, я, понятное дело, не понимал. (Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004))

(23) Да ты, случаем, не в Вешках ли отлеживался? (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940));

(24) Тут же, в земской избе, по случайности, находился и труп, труп земского страхового агента Лесницкого, который три дня назад приехал в Сырню и, расположившись в земской избе и потребовав себе самовар, застрелился совершенно неожиданно для всех; и то обстоятельство, что он покончил с жизнью как-то странно, за самоваром, разложив на столе закуски, дало многим повод заподозрить тут убийство; понадобилось вскрытие. (А. П. Чехов. По делам службы (1898))

(25) Это был мужчина лет сорока с густыми усами, в надвинутой на самые уши — чтобы за ночь не растрепалась прическа — кепке и с сумкой на плече. — Точняк, — сказал он напарнику, — она. — А я сразу понял, — сказал очкарик и повернулся к Никите: — Тебя как звать? (Виктор Пелевин. Спи (1991))

Четыре модусных транспозитива на –о на современном этапе не имеют вводных именных синонимов. Это слова *вестимо, видно, всеконечно, наверно(е)*.

Таблица и примеры показывают, что существует несколько «моделей» образования вводных именных синонимов модусных транспозитивов на –о:

Самая распространенная из них – прибавление к соответствующему полному прилагательному существительного типа «дело» или «образ», по своей семантике близких к местоимениям: *верное дело, известное дело, истинное дело, подлинное дело, понятное дело* и безусловным образом, *естественным образом, конечным образом, натуральным образом*.

На втором месте – форма «по +(всей) + сущ. в Д.п.», которая образуется отадъективными существительными: *по всей вероятности, по всей видимости, по возможности, по всей очевидности, по случайности*.

В отдельную группу объединяются два жаргонизма - *верняк* и *точняк*.

Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся, что модусная семантика в парентетической позиции может реализоваться не только в глагольном, но и в

именном вариантех. Между именным и глагольным полюсами оказываются модусные транспозитивы на –о.

А) Семантическая характеристика

С вводным употреблением модусных транспозитивов на –о связана проблема Я- и Он-модуса [60, 279-311]. При употреблении в парентетической позиции интересующие нас единицы языка принадлежат Я-модусу:

(1) *А как хорошо, верно, как славно пройтись по городу в такой час!* (В. Г. Распутин. Новая профессия (1998))

(2) *Они, бесспорно, благородные люди, а ты, Олексин?* (Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998))

(3) *Случилось это, по всей вероятности, в двадцатых годах первого века нашей эры.* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964))

Модусные транспозитивы на –о в парентетической позиции предьявляют субъективную точку зрения, которая может как совпадать с мнением другого Я, так и противоречить ему²⁵. Отметим, что данная позиция частотна для художественных текстов. Это один из способов членения модуса на субъект речи и субъект сознания, способ создания «образа автора». Вводные слова субъективируют текст, являются одним из средств речевой характерологии, как, например, в речи персонажей повести Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (в которой вводные слова обусловлены и литературной формой произведения – роман в письмах):

²⁵ При интерпретации семантики парентетической позиции нельзя не обратить внимание на особенности функционирования в данной позиции модусного транспозитива *слышно*. В данной языковой единице доминирует авторизационное значение, указывающее на неопределенно-личный модус. В отличие от *видно* и *очевидно* (названные слова, как и *слышно*, относятся к перцептивным корням), предьявляющих Я-модус (вижу я сам, собственными глазами и делаю вывод), модусный транспозитив *слышно* предполагает получение информации от другого Я (слышу я, но от окружающих). Перед нами неопределенно-личный модус; выражается мнение, которое разделяет говорящий и преподносит его как свое, но с отсылкой на внешний источник. Данная мысль подтверждается возможностью замены вводного *слышно* на неопределенно-личную форму *говорят*: *Нынче не то, что в старину; мужья жён не запирают: арап, слышно, богат...* (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)) → *Нынче не то, что в старину; мужья жён не запирают: арап, говорят, богат...*

(1) *Одно словечко стоит неосторожно сказать, как например об этой герани, уж вы тотчас и купите; ведь, верно, дорого?*

(2) *Он, наверно, даст своего сочинения, если он что-нибудь напечатал;*

(3) *Ваша ревность к службе и без того, вероятно, известна начальникам вашим;*

(4) *Горе-то мое, Варенька, хотел я вам описать пополам с шуточкой, только, видно, она не дается мне, шуточка-то;*

(5) *Из всех его недостатков, бесспорно, первым и важнейшим было неуважение к отцу (Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1846)).*

Диалогическая обусловленность (оглядка на чужое мнение) и субъективность мнения (даже при выражении уверенности) – вот основные семантические характеристики модусных компонентов в парентетической позиции; см. примеры из романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева:

(1) — *Я могу тебе теперь повторить, — говорил, лежа в постели, Аркадий Базарову, который тоже разделся, — то, что ты мне сказал однажды: «Отчего ты так грустен? Верно, исполнил какой-нибудь священный долг?» (И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862));*

(2) *Одинцова очень мила — бесспорно, но она так холодно и строго себя держит, что... (И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862));*

(3) *Что делать! Видно, молодежь точно умнее нас. Павел Петрович медленно повернулся на каблуках и медленно вышел; Николай Петрович отправился вслед за ним. (И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)).*

3.3 Позиция ответной реплики

Как отмечалось выше, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [93] у большинства модусных транспозитивов на –о фиксируется значение реактивной частицы, при этом, по данным словаря, языковые единицы *бесспорно, видимо, видно, известно, истинно,*

наверно, случайно, слышно, не могут функционировать как ответные реплики. Однако это справедливо не для всех перечисленных слов; см., например: *Он умен?* – Бесспорно; *Ты простудился?* – Видимо; *Лекция будет?* – Наверно.

Действительно, модусные транспозитивы на –о могут занимать позицию «второй реплики» в диалоге: — *Но я могу рассчитывать?* — Бесспорно. — *Хорошо бы в течение недели.* (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)] Об этом говорится в работах Н.Д. Арутюновой [10] и Ю.Д. Апресяна [90]. Н.Д. Арутюнова пишет, что «вторые реплики диалога создают благоприятную почву для образования модусных слов (*сомнительно, конечно* и т.п.)» [10, 176-177]. Они сталкивают противоположные точки зрения, принадлежащие коммуникантам; они же отрабатывают такие способы совмещения противоположных точек зрения, как компромисс (*возможно, может быть*); уступка (*правда-то оно правда, верно-то оно верно* и др.) Вторая реплика является либо откликом на ту ситуацию, о которой она сообщает, либо же реакцией на истинностное значение суждения.

Однако в данном случае мы не можем говорить о новом значении в рамках «модусного слова». Тождественность значений слова в рамочной позиции и в позиции ответной реплики доказывается обыкновенной трансформацией: *Он умен?* – Несомненно. → *Он умен?* – Несомненно, что он умен. Таким образом, можно утверждать, что рамочная позиция и позиция ответной реплики семантически тождественны.

3.4 Припредикатная позиция

Особенности функционирования модусных транспозитивов на –о в припредикатной позиции уже попадали в поле зрения лингвистов. Так, Н.В. Гатинская в своей работе занимается рассмотрением семантико-синтаксической истории слова *очевидно* [39]. Согласно Гатинской, *очевидно* на протяжении XVII — первой половины XIX в. имело три значения: 1) ‘воочию’,

2) 'явно', 3) 'ясно, понятно'. В первых двух значениях отражено употребление, обусловленное семантическим согласованием, когда глагол и его распространитель имеют в семантической структуре одинаковые семы. [39, 186-187]. Так, например, для указанного промежутка времени весьма частотно употребление *очевидно* с глаголами *зрѣти, видѣти*, означающее 'видеть своими глазами что-либо'. В середине XIX в. *очевидно* начинает выражать субъективное отношение говорящего к сообщаемому и «как безличный модусный предикатив прочитывается вне структуры предложения» [39, 190], то есть занимает парентетическую позицию. В текстах второй половины XIX в. употребление *очевидно* разнообразно, но преобладает показатель *очевидно*, выделенный запятыми [39, 200]. Н.В. Гатинская пишет, что, используя *очевидно* в наречной позиции, «говорящий предлагает свое мнение как уверенное, значимое для других ('ясно, несомненно всем')». Во вводном *очевидно*, обозначающем предположение, категоричность снята, выражается неуверенность» [39, 205-206]. Автор статьи подчеркивает, что «подобная поляризованность смыслов не характерна для других слов с модальной семантикой». [39, 206]. Однако, как показало исследование языкового материала, это не совсем так.

Уже в конце XVIII – начале XIX века стали проявляться семантические различия между употреблениями модусных транспозитивов на –о в «крайних» позициях – припредикатной (внутрисинтаксической) и парентетической. В результате за позиционными вариантами 14 модусных транспозитивов на –о закрепились полярные лексические значения. К данным словам относится не только *очевидно*, но и *безусловно, бесспорно, верно, видимо, естественно, наверно (наверное), натурально, определено, понятно, предположительно, решительно, случайно, точно*. При функционировании в припредикатной позиции налицо констатация определенного факта, степень уверенности говорящего в произносимом высокая. В подобных контекстах можно заменить модусный транспозитив на –о на соответствующее наречие или словосочетание

без потери смысла. Модусный транспозитив на –о, употребленный в парентетической позиции, приобретает значение гипотетичности, говорящий дает субъективную оценку некому положению вещей, он до конца не уверен в истинности своих слов. Приведем примеры из текстов конца XIX начала XX веков, когда процесс формирования различий между позиционными вариантами соответствующих модусных транспозитивов был в значительной степени завершен. В контекстах типа (А) модусные транспозитивы на –о употреблены в припредикатной позиции; в контекстах типа (Б) – в парентетической:

(1) А) *Заезжал к барону Жомини, чтобы сообщить ему мои замечания на составленную им новую редакцию статей Брюссельской конференции. Он безусловно принял все мои указания.* (Д.А. Милютин. Дневник (1876)) (безусловно принять = безоговорочно принять);

Б) *То, что знал Баргамот, он знал твердо. Пусть это была одна инструкция для городских, когда-то с напряжением всего громадного тела усвоенная им, но зато эта инструкция так глубоко засела в его неповоротливом мозгу, что вытравить ее оттуда нельзя было даже крепкой водкой. Не менее прочную позицию занимали в его душе немногие истины, добытые путем житейского опыта и, безусловно, господствовавшие над местностью.* (Л. Н. Андреев. Баргамот и Гараська (1898)) = с уверенностью можно сказать.

(2) А) *А что оным именем со дня продажи Троекуровым или выдачи Соболеву доверенности, то есть с 17... года, а по смерти отца его с 17. года и поныне, они, Дубровские, бесспорно владели, в том свидетельствуется на окольных жителей, которые, всего 52 человека, на опрос под присягою показали, что действительно, как они могут запомнить, означенным спорным именем начали владеть помянутые г.г.* (А. С. Пушкин. Дубровский (1833)) (бесспорно здесь является юридическим термином; бесспорно владеть = владеть без судебного оспаривания, владеть законно);

Б) *Науки-де, бесспорно, полезны, но лишь тогда, когда они благовременны.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Орел-меценат (1869-1886)). Перед нами предъявление субъективной точки зрения: «Науки полезны, но при определенных условиях». Данное высказывание диалогически обусловлено: *бесспорно* отсылает к предшествующему контексту, а противительный союз *но* вводит мнение говорящего.

(3) А) *Вы ведь сюда почему пришли? По человечеству? Правда? — Конечно, говорю, по человечеству. Это, говорю, вы верно объясняете.* (В. Г. Короленко. Чудная (1880)) (верно объяснять = правильно объяснять);

Б) — *Нет, говорит, у меня там ни родни, ни знакомых. Город-то мне чужой, да, верно, такие же, как и я, ссыльные есть, товарищи.* — (В. Г. Короленко. Чудная (1880)). Модусный транспозитив *верно* здесь выражает неуверенное предположение. Герой сомневается, что встретит в чужом городе родственную душу.

(4) А) *За этим первым звуком последовал другой, более твёрдый и протяжный, но всё ещё видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебаньем, за вторым— третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня.* (И. С. Тургенев. Певцы (1850)) (видимо дрожащий = осязательно дрожащий; *видимо* здесь сохраняет перцептивную семантику);

Б) *Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более— он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся.* (И. С. Тургенев. Певцы (1850)). Модусный транспозитив на –о в данном контексте выражает предположение; *видимо* здесь относится к сфере умопосягаемого, а не чувственного.

(5) А) *Я один горьким насильством судьбы вынужден ехать в эту зимнюю, морозную ночь, между тем как все мысли так естественно и так неудержимо стремятся к тёплому углу, ехать бог весть куда и бог весть зачем, перестать жить самому и мешать жить другим?* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)) (естественно стремиться = стремиться по велению сердца);

Б) *С ними поступали, как на войне, и они, естественно, употребляли те же самые средства, которые употреблялись против них.* (Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)). В данном контексте звучит субъективная авторская оценка поведения человека на войне, которую окружающие могут разделять или не разделять.

(6) А) *Я знал наверное, что сейчас буду обнимать, прижиматься к ее роскошному телу, целовать золотые брови, и мне хотелось не верить этому, дразнить себя, и было жаль, что она меня так мало мучила и так скоро сдалась.* (А. П. Чехов. Страх (1892)) (знать наверное = знать наверняка, знать точно);

Б) *Если бы Яков Иванов был гробовщиком в губернском городе, то, наверное, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвеевичем; здесь же в городишке звали его просто Яковом, уличное прозвище у него было почему-то— Бронза, а жил он бедно, как простой мужик, в небольшой старой избе, где была одна только комната, и в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и всё хозяйство.* (А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)). Наверное здесь придает рассуждением рассказчика оттенок гипотетичности, неуверенности, субъективности. Говорящий предлагает читателю один из возможных вариантов развития событий. Перед нами сослагательное наклонение, предположение, догадка.

(7) А) *И он, засовывая себе в рот бороду и делая гримасы, очень натурально притворился, что он ничего не знает об этом деле, как только то,*

что поводы к кассации недостаточны, и потому согласен с председательствующим об оставлении жалобы без последствий. (Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)) (натурально притвориться = естественно притвориться);

Б) Натурально, эти разговоры и сцены в высшей степени удручали Павла. (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887-1889)). Предлагается субъективная оценка ситуации как совершенно понятной, типичной и естественной.

(8) А) Это его неопределённое "да-а-а", может, сильнее всего заставило приунуть Тумаши, который определённо понял, что пропал. (Василь Быков. Болото (2001)) (определенно понял = ясно понял);

Б) Сказано это было по-русски, но Антону показалось, что с советской интонацией, да-да, определенно, кто-то советский высказался. (Василий Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977-1979)) Модусный транспозитив определенно, употребленный в парентетической позиции, в данном контексте прочитывается, как чужое слово. Определенно здесь раскрывает точку зрения героя – Антона, - который полностью уверен, что слышал советские интонации.

(9) А) Обыкновенно бледное и задумчивое лицо ее, так всё время не гармонизировавшее с давешним как бы напускным ее смехом, было очевидно взволновано теперь новым чувством; и однако всё-таки ей как будто не хотелось его выказывать, и насмешка словно усиливалась остаться в лице ее. (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)) (очевидно взволновано = явно взволновано).

Б) Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам не относится. (А. П. Чехов. Беззащитное существо (1887)). В данном контексте очевидно является словом ментального модуса, говорящий высказывает неуверенное предположение о том, что

героиня ошиблась адресом. Однако он не знает наверняка, правильно ли данное предположение.

(10) А) *Рабочие издевательски заржали: — Вот, черт, до чего понятно объяснил!.. Молодой, а с толком...* (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1-4 (1913-1932)) (понятно объяснять = доходчиво объяснять);

Б) *Понятно, он не мог остаться бесчувственным камнем, видя в лице женщины весь ужас грядущих плетей...* (Н. Г. Помяловский. Молотов (1861)). Автор дает оценку поведения героя, оправдывает его. При помощи модусного транспозитива на –о говорящий объясняет окружающим, почему герой поступил именно так, а не иначе, ибо автору понятны мотивы поведения последнего, а окружающим – нет.

(11) А) *Реставраторы неожиданно обнаружили под сравнительно поздней надписью на коптском языке потрясающие по сохранности лики апостолов, выполненные в энкаустической технике и датируемые предположительно IX веком.* (Е. Толмачёва. Тайны храма Богородицы в Каире // «Наука и жизнь», 2008) (предположительно датируемые = примерно / приблизительно датируемые);

Б) *Книгу эту я буду писать, предположительно, всю оставшуюся жизнь, и все, что отныне будет (и кое-что, что доньше было) мною сочинено, может считаться входящим в нее.* (Владимир Войнович. Замысел (1999))
Высказывается субъективное предположение, что написание книги займет очень много времени, возможно, - всю жизнь.

(12) А) *Затем он решительно заявил, что мы можем, если угодно, ехать дальше, а он останется здесь, пока не поймает обеих уток.* (В. Г. Короленко. Мороз (1900-1901)) (решительно заявить = заявить без колебаний);

Б) — *Вы, решительно, полька! Чем больше я на вас гляжу, тем больше убеждаюсь в том, — начал он.* (А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)). И снова

перед нами предположение говорящего, которое может оказаться как истинным, так и ложным.

(13) А) *Не возмущалась ли, господа, ваша душа видом этих несчастных созданий, когда вы случайно встречали их на улице?* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 6. (1867)) (случайно встретить – ненароком встретить);

Б) — *Вы, случайно, не знаете: где теперь Степан Кутузов?* (Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)). *Случайно* здесь выполняет фатическую функцию; придает словам героя оттенок неуверенности в себе, робости.

(14) А) *Он лучше меня, конечно, знал ту развёрсточную машину, которая так шумно действовала перед нашими глазами, и видел, что пока она сделает точно и справедливо своё дело, — пройдёт ещё немало времени...* (В. Г. Короленко. Мороз (1900-1901)) (точно сделать = качественно сделать);

Б) *Сплю я, точно, редко, но всякий раз сны вижу, — хорошие сны!* (И. С. Тургенев. Живые мощи (1874)). В данном контексте слово *точно* диалогически обусловлено и является реакцией говорящего на предшествующую реплику. Выраженную ранее точку зрения герой разделяет не до конца: да, он действительно мало спит, но зато видит прекрасные сны.

Для остальных модусных транспозитивов на –о, способных употребляться парентетически и внутрисинтаксически, синтаксическая позиция не дает основания для обнаружения семантических различий; это очень тонкие различия, которые прочитываются через более широкий контекст.

Сравним примеры из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского:

(1) *...очень часто выходило потом, что эти, с таким жаром защищаемые клиенты, оказывались вполне и бесспорно виновными. Я не знаю, бывали ли у нас случаи, что адвокаты, желая до конца выдержать свой характер вполне убежденных в невинности своих клиентов людей, падали в обморок, когда присяжные выносили обвинительный приговор? Но что*

проливали слезы, то это, кажется, уже случилось в нашем столь молодом еще суде. Как хотите, а тут, во всем этом установлении, сверх всего бесспорно прекрасного, заключается как бы нечто грустное. Право: мерещатся «Подковырники-Клещи», слышится народное словцо: «адвокат — нанятая совесть»; но главное, кроме всего этого, мерещится нелепейший парадокс, что адвокат и никогда не может действовать по совести, не может не играть своею совестью, если б даже и хотел не играть, что это уже такой обреченный на бессовестность человек и что, наконец, самое главное и серьезное во всем этом то, что такое грустное положение дела как бы даже узаконено кем-то и чем-то, так что считается уже вовсе не уклонением, а, напротив, даже самым нормальным порядком... (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876));

(2) Теперь же именно, в эпоху реформ и новых начал, у нас как нарочно все собственным умом хотят жить, все того захотели, — идея, бесспорно, просвещенная, но то беда, что никогда еще у нас не бывало столь мало собственного ума, как теперь, при общем желании иметь его. (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)).

В обоих примерах слово *бесспорно* взаимодействует с полными прилагательными, но в первом примере это слово употреблено в присловной позиции, а во втором – во вводной. В первом примере утверждается неоспариваемая никем истинность, во втором – согласие с реформаторами. Значение вводного *бесспорно* прочитывается в связи с предшествующим контекстом, а также в соединении с союзом *но*. В первом примере сферой действия семантики слова *бесспорно* оказывается только рядом стоящее прилагательное.

Рассмотрим еще 2 примера:

(1) «Ему вспомнились казанские вечерние разговоры, речь Мадьярова о чеховском отношении к человеку. Он подумал: "Мне кажется моральным, справедливым социальный признак. Но немцам бесспорно моральным кажется

национальный признак. А мне ясно: ужасно убивать евреев за то, что они евреи. Ведь они люди, — каждый из них человек — хороший, злой, талантливый, глупый, тупой, весёлый, добрый, отзывчивый, скаред. А Гитлер говорит: всё равно, важно одно — еврей. (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)) Модусный транспозитив *бесспорно* в данном контексте употреблен в припредикатной (внутрисинтаксической) позиции, т.к. это слово вводит чужую точку зрения, не принадлежащую говорящему. Субъект мнения (немцы) полностью уверены в своей правоте, *бесспорно* в этом контексте не указывает на то, что мнение является результатом согласия с мнением еще одного субъекта.

Вводное *бесспорно* предполагает диалогическое соотношение мнений, выражает согласие:

(2) Он заговорил о том, как ненавидит черносотенцев. И одновременно он видит, что Мандельштам и Хавкин, люди, бесспорно, одарённые, способные, были ослеплены, им казалось, что всё происходящее лишь юдофобство и ничего более. (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989) В данном примере содержание высказывания является бесспорным только для субъекта мысли (речи) и оформляет несобственно-прямую речь.

Таким образом, при «включении» в текст модусного транспозитива на –о (в припредикатной позиции, без запятых), мы получаем наложение точек зрения, «чужое» слово, полисубъектность. При «вытеснении» из структуры предложения модусного транспозитива на –о (употребление в парентетической позиции, в запятых) происходит обратный процесс: предъявление одной точки зрения, принадлежащей Я говорящему. Иными словами, Я стремится проявить себя, выйти за рамки предложения, в то время как не-Я растворяется в структуре текста. На современном этапе для одних модусных транспозитивов на –о припредикатная позиция уже невозможна (для слов перцептивной семантики), для других еще сохраняется. При этом для всех модусных

транспозитивов на –о наблюдается расхождение в семантике в зависимости от позиции: во вводной – неуверенность говорящего, в припредикатной – уверенность.

Если рассматривать припредикатное употребление модусных транспозитивов на –о в динамике, мы получим следующую картину. Парентетическая позиция постепенно вытесняет диктальную. Наречные употребления на современном этапе присущи ограниченному кругу модусных транспозитивов на –о (см. Таблицу 8), причем это, как правило, примеры, взятые из научных текстов или пространных рассуждений на заданную тему.

Рассуждая о припредикатных употреблениях модусных транспозитивов на –о, необходимо коснуться проблемы функционирования данных форм внутри полупредикативных структур. Строго говоря, припредикатная позиция существует в двух вариантах: (а) модусный транспозитив на –о стоит при предикате, (б) модусный транспозитив на –о стоит при причастии / деепричастии.

При употреблении внутри оборота запятая после модусного транспозитива на –о может ставиться, а может отсутствовать, при этом более частотны примеры без запятой. Отметим, что в грамматиках русского языка XIX века нет особого правила, регламентирующего постановку знаков препинания при употреблении модусного транспозитива на –о (вводного слова) в составе обособленного определения / обстоятельства. В хрестоматийном справочнике по орфографии и пунктуации русского языка XX века (под редакцией Д.Э. Розенталя) такое правило есть: «Если вводное слово стоит в начале или в конце обособленного оборота, то никаким знаком от оборота оно не отделяется; если же вводное слово стоит в середине обособленного оборота, то оно выделяется запятыми на общем основании» [123].

Итак, для модусного транспозитива *безусловно* было обнаружено 55 контекстов употребления внутри полупредикативных оборотов: в 14 примерах запятая после *безусловно* стоит, в 41 - отсутствует. Для *бесспорно* было

обнаружено 26 контекстов употребления внутри полупредикативных оборотов: в 7 примерах запятая после *бесспорно* стоит, в 19 - отсутствует. Для модусного транспозитива *несомненно* было обнаружено 120 контекстов употребления внутри полупредикативных оборотов: в 38 примерах запятая после *несомненно* стоит, в 82 - отсутствует. Если для XIX века необходимо говорить о неразличении двух позиций и двух семантических вариантов, то для XX века — это следствие ориентации пишущего на пунктуационное правило.

Рассмотрим примеры из текстов XX века с двумя транспозитивами — *вероятно* и *несомненно*, которые в Словаре А.А. Зализняка [56], интерпретируются только как вводные слова:

(1) *Среди субъектов годового корма время от времени встречаются «княжиш драгуны» — нижние чины губернаторского драгунского эскадрона, вероятно доставлявшие в Тюмень деловую корреспонденцию или осуществлявшие какие-то иные губернаторские «посылки», представители высшего епархиального духовенства, некий «сыщик», единично — местные дети боярские.* (Дмитрий Редин. «Несено Ивану Васильевичю...» (2007) // «Родина», 2011);

(2) *Но сидящий рядом, вероятно вдохновленный безропотностью жертвы, озарился новой мыслью.* (Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003));

(3) *За это равнодушие и увенчалась она совершенным торжеством: всякий раз, когда ветер вздувал её очень ненарядные перья, господин котёнок, вероятно полагая, что она намерена проучить его за нахальство, обращался в постыдное бегство; но великодушная курица столь же мало примечала побед своих, сколь пренебрегала своим трусливым и вместе дерзким неприятелем.* (И. Грекова. Без улыбок (1975));

(4) *Лишь однажды, идя мимо их двери, Барцев случайно услышал их разговор: видимо, играли в шахматы. — А теперь мы вас так и так, — спокойно говорил Камышин. — А потом мы вас, — тоненько отзывался*

Драйберг, вероятно съедая фигуру в ответ. — А потом все-таки мы вас. (Дмитрий Быков. Орфография (2002));

(5) *Одной невероятно толстой особе, несомненно страдающей ожирением, он сказал с восхищением, пока она втискивала мягкий зад в сиделище зубокачественного кресла: — Если бы мы жили в Стамбуле, вы бы считались самой красивой женщиной в городе!* (Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996));

(6) *Вероятно, именно Кириллов, несомненно беседовавший с Берингом, и улучил момент для того, чтобы привлечь внимание правительства к капитан-командору: 4 декабря 1730 года появился указ Сената Берингу с требованием о подаче его предложений, результатом чего и стали две короткие записки Беринга, оформившие идею второй Камчатской экспедиции* (Николай Петрухинцев. Прорыв на восток // «Родина», 2009);

(7) *Одновременно многие там, возможно, даже большинство политических деятелей, несомненно стремясь к ослаблению СССР, опасались, что его распад приведет к хаосу страну, в различных частях которой, более того, в различных отделившихся частях в огромных количествах находилось ядерное оружие.* (Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (2009)].

В приведенных примерах (1)–(7) и в причастных, и в деепричастных оборотах модусные транспозитивы выражают субъективную точку зрения субъекта сознания и речи, т.е. являются вводными.

По А.К. Руденко, в подобных контекстах мы имеем дело с «взаимодействием (столкновением) двух знаков в рамках одного пробела» [126, 67]. На выходе мы получаем «поглощение» [126, 68] левой запятой, необходимой при употреблении модусного транспозитива на –о, запятой, требуемой причастным / деепричастным оборотом. А.К. Руденко в своей работе пишет о том, что «пунктуационные правила не покрывают всей пунктуационной сети, всех процессов функционирования знаков препинания.

<...> Несоответствие кодификации и реальной практики создает условия для активной позиции пишущего в выборе пунктуационного знака» [126, 175]. При этом «выбор знака» - это в том числе «выбор между наличием знака в тексте и его отсутствием» [126, 175-176].

Исчезновение правой запятой при модусном транспозитиве на –о можно объяснить следующим образом. Во-первых, модусный транспозитив на –о в подобных контекстах может занимать присловную позицию, что исключает постановку знака препинания; во-вторых, запятая может опускаться «технически», чтобы показать, что вводность принадлежит причастному / деепричастному обороту.

Постановку запятой в подобных контекстах можно объяснить и пунктуационной «памятью»: знак ставится, потому что модусный транспозитив на –о маркирован в сознании пишущего как «вводное слово».

3.5. Функционирование модусных транспозитивов на –о в составе дискурсивной скрепы

Ряд модусных транспозитивов на –о может функционировать в составе дискурсивной скрепы - в связке с сочинительными союзами *И*²⁶ и *Но*:

(1) *Начнём с Обалдуя. Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всём околотке не звал его иначе как Обалдуем, и он сам величал себя тем же прозвищем: так хорошо оно к нему пристало. **И действительно,** оно как нельзя лучше шло к его незначительным, вечно встревоженным чертам.* (И. С. Тургенев. Певцы (1850));

²⁶ Отметим, что при интерпретации конструкций типа *И действительно* закономерно возникает вопрос: считать *И* союзом или частицей? В Русской грамматике под редакцией Н.Ю. Шведовой *И* в подобных конструкциях квалифицируется как «частица-союз», совмещающая модальное значение со значением связующих слов [132]. В рамках настоящего исследования мы будем считать *И* союзом, выполняющим в связке с модусным транспозитивом на –о иллокутивную функцию. *И* здесь нельзя считать частицей, поскольку невозможно убрать данный элемент из предложения без потери смысла.

(2) *Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, - это тоже нехорошо.* (Н.В. Гоголь. Ревизор).

Из приведенных выше примеров видно, что модусные транспозитивы на –о имеют два «варианта» функционирования в названной позиции:

- контактный, при котором анализируемая единица языка занимает соседнюю («правую») с союзом позицию (контекст (1));
- дистантный, при котором есть расстояние между модусным транспозитивом на –о и союзом (контекст (2)).

«Союзный потенциал» «вводно-модальных слов», в том числе модусных транспозитивов на –о, отмечает в своей работе и Е.Н. Орехова. С точки зрения исследователя, «экспликаторы субъективной модальности» активно участвуют в построении разного рода отношений (соединительных, противительных, разделительных, присоединительных), при этом модифицируют названные отношения в субъективно-модальном аспекте [104].

Подобное функционирование связано с проблемой иллокутивного употребления союзов. Данный вопрос затрагивается, например, в работах Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука [62; 63], Е.С. Ярыгиной [189; 191], В.З. Санникова [135], Е.Н. Ореховой [153], О.Е. Пекелис [113] и др.

По определению Л.Н. Иорданской, иллокутивный союз устанавливает отношения между фактом и высказыванием [63]. В.З. Санников связывает понятие иллокутивного союза с эллипсисом модуса: если пропуска нет и есть логические и временные отношения, то конструкция не попадает в область иллокутивных: *Раз холодно, надень пальто → Она надела пальто, потому что было холодно* [135]. О.Е. Пекелис называет иллокутивным такое употребление союза, «при котором союз выражает связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллокутивной модальностью другой» [113]. Н.К. Онипенко предлагает учитывать эти

наблюдения при классификации сложноподчиненных предложений в связи с разграничением модусных и диктальных составляющих²⁷. При собственно-причинном употреблении две предикативных диктальных единицы соотносятся с одним модусом, при этом работает категория таксиса. Иллокутивное значение «выключает» таксис, что становится возможным потому, что логические союзы соединяют не диктальные составляющие предложения, а их невербализованные модусные части, при этом модусы не совпадают по типу (считаю, потому что знаю и др.)

К иллокутивному употреблению тяготеют подчинительные союзы, например, *поскольку, так как, раз, если, пока (не), чтобы, иначе, а то, а не то, так что* и некоторые другие. Однако некоторые сочинительные союзы также способны к иллокутивному функционированию [135, 57]: *Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах толку.* (Л. Н. Толстой. Война и мир. (1867-1869)) *Но* связывает здесь пропозицию первой части предложения с подразумеваемой модальностью утверждения, входящей в смысл второй части: *вы меня извините, но я скажу: вы ничего не понимаете...*

При употреблении модусных транспозитивов на –о в связке с сочинительными союзами мы имеем дело с особой вводно-союзной конструкцией, которая выражает иллокутивную связь между частями высказывания:

Я относился поначалу к папе с тревогой. Папа казался мне то очень строгим, то очень добрым. И действительно, всегда эти крайности в нем сочетались, иногда в течение минуты. То он улыбался, всем лицом, ясными глазами, и хотелось смеяться и кружить вокруг него, но он же, огорчившись или задетый каким-то словом, темнел, начинал перебирать губами, и

²⁷ Данная концепция была изложена на одной из лекций Н.К. Онипенко по курсу «Грамматика и текст» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2008 г.)

становилось страшно: отец рассержен. (Сергей Шаргунов. Мой батюшка (2011)).

В приведенном выше примере конструкция «и действительно» связывает субъективную точку зрения говорящего, выраженную в предшествующем предложении (рассуждение говорящего о характере отца, его впечатление от общения с батюшкой), с объективной информацией последующего высказывания (реальное поведение отца говорящего). Иными словами, субъективная модальность первого высказывания взаимодействует с эксплицитно выраженной (через модусный транспозитив *действительно*) ассертивной модальностью второго высказывания. *И действительно* здесь диалогически обусловлено: это своего рода подтверждение высказанного предположения. Отец «казался» говорящему то строгим, то добрым. И данное предположение подтвердилось: отец, действительно, был склонен к резким перепадам настроения.

Посредством союза происходит соединение двух речевых актов в рамках «оппозитивного» диалога (в терминологии С.О. Карцевского [68])²⁸: первое высказывание выражает некую точку зрения, второе – согласие с предъявленным мнением. Данное согласие выражается посредством модусных транспозитивов на –о.

Отметим, что в академических грамматиках при употреблении в связке с союзом *И* модусные транспозитивы на –о будут традиционно рассматриваться как конкретизаторы сочинительного союза. Действительно, при употреблении в составе названных конструкций модусные транспозитивы на –о по своей семантике близки диалогическим частицам, однако в данном случае не союз присоединяет к себе «частицу», а наоборот, «частица» требует использования сочинительного союза. При изменении порядка слов соединение вводного

²⁸ По С.О. Карцевскому, оппозитивный диалог, в котором происходит мена точек зрения, лежит в основе сочинительной связи [68, 71-72].

слова с *И* может сохраняться, *И* при этом квалифицируется как частица, что свидетельствует о том, что модусный транспозитив на –о в подобных контекстах является носителем основного значения:

(1) *Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос. Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... остолбенел от неожиданности. Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрепанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он и действительно покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.* (Андрей Некрасов. Приключения капитана Врунгеля (1960-1980));

(2) *Килькичев с иронической улыбкой чертил на листке абракадабру, всем своим видом показывая, что он знал это давно; а он и действительно знал это.* (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007))

(3) *Отец давно говорил, что собирается писать мемуары. Может, он и действительно хотел. А получилась тощая тетрадка, в которой выдранных страниц больше, чем исписанных.* (Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010).

И действительно является способом подтверждения того, что предполагалось в предшествующем контексте.

В присоединительной связи активны следующие модусные транспозитивы: *верно, действительно, естественно, подлинно* и *точно*. Слова *верно, действительно, подлинно* и *точно* содержат сему «подтверждение высказанной ранее информации, согласие». Иная семантика у *естественно*:

здесь налицо не подтверждение предположения, а оценка поведения или ситуации с точки зрения обыденного сознания.

В большинстве контекстов можно заменить конструкцию «и + модусный транспозитив на –о» на сочетание *в самом деле*²⁹: *Все называли мою мать красавицей, и точно она была лучше всех, кого я знал.* (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)) → *Все называли мою мать красавицей, в самом деле: она была лучше всех, кого я знал.*

При функционировании в связке с союзом *И* модусные транспозитивы на –о позволяют диалогизировать текст. Это один из приемов создания образа автора, усложнения его структуры. Приведем примеры употребления конструкции «и + модусный транспозитив на –о»:

(1) — *Если будете ложиться под одеяло, обязательно раздевайтесь,* — сказал надзиратель. — *А одежду вешайте на спинку стула. **И верно:** мягкий стул, а не табуретка стоял возле кровати.* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978));

(2) *«Да, мой друг, — говорил государь, — хорошо бы на реке построить мост». И мост начали строить, государь — это позже — восхитился: «Отличный офицер, всё может! Взгляни: будто смычок свой перекинул над рекой». **И верно,** лёгкий, грациозный висячий мост соорудил Львов, инженер и музыкант, автор народного гимна... (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989));*

(3) *Сверстники мои переженились, разъехались, и я фактически был один. В тридцать лет на танцплощадку не пойдёшь, работал я начальником производства, приходил поздно, кроме фабрики и дома, ничего не знал, надежды мои были на лето, когда съедутся дачники, и среди них наши местные, кто жил здесь раньше. **И действительно,** с конца мая стали наезжать мои бывшие приятели, товарищи детства и юности, и, конечно, все*

²⁹ Конструкцию «и естественно» можно заменить на оборот «из этого естественно следует, что...».

удивляются, что я с дипломом торчу в глуши, без всяких перспектив, надо перебираться куда-нибудь в промышленный центр. (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977));

(4) Здесь, на этой площадке, и появился Человек. Он вышел на ходулях, он был одет в камзол и длинный плащ, драпировавший его ходули. Но в тот субботний день такой наряд мог и не показаться странным, ибо в парке происходил карнавал. И действительно, человек на ходулях остановился, достал из-под плаща мегафон и равнодушно прокричал свои объявления: «В семнадцать тридцать на массовом поле откроется бал-маскарад «Юность твоя и моя». В двадцать часов на веранде танцев вечер из цикла «Разрешите с вами познакомиться». А в зеленом театре цирковое представление «Летние узоры». (Эдвард Радзинский. Продолжение Дон Жуана (1990-2000));

(5) Я, не кантианец вовсе, но все же привыкший к серьезным ответам (отец только и делал, что предлагал к сведению моему списочки книг) на серьезный запрос, внутренне так и ахнул, услышав от Стороженки такой курбет мысли; и естественно: я поведал отцу, тоже не кантианцу, об удивлении, меня охватившем... (Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929));

(6) — Рад-с — очень, очень-с, — потер руки профессор; и подлинно: видно, что — рад; посетитель, щема левый глаз, моргал правым, как будто плескал не ресницами, а очень быстрыми крыльями рябеньких бабочек; все же сквозь них поколол, как иголкой, серым зрачком, и им перекинулся от Василисы Сергевны к профессору; и от профессора — вновь к Василисе Сергевне. (Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чудаки (1926));

(7) Стояло лето. Старичок уж давно не работал. Шастающий, молча он подходил и подмаргивал, как бы желая что-то потихоньку тебе показать; руку он интригуяюще держал в кармане. И точно: он вынимал из кармана необыкновенную птичку. (Владимир Маканин. Утрата (1984));

(8) *Этот мой немец вдруг изловчился и выхаркнул кляп. Григорий Иванович поднял было автомат, чтоб огреть им непослушного, как вдруг сзади раздался голос: «А вы накормите его...» Оглянулись: за нами стоит командир, весь в глине, каска, маскхалат, местность знает, капитан Круглов, интендант и во главе похоронной команды. И точно: покормили немца — смирным стал, сам пошел, на своих ногах, не делая попыток юркнуть в кустарник, да и куда ему бежать.* (Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002);

В приведенных примерах (1)-(8) конструкции «и + модусный транспозитив на –о» связывают высказанное предположение с его фактическим подтверждением, субъективную модальность с модальностью утверждения. Обратим внимание, что при иллокутивном употреблении знак между сочинительным союзом и модусным транспозитивом на –о не ставится. При подстановке знака высказывание становится аномальным, теряется необходимость в использовании союза *и*:

Спят, как убитые, — сказал Костя. — Перепились. В комнате не продохнуть. И действительно, когда дверь открыли, на нас пахнуло прескверным духом. (Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)) («и действительно» = «в самом деле», иллокутивная семантика) → *Спят, как убитые, — сказал Костя. — Перепились. В комнате не продохнуть. *И, действительно, когда дверь открыли, на нас пахнуло прескверным духом*

Моя бодрость злила друзей. Меня ругнули, и я притих. И верно, в эти первые месяцы самое уместное было молчать. (Александр Володин. Одноместный трамвай // Библиотека «Огонек», 1990) («и верно» = «в самом деле», иллокутивная семантика) → *Моя бодрость злила друзей. Меня ругнули, и я притих. *И, верно, в эти первые месяцы самое уместное было молчать.*

Второй тип взаимодействия модусного транспозитива с союзом – дистантная скрепа с союзом *Но*. Как и в предшествующем типе, условием употребления является наличие диалогического отношения между минимум двумя точками зрения. Семантическая особенность второго типа состоит в

частичном согласии с высказанным ранее мнением, за которым следуют контраргументы:

(1) *Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.* (Н.В. Гоголь. Ревизор);

(2) *А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием.* (Н.В. Гоголь. Ревизор);

(3) *Да, да, все страдают, несомненно, но мы особенно: армяне разбросаны по всему свету, не так ли?* (Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993));

(4) *«Процент» был охвачен. Остальные 99 предпочли, естественно, Филиппа Киркорова или Аллу Борисовну Пугачеву. «Но ведь в России то же самое», — скажет мне кто-то. Конечно, безусловно, но Россия и чуть больше русскоязычного Израиля, и «процент» там соответственно весомей, чем здесь.* (Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)).

Примеры (1) и (2) взяты из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Модусный транспозитив *конечно*, употребленный с союзом *Но*, является средством речевой характеристики Городничего: он пытается угодить всем, соглашается с мнением каждого, но при этом не забывает высказать собственную точку зрения. В контекстах (3)-(4) модусные транспозитивы на –о также предъявляют частичное согласие с некой точкой зрения, однако противительный союз *Но* сигнализирует о наличии у говорящего поправок к высказанному мнению.

4. Лексико-синтаксическая история модусных транспозитивов на –о

Анализируя особенности функционирования модусных транспозитивов на –о в различных синтаксических позициях, мы говорили о семантических различиях между позиционными вариантами данных языковых единиц.

Представляется интересным посмотреть, как шел процесс позиционной поляризации лексических значений модусных транспозитивов на –о и восстановить историю развития интересующего нас класса слов. В качестве примера нами были выбраны 2 группы единиц: *безусловно*, *бесспорно*, *несомненно* и *естественно*, *натурально*. Первую группу слов, помимо семантического сходства (выражение высокой степени уверенности говорящего в произносимом), объединяет сходство словообразовательное: приставка несет в себе значение отрицания. Вторую группу слов также объединяет деривационное сходство (оба производны от полного прилагательного и не соотносимы с глаголами) и семантическая близость.

4.1 Безусловно

По данным НКРЯ [88], частота употреблений модусного транспозитива *безусловно* возрастает с 50-60х годов XIX века. Наиболее активно названная единица языка используется в сначала XX столетия. Самый ранний пример употребления анализируемого модусного транспозитива на –о датирован концом XVIII века: *Я же, руководствуясь правилами чести, никогда не смешивал повиновения с порабощением, не смел ослушаться начальника, покорялся ему безусловно в деле службы, в прочем никогда на свист ничей не бегал, и Боборыкин не мог на мне взыскать ни вины своего камердинера, ни нечистоты в комнате.* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788-1822))

Анализ показывает, что модусный транспозитив *безусловно* в конце XVIII первой половине XIX века употребляется в припредикатной позиции в связке с глаголами определенной семантики: словами, предполагающими согласие говорящего на что-либо (глаголы типа *покоряться*, *повиноваться*, *соглашаться*, *полагаться*, *принимать* и др.) Как правило, в данном случае мы

имеем дело с текстами, тематически связанными с государственной службой. *Безусловно* здесь выражает высшую степень покорности говорящего, отсутствие своеволия и инакомыслия, веру в справедливость действий власть имущих:

Начальники Семинарий, привыкнув безусловно покоряться воле старших, требуют того же от воспитанников, порученных их надзору; и для сего употребляют излишнюю строгость, которая, кроме того что подавляет способности учащихся и унижает их характер, имеет последствием, что, освободясь от страха, они пользуются слишком неумеренно первыми минутами свободы. (А. О. Корнилович. Записки из Алексеевского равелина (1828-1832)).

Безусловно часто используется в связке с глаголом *верить* и его производными: вера, действительно, всегда безусловна, она не может быть чем-либо определена:

Хотя я не чувствовала к нему особенной симпатии, но уважала его убеждения и пламенную любовь к науке — умилялась и безусловно верила, когда он говорил, что призвание профессора в его глазах самое высокое, какое существует на свете, что он свою кафедру не переменил бы на звание министра. (Е. А. Драшусова. Воспоминания (1848))

Примерно в 50-е годы XIX века появляются первые случаи употребления *безусловно* в парентетической позиции. Данный модусный транспозитив на –о в подобных контекстах, как правило, выделен знаками препинания (запятыми, тире). Во всех случаях функционирования *безусловно* в парентетической позиции налицо выражение субъективной оценки происходящего. *Безусловно* здесь уже не является контекстно зависимым словом и сочетается с предикатами любой семантики:

Воспитанная примерами итальянских дворов, потом собственным чтением и размышлением, она усвоила вполне страшную теорию Макиавелли и приложила ее во Франции. Имя ее обыкновенно произносится со страшными

эпитетами, но в новейшее время нашлись такие же горячие защитники ее. Мы не можем стать, безусловно, на стороне ни тех ни других; мы видим ее жертвою политического разврата тогдашнего времени. (Т. Н. Грановский. Лекции по истории позднего средневековья (1849-1850))

Постепенно к концу XIX века происходит экспансия парентетического употребления модусного транспозитива *безусловно*, количество припредикатных употреблений сокращается. В XX веке и на современном этапе парентетическая позиция для анализируемого слова преобладает, наречные употребления связаны, как правило, с текстами религиозной тематики и вопросами веры в целом (сохраняется «старое» функционирование в связке с предикатом *верить*), а также в текстах философского характера³⁰.

Помимо употребления в припредикатной и парентетической позициях для модусного транспозитива *безусловно* существовала третья возможность – функционирование в составе рамки со *что*. Первые подобные употребления, по данным НКРЯ [88], относятся к 1910-1920-м годам:

Я всем верю... Какая обида? А только я говорю, провокация... Безусловно, что провокация... (Б.В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918));

Конструкции со *что* придают субъективной точке зрения говорящего большую степень уверенности; рамочная позиция позволяет преподнести общественное мнение как свое собственное или наоборот.

Примерно с 80-х годов прошлого века наблюдается тенденция к увеличению числа употреблений модусного транспозитива *безусловно* в рамочной позиции:

³⁰ Отметим, что в философии лексема *безусловный* имеет особое значение, не совместимое со вводностью, - 'не нуждающийся для своего существования или действия ни в каких условиях, причинах' [168, 37]. Большую роль играет понятие *безусловного* (абсолютного) в метафизике немецкого идеализма. Так, И.Кант в своих работах говорил о невозможности существования *безусловного*: «Наличие связи существующих условий данных нам явлений с другими или с предшествовавшими, а тех – с еще ранее имевшимися и т. д. не позволяет остановиться на чем-либо как на совершенно безусловном» [66, 273].

Для меня, например, безусловно, что если у взрослого человека детский доверчивый взгляд — значит, с ним смело можно иметь дело; если его глаза бегают — значит, на уме посторонние и не всегда чистые мысли. (Владимир Санин. Не говори ты Арктике - прощай (1987));

Очевидно, происходит переосмысление статуса языковых единиц подобного рода: они претендуют на включение в предложение на правах полноценного предиката. Ниже мы более подробно остановимся на этом моменте.

Итак, лексико-синтаксическую историю модусного транспозитива *безусловно* можно представить следующим образом: первоначально данная единица языка функционировала в припредикатной позиции в связке с ограниченным кругом глаголов, далее произошло переосмысление внутрипредложенческих связей, *безусловно* стало употребляться с предикатами более широкого круга и было переосмыслено как слово, способное выражать субъективную точку зрения. По этой причине произошел выход модусного транспозитива *безусловно* за рамки предложения с сопутствующим изменением смысла. На современном этапе при сохранении значения субъективности *безусловно* стремится быть снова включенным в структуру предложения, но не в качестве зависимого компонента, а на правах главного члена рамочной конструкции.

4.2 Бесспорно

Первые случаи употребления модусного транспозитива *бесспорно* датированы первой половиной XVIII века. В отличие от *безусловно*, слово *бесспорно* уже в XVIII столетии функционировало в припредикатной и парентетической позициях, а также в составе рамок со *что*. При этом количество наречных употреблений является доминирующим:

(1) *И буде скажут, откуда их путь и куда, то спросить у них отпуск от их сотских и пятидесятских, и буде отпуск бесспорно покажут и со словами*

их отпуск будет сходен, то по то и дело их. (И.Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве (1724));

(2) *Ибо самое добронравие, бесспорно, есть навык воли наша к люблению всего честного и Законом повеленного.* (В.К. Тредиаковский. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели (1752));

(3) *Бесспорно, что то будет опять несправедливо, чтоб отнять у родителей волю в имени их, нажитом собственными их трудами; но ежели какие родители похотят лишить наследия достойных детей (как то иногда случается), то какое они могут иметь право к требованию от них сыновнего послушания, повиновения и почтения; частые примеры худых поступок от родителей с добрыми детьми доказывают их недостойными носить на себе приятное имя родителей.* (Я. П. Козельский. Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года (1768)).

В припредикатной позиции *бесспорно* так же, как и *безусловно*, является контекстно зависимым словом и употребляется с предикатами, связанными с юридической сферой. Выше уже говорилось о том, что анализируемый модусный транспозитив на –о в наречной позиции обладает особым терминологическим значением: *бесспорный* - ‘не подлежащий судебному оспариванию’. *Бесспорным* может быть право собственности, право престолонаследования и т.п. *Бесспорной* в норме должна быть государственная власть. Не удивительно, что интересующая нас единица часто употребляется в связке с глаголами *владеть*, *обладать* и др.:

(1) *И мог ли ты себе представить, что земля, которую ты и предки наши **владели** бесспорно почти целое столетие, что поля, обработанные потом и трудами крестьян твоих, что болота, осушенные их же неутомимыми руками, что самая церковь божия, построенная по ту сторону забора, — словом, что вся земля с правой стороны по самый наш забор отнимется нагло от беззаступных детей твоих и, в наругательство здоровому*

рассудку и вопреки точному разуму закона, отдастся богатому, но безумному отродью Щелчкова–оплеушина за неведомо какие поверстные леса, которых, может быть, тут и никогда в натуре не бывало. (Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783));

(2) *Во время младенчества самого Петра Великого на случай Нарышкиных негодовали, а се ныне из подлости происшедшему мужу, без всякого законного утверждения его власти, **бесспорно повиновались.*** (М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786-1787)) – автор возмущен, что право Петра I на престол не было оспорено, с точки зрения говорящего, царь пришел к власти незаконно;

(3) *Митрополит Киприан, **бесспорно заступив место** умершего в Цареграде Пимена, ездил (в 1392 году) из Москвы в Новгород; с пышными обрядами служил Литургию в Софийском храме; велегласно учил народ с амвона и две недели пировал у тамошнего архиепископа, Иоанна, вместе с знаменитейшими чиновниками, которые, в знак особенного уважения, от имени всего города подарили ему несколько дворов.* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 5 (1809-1820)) – Карамзин подчеркивает, что митрополит Киприан занял место своего предшественника абсолютно законно. Очевидно, Киприан был единственным претендентом на данную должность.

Как и в случае с *безусловно*, на протяжении XIX века происходит переосмысление модусного транспозитива *бесспорно*: в припредикатной позиции данная единица начинает употребляться с глаголами более широкой семантики, постепенно начинает восприниматься как слово, выражающее субъективное мнение, и выходит за рамки предложения. Иными словами, парентетическая позиция вытесняет припредикатную. *Бесспорно* становится свободным и теряет особое юридическое значение:

Копии старинных французских маркизов валяются одна за другою в могилу; малое число оставшихся в живых, не имев никогда определенного характера, поколебалось в своих правилах, а новые рыцари моды и

фанфаронства, бесспорно, овладели мнением пустоголового и пустосердечного юношества! (Ф.В. Булгарин. Великий муж на малые дела, или Русский фашонебль нашего времени (1825-1843)) – *бесспорно овладели* здесь – это, конечно же, субъективное мнение автора о поведении современников, а не юридический пассаж.

Во второй половине XIX столетия модусный транспозитив *бесспорно* активно функционирует в трех позициях, возможных для него еще с начала XVIII столетия, - наречной, рамочной и парентетической, при этом последняя преобладает.

На современном этапе доминируют рамочное и вводное употребления *бесспорно*, наречная позиция сохраняется, но количество подобных контекстов мало.

4.3 Несомненно

По данным НКРЯ [88], модусный транспозитив *несомненно* начинает активно использоваться с середины XVIII века. Лексико-синтаксическая история анализируемого слова схожа с историями развития модусных транспозитивов *безусловно* и *бесспорно*: от припредикатной позиции к парентетической, от контекстной обусловленности и зависимости от семантики предиката до полной свободы. Как и в случаях с *безусловно* и *бесспорно*, в определенный момент *несомненно* начинает функционировать в составе рамок. На современном этапе сохраняются все три возможности употребления *несомненно*, с преобладанием парентезы.

Первоначально, функционируя в наречной позиции, слово *несомненно* сочеталось с глаголами выводного знания. Говорящий сопоставлял факты, наблюдал за происходящими процессами и приходил к выводу, что некое положение вещей *несомненно*. Данное положение вещей говорящий мог доказать. Так, у М.В. Ломоносова читаем:

*От чего всего вода, ежели кто оные не скупю пьет, лучше всего сохраняет так, что несомненно **быть видится**, что ничто здоровее и натуре человеческой полезнее быть не может, как она.* (М. В. Ломоносов. О сохранении здравия (перевод) (1741)) - автор рассуждает о пользе воды, говорит о том, что благотворное действие последней на организм человека видно невооруженным глазом.

Приведем еще один пример:

*Хотя военные дела и великия другие упражнения, а особливо прекращение веку много препятствовали Великому Государю установить во всем неперменные и ясные законы, однако, сколько на то трудов Его положено, несомненно **удостоверяют** многие указы, уставы и регламенты, которых составление многочисленны для отдохновения, многочисленные ночи сна Его лишили.* (М. В. Ломоносов. Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года (1755)) – в данном авторский тезис подтверждается «многими указами и регламентами».

Далее происходит уже привычное нам расширение сочетаемости *несомненно*, переосмысление его значения и выход за пределы предложения:

В середине висит портрет чудной женщины правильного греческого типа: это мать обоих; налево висит портрет старого князя в гусарском мундире, с Георгием в петлице, Екатерины; направо от дамы, в красном мундире с черными бархатными обшлагами, с мальтийским орденом, висит портрет приятеля дома, очень богатого заводчика, весьма красивого мужчины, несомненно, армянского типа. (П.П. Вяземский. Письма и записки Оммер де Гелль (1845))

На современном этапе, как и в случаях с *безусловно* и *бесспорно*, преобладают рамочное и вводное употребления *несомненно*, количество наречных употреблений резко сокращается.

4.4 Естественно и натурально

Анализируя особенности функционирования модусных транспозитивов *натурально* и *естественно*, мы не случайно рассматриваем данные слова в связке, а не по отдельности. Названные единицы языка исторически связаны друг с другом.

Предположительно, модусный транспозитив *натурально* – калька с французского *naturellement*, означающего ‘натурально, естественно, по своей природе’. Слово *естественно* является русским эквивалентом *натурально*. В большинстве контекстов XIX века модусный транспозитив *натурально* современному читателю кажется чужеродным, употребленным не к месту, хочется заменить его более подходящим словом или выражением:

Как всякий шаг Марии был мне известен, то натурально и от князя Латрона не был скрытен. (В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)) → *Как всякий шаг Марии был мне известен, то, естественно, и от князя Латрона не был скрытен.*

— *Вы еще слабы, — сказал Сурской, — и это очень натурально, после такого сильного потрясения...* (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)) → — *Вы еще слабы, — сказал Сурской, — и это очень естественно, после такого сильного потрясения...*

Самые ранние примеры использования анализируемых слов в текстах датированы концом XVIII – началом XIX века. При этом *натурально* как правило занимает парентетическую позицию и выделяется на письме запятыми (1), в то время как *естественно* функционирует либо в качестве предиката (2), либо занимает припредикатную позицию (3), либо выступает в составе рамки (4):

(1) *Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым, и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.* (А.С. Грибоедов. Студент (1817));

(2) *Единодушие между ими было тем более естественно, что они ни в каких правилах или чувствах не разнствовали, исключая того предассуждения, кое отец мой имел о службе.* (Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783));

(3) *Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает.* (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790));

(4) *Все сие так живо, так естественно, что я тысячу раз забывался и принимал искусственное подражание за самую натуру.* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)).

В указанный период времени модусный транспозитив *натурально* также может функционировать в качестве предиката или занимать припредикатную позицию, однако подобные контексты малочисленны (было найдено всего 4 примера) и *натурально* в них предъясвляет иное значение:

Он был натурально добрый человек и все свое честолюбие с доходами обращал к тому только, чтоб иметь погреб, который бы не уступал самих властей лучшим погребам. (Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783)). В большинстве случаев *натурально* легко меняется на *естественно* без потери смысла; в приведенном выше контексте выделенное слово можно заменить на выражение «по своей природе, характеру».

По данным НКРЯ [88], на рубеже XVIII – XIX веков слово *естественно* имеет большее число вхождений, чем *натурально*. Однако далее ситуация меняется. В начале XIX века резко возрастает количество употреблений модусного транспозитива *натурально*: пик активности данного слова приходится на 30-40е годы. При этом сохраняется своего рода дополнительная дистрибуция: *натурально* занимает парентетическую позицию, *естественно* – припредикатную и рамочную. Говорящий произвольно выделяет данную единицу во фразе, останавливается перед ее произнесением; названное слово

выпадает из структуры предложения, осмысляется как единица, предъявляющая мнение, как единица, связанная с Я говорящим.

Естественно же долго сохраняет предикативность. В большинстве «рамочных» контекстов *естественно* выступает в «присоединительной» конструкции (с союзом *и* или без него): положение вещей, описанное во фразе с названным модусным транспозитивом на –о, является следствием ситуации, о которой повествуется в предшествующем контексте:

(1) — *Друг мой, я заметила, что в женском платье нравлюсь тебе более, чем в мужском, — да это и естественно; а потому сегодня поутру надену мужское в последний раз.* (В. Т. Нарезный. Бурсак (1822));

(2) *Они смотрели друг на друга мрачными, помертвелыми глазами; груди у женщин сильно волновались, и каждый перевод духа был так тяжел, что казался последним вздохом. Дьячок прежде всех оправился; да и естественно. Хотя он сердечно предан был пану Харитону, но все же не был ему ни брат, ни друг.* (В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам (1825));

(3) *Не страшись и не опасайся. Я выпью, пожалуй, еще третий стакан, если двух мало, для обращения твоего к нашей вере истинной. — Нет, Илья Прохорыч, и двух будет довольно. Естественно, что от двух стаканов полынной водки у набожного старика зашумело в голове.* (К.П. Масальский. Регентство Бирона (1834));

(4) *Остан Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословию, но никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков.* (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841)).

Очень редко, примерно с середины XIX века, *естественно* выступает в парентетической позиции:

Род человеческий, казалось, предвидел ожидающее его наказание за повсеместный разврат нравов; и как сильнейшие всегда сваливают вину на

слабых, то все зло было, естественно, приписано людьми женскому их полу. (О. И. Сенковский. Ученое путешествие на Медвежий Остров (1833)).

Высказанную мысль подтверждают примеры употребления *натурально* и *естественно* в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 90% контекстов *натурально* функционирует в качестве вводного слова, лишь изредка данный модусный транспозитив на –о разворачивается до рамки со *что* (16 вхождений из 123). *Естественно*, напротив, выступает в рамочной и припредикатной позиции, и только в 15 контекстах из 241 данное слово занимает парентетическую позицию. Отметим, что примеры употребления анализируемых единиц в текстах Салтыкова-Щедрина также подтверждают нашу мысль о том, что *естественно* вышло за рамки предложения из «присоединительной» конструкции:

Оказывается, что русские дамы, настолько гордые в своем отечестве, что считают для себя унижительным сообщество людей среднего рода, за границей оставляют свою кичливость и являются более ласковыми. Это и естественно, потому что ведь за границей не то, что у нас; за границей каждый колбасник есть урожденный философ, а каждый парфюмер — урожденный политико-эконом. А куаферы! душки куаферы! эти естественные производители грядущего русского поколения! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Русские «гуляющие люди» за границей (1863-1871)).

«Расстановка сил» меняется в XX веке: *натурально* в значении «естественно» постепенно покидает языковую арену и переходит в разряд устаревших слов. На современном этапе данное слово употребляется в припредикатной позиции с определенным кругом глаголов – с предикатами, описывающими поведение человека:

(1) *«Дорогой, милый, — Иван Алексеевич очень натурально изобразил голос припозднившейся и виноватой женщины, — ну что же ты все сидишь?»* (Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001);

(2) — *Представляешь? И под конец так натурально вздыхает: — Я тогда еще Мокрухтину говорил: Федя, на кой черт тебе эти старики и алкоголики?* (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002));

(3) *Вполне натурально согнувшись, за край тряпки алыми коготками держится женщина — по всем приметам половчанка.* (Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002).

Употребление *натурально* в парентетической позиции возможно, однако подобные примеры стилистически маркированы:

— *Уй, мадам! — подтвердил Фагот, — натурально, вы не понимаете.* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940))

Естественно же занимает место *натурально* и начинает активно употребляться не только в рамочной и припредикатной позициях, но и в позиции парентетической:

(1) *Она, естественно, как перед охотником зверь, отодвигалась перед сильными отрядами войск к той части Москвы, которая всецело была в руках революционеров.* (Б.В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918));

(2) *Однако очередной провал, естественно, настораживал вихровских единомышленников, отсекал у него часть колеблющихся друзей и учеников, раскиданных по всем лесам Союза, и самого Вихрова заставлял поразмыслить еще раз, правильно ли выбрал себе профессию...* (Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953));

(3) *Я заревел, естественно, однако Титок успокоил меня и повел в людскую, где топилась печь.* (Анатолий Ким. Белка (1984));

(4) *Владимир, естественно, сотни раз отвечал, что не знал абсолютно ничего, ну откуда он мог знать?* (Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001)

Итак, лексико-синтаксическая история модусных транспозитивов на —о может быть представлена следующим образом: в XVIII веке данные слова

осмыслялись как наречия, причем наречия контекстно зависимые. Каждый модусный транспозитив на –о сочетался с глаголами своего круга и обладал специфическим значением. Постепенно сфера употребления интересующих нас единиц расширялась, ослабевала зависимость транспозитива от его окружения. В первой половине XIX века данные слова получили возможность выйти за рамки предложения, то есть модусная семантика получила собственную позицию. Кроме этого, названные модусные транспозитивы на –о стали активно использоваться в составе рамок, также предъявляющих Я-модус. Особняком стоят модусные транспозитивы *натурально* и *естественно*. Первый в силу своего происхождения занял позицию вводного слова, затем вышел из активного употребления, сохранив за собой возможность распространять глаголы определенной семантики. То есть путь данного слова шел не к отрыву от контекста и выходу за рамки предложения, а наоборот. Вторая языковая единица разделила судьбу большинства модусных транспозитивов на –о - от припредикатной позиции к парентетической, однако вводное употребление здесь развилось не от переосмысления наречия, а от сокращения присоединительной конструкции.

5. Современные тенденции развития класса модусных транспозитивов на –о

На примере нескольких модусных транспозитивов на –о, мы восстановили историю развития класса названных слов и пунктиром наметили современные тенденции функционирования анализируемых единиц в языке. Остановимся на этом вопросе более подробно.

В течение последних двадцати лет сложилось следующее соотношение между количеством употреблений модусных транспозитивов на –о в разных синтаксических позициях: ведущее место занимает парентетическая позиция и позиция ответной реплики в диалоге, припредикатные употребления

постепенно уменьшаются³¹ (как говорилось выше, для многих слов из нашего списка они уже стали устаревшими), рамочная позиция «активизируется», становится более частотной по сравнению с предшествующим периодом. Это наглядно демонстрируют графики, построенные при поиске материала в НКРЯ [88] (см. Приложение 1). Приведем количественные данные³²:

Таблица 8

| <i>Модусный транспозитив на –о</i> | <i>Рамочная позиция (I)</i> | <i>Парентетическая позиция (II) + позиция ответной реплики(III)</i> | <i>Припредикатная (наречная) позиция (IV)</i> |
|------------------------------------|-----------------------------|---|---|
| 1. Безусловно | 18 | 4 072 | 23 |
| 2. Бесспорно | 24 | 557 | 7 |
| 3. Верно | 76 | 7 017 | 55 |
| 4. Вероятно | 357 | 5 476 | 0 |
| 5. Вестимо (устар.) | 0 | 20 | 0 |
| 6. Видимо | 0 | 10 764 | 0 |
| 7. Видно | 1737 | 9 927 | 0 |
| 8. Возможно | 935 | 17 104 | 16 774 |
| 9. Всеконечно (устар.) | 0 | 1 | 0 |
| 10. Действительно | 61 | 20 253 | 406 |
| 11. Естественно | 746 | 9 079 | 156 |
| 12. Знамо (устар.) | 0 | 7 | 0 |
| 13. Известно | 3485 | 12 222 | 0 |
| 14. Истинно | 2 | 0 | 755 |
| 15. Конечно | 4 | 48 530 | 0 |

³¹ Исключение составляют слова *истинно*, *подлинно* и *точно*, у которых, как отмечалось выше, припредикатные употребления преобладают. При этом *истинно* и *подлинно* почти утрачивают возможность функционировать в парентетической позиции. Перечисленные элементы языка производны от прилагательных, а не от ментальных глаголов, их предикативность более слабая, это признаковые слова, поэтому они и тяготеют к наречной позиции.

³² В таблице приведены данные НКРЯ; задан временной интервал с 1995 по 2015 годы; объем корпуса составил 39182 документов, 6 718 818 предложений, 78 446 063 слов [88].

| | | | |
|--|--------|-------|---------|
| 16. Наверно / наверное | 1 | 2 659 | 1 |
| 17. Натурально | 0 | 271 | 23 |
| 18. Несомненно | 107 | 2 666 | 28 |
| 19. Неспорно (устар.) / неоспоримо | 0 / 54 | 0 / 5 | 0 / 466 |
| 20. Определенно | 30 | 10 | 570 |
| 21. Очевидно | 2347 | 112 | 21 |
| 22. Подлинно | 0 | 0 | 421 |
| 23. Понятно | 2666 | 8 864 | 308 |
| 24. Предположительно | 2 | 10 | 91 |
| 25. Решительно | 0 | 1614 | 1541 |
| 26. Случайно | 76 | 6 302 | 172 |
| 27. Слышно | 40 | 2 027 | 32 |
| 28. Точно | 151 | 3 | 21354 |

Отметим, что количество употреблений в той или иной позиции зависит от частотности самого слова. Особо выделяется здесь модусный транспозитив *очевидно*: количество рамочных употреблений у нее в десятки раз превосходит количество вхождений во вводную позицию.

История развития языка показывает нам, что, как правило, те элементы, которые по тем или иным причинам утрачивают собственную семантику и прочность синтаксических связей, постепенно переходят в разряд частиц. Модусные транспозитивы на –о «вышли» из класса наречий, получили возможность занимать вводную позицию, стали контекстно зависимыми, но вместо того, чтобы двинуться дальше – «понизить» свой «ранг» до частицы, они проявили тенденцию к разворачиванию в рамку или полноценное двусоставное предложение. Почему же так произошло?

Наиболее вероятным представляется следующее объяснение. В последние десятилетия изменилось само «качество» слова. Если в XIX столетии слово мыслилось как нечто сокровенное, порой несущее субъективные смыслы, в

веках XX и XXI слово становится ориентированным на собеседника, оно воспринимается как орудие убеждения, публичного выражения своей точки зрения. Современные коммуникационные технологии позволяют нам быть услышанными или прочитанными в любом месте и в любое время. Наше слово больше не предназначено для мыслей про себя, оно диалогично. Риторическая техника ведения беседы предполагает употребление модусных транспозитивов на –о в рамочной позиции. Как отмечалось выше, львиная доля рамочных употреблений относится к публицистическим и научным текстам. И те, и другие по природе своей полемичны: ученые спорят со своими коллегами, отстаивают справедливость выдвигаемых гипотез; публицисты «зажигают» сердца читателей, доказывают свою правоту, убеждают в истинности собственного мнения. Рамочные употребления постепенно проникают и в художественный текст. Это «игра» с читателем, стилистический прием, позволяющий задать тексту определенную тональность. Однако на сегодняшний день в художественном тексте по-прежнему доминируют парентетические употребления модусных транспозитивов на –о, дающие возможность автору выразить свое Я.

Отметим, что похожая картина, а именно резкое повышение рамочных употреблений модусных транспозитивов на –о, была характерна для 1920-1940 годов (см. Приложение 1). Это был период лозунгов, языковой жесткости и лаконичности. Рамочные конструкции с модусными транспозитивами на –о как нельзя лучше отвечают запросам времени и речевого жанра: они публицистичны, риторичны, предназначены для убеждения адресата в истинности сообщаемого.

Вестимо, видимо, всеконечно, знамо, истинно, конечно, наверно, натурально, неспорно / неоспоримо, подлинно, предположительно и решительно на современном этапе дают очень мало рамочных употреблений или не дают их вовсе. Причина этому для *истинно, натурально, неоспоримо и подлинно* в низкой частотности. Языковые единицы *вестимо, всеконечно, знамо*

и *неспорно* являются устаревшими, поэтому на современном этапе практически не употребляются. Причины запрета на употребление в составе рамок для модусных транспозитивов на *–о* *видимо, конечно, наверное* и *предположительно* обсуждались выше. Языковая единица *решительно* на современном этапе близка частицам (о чем говорилось выше), поэтому разворачивание в рамку невозможно.

Вернемся к нашему *очевидно*. Почему именно это слово проявило наибольшее тяготение к рамочной конструкции? Сама семантика данного слова предполагает объективность мнения: то, что имеет внешние признаки проявления, доступно для всеобщего обозрения. Если некое положение вещей *очевидно*, оно должно быть *очевидно* для всех. Поэтому на современном этапе данный модусный транспозитив на *–о* уменьшается частотность парентетического употребления, предполагающего субъективность мнения, и увеличивается количество употреблений в составе рамки.

По такому же пути идут модусные транспозитивы *понятно, известно* и *видно*.

Материал НКРЯ показывает, что во многих жанрах рамочная позиция модусных транспозитивов становится доминирующей.

Выводы:

1. Функциональные возможности модусных транспозитивов на *–о* весьма широки. С одной стороны, данные единицы языка стремятся к получению статуса полноценного предиката и разворачиваются в двусоставные предложения. С другой стороны, модусные транспозитивы на *–о* могут «понижать» свой «ранг»: в паре с диалогически обусловленными иллокутивными союзами они связывают между собой модусные единицы и функционируют как служебные лексемы.

2. Модусный транспозитив на *–о* представляет собой обусловленную синтаксему, поэтому закономерно в словарях помещать эти слова в статью

полного прилагательного. При отрыве от прилагательного (*конечно*) слово получает самостоятельный лексикографический статус. Позиционные варианты при общности лексического значения различаются определенностью / обобщенностью субъекта и степенью уверенности субъекта модуса. Семантика модусно-транспозитивных синтаксем реализуется в соединении с еще минимум одним предикатом.

3. Для модусных транспозитивов на –о возможны 5 синтаксических позиций: три из которых (рамочная, парентетическая, диалогически каузированная позиция ответной реплики) – внешнесинтаксические, предикатные; четвертая – внутрисинтаксическая, восходящая к функции наречия, пятая – дискурсивно-структурная, в которой функция вводного слова взаимодействует с функцией средства связности.

4. Позиции модусных транспозитивов различаются отношением к синтаксическим категориям. Рамочная позиция допускает полную личную парадигму (*Мне/тебе/ему понятно; Для меня/для тебя/ для него очевидно*), модально-временную парадигму (*Для меня очевидно/было/будет/было бы очевидно*) и определенные модификации (модальные – *должно быть очевидно*; фазисные – *станет очевидно*). Парентетическая позиция (как и позиция ответной реплики) сужает синтаксическую парадигму для модусных транспозитивов: транспозитив становится собственно эгоцентрическим элементом – принадлежащим абсолютному дейктическому центру (Я – здесь – сейчас). Эгоцентрическая семантика сохраняется и в составе дискурсивных скреп. Для рамочной позиции отнесенность к сфере Я говорящего маркируется синтаксически (наличием показателя 1-го лица или синтаксическим нулем).

5. При отсутствии показателя субъекта в рамочной позиции выражается уверенность говорящего в объективности сообщаемой им информации: Я-модус превращается во *Все*-модус. При наличии показателя субъекта модус субъективируется. В парентетической позиции в условиях речевого режима «владельцем» модуса может быть только говорящий, в условиях нарративного

режима - и тот субъект создания, чью точку зрения использует автор. При этом нарративный текст диалогизируется, а содержание высказывания субъективируется. Парентетическая позиция интерпретируется только в связи с Я-модусом.

6. Исследование материалов НКРЯ в диахронном аспекте позволило увидеть становление модусной семантики и прикрепление модусных транспозитивов на –о к субъектной сфере говорящего.

ГЛАВА III. Текстовые функции модусных транспозитивов на –о

Данный раздел нашего исследования будет посвящен функциям модусных транспозитивов на –о в тексте. Как отмечалось выше, сфера действия модусных транспозитивов на –о не ограничивается одним предложением. Интерпретировать значение данных единиц языка можно только посредством анализа их текстовых функций. Модусные транспозитивы на –о «служат средством усложнения субъектной структуры повествования, его внутренней диалогизации» [60, 437].

Особый интерес для нас здесь представляют тексты или отрывки произведений, построенные на употреблении определенного модусного транспозитива на –о в разных синтаксических позициях. Подобная техника – это авторский прием, который соединяет языковую сущность транспозитива с художественными задачами автора. Наша цель – охарактеризовать основные функции модусных транспозитивов на –о в текстах разных жанров, а также выявить разницу между позиционными вариантами употребления анализируемых единиц языка. Отдельный параграф посвящен функционированию модусных транспозитивов на –о в поэтическом тексте, ведь, как известно, лирика – это квинтэссенция субъективизма и эгоцентризма, и анализ употребления в лирическом произведении таких субъектно-ориентированных единиц языка, как модусные транспозитивы на –о, представляет особый интерес.

1. Модусные транспозитивы на –о в прозаическом тексте

Для рассмотрения функционально-текстовых возможностей модусных транспозитивов на –о в прозе нами были выбраны слова *безусловно*, *бесспорно* и *несомненно*, лексико-синтаксическую историю развития которых мы

представили во второй главе настоящего исследования. Несмотря на смысловую и морфемную близость названных единиц, эти слова различаются особенностями текстового функционирования, а также тем, что разные авторы отдают предпочтение разным модусным транспозитивам из данного синонимического ряда.

1.1 Модусные транспозитивы на -о в текстах нехудожественных жанров

Модусные транспозитивы *безусловно*, *бесспорно* и *несомненно*, выражающие значение уверенного предположения, тяготеют к произведениям нехудожественных жанров: данные слова часто фигурируют в текстах философского и богословского характера, научных трудах, публицистике. В текстах такого рода важно предъявить свою точку зрения и убедить читателя в ее истинности.

А) *Безусловно*

Модусный транспозитив *безусловно* часто используется в теологических и философских текстах. В трактате В.С. Соловьева «Оправдание добра» (1894-1899), состоящем из 161 098 слов, названный модусный транспозитив и соответствующие полные и краткие прилагательные в совокупности встречаются 93 раза. При этом в большинстве случаев модусный транспозитив *безусловно* занимает припредикатную позицию (контекст (1)), в парентетической позиции данная единица употреблена два раза (контекст (2)), рамочных употреблений обнаружено не было.

(1) *А легко, казалось бы, понять, что раз воля Божия допущена, то она не должна быть связана, ограничена и исчерпана для нас ни нами самими, ни священником; что она может быть и в нас, и в нем, но что безусловно и **непрерменно** она выражается для нас лишь в согласном с нею самою, должном или добром отношении нашем ко всему, между прочим — и прежде прочего*

—к священнику во имя того, что он собою представляет. (В. С. Соловьев. *Оправдание добра* (1894-1899)) Употребление модусного транспозитива на —*безусловно* в припредикатной позиции выражает уверенность субъекта мнения, *безусловно* в соединении с *непрерменно* относятся к глаголу *выражается*.

(2) *А так как нравственный принцип, безусловно, требует, чтобы мы во всех и каждом уважали человеческое достоинство, на всех и каждого смотрели как на цель, а не как на средство только, то общество, желающее быть нравственно нормальным, не может оставаться равнодушным к такому положению кого-либо из своих членов.* (В. С. Соловьев. *Оправдание добра* (1894-1899)) – модусный транспозитив *безусловно* в парентетической позиции выражает субъективную точку зрения автора на роль нравственных принципов в жизни человека и общества.

Модусный транспозитив *безусловно* частотен и в других философских текстах. Так, в произведении «Непостижимое» С.Л. Франка (1938), состоящем из 119 936 слов, модусный транспозитив *безусловно* и соответствующие полные и краткие прилагательные в совокупности имеют 106 вхождений.

Данный трактат, как и произведение В. Соловьева, посвящен рассмотрению основных теологических понятий. Непостижимое для Франка – это «безусловное бытие и реальность» (не случайно именно так назван один из разделов философского трактата). Иными словами, существование неких сущностей, недоступных человеческому восприятию, признается автором не вызывающим сомнений. Именно поэтому налицо экспансия модусного транспозитива *безусловно* в тексте.

Что касается количественного распределения «позиционных» вариантов модусного транспозитива *безусловно*, то первое место занимает припредикатная позиция (примеры (1)-(3)), рамочная позиция представлена одним контекстом (4), вводных употреблений обнаружено не было:

(1) *Прежде всего, уже из сказанного выше следует, что под «непостижимым» мы во всяком случае не должны разуметь что-либо*

безусловно и абсолютно для нас недостижимое или непознаваемое — не нечто подобное кантовской «вещи в себе» (к рассмотрению этого последнего понятия и его отношения к тому, что мы имеем в виду под именем «непостижимого», нам еще придется вернуться). Напротив, поскольку вообще возможно осмысленно говорить о «непостижимом», оно, **очевидно**, должно быть в какой-либо форме нам доступно и достижимо. (С. Л. Франк. Непостижимое (1938))

(2) Новейшая теория знания (главная заслуга принадлежит здесь, как известно, Гуссерлю, наряду с которым надо упомянуть и нашего русского философа Н.О. Лосского) выяснила с полной очевидностью — и притом избегая всяких гипотез «метафизического» характера и имея в виду только чисто логическую сторону вопроса, — что учение Платона о «мире идей» содержит некую безусловно правомерную и бесспорную мысль. (С. Л. Франк. Непостижимое (1938))

(3) Подлинная, как бы райская Правда — Правда как недостижимая живая божественная реальность — лежит и по сторону этого знания, которое, правда, есть необходимый «корректив» грехопадения, неизбежная «рабочая гипотеза» нашего земного человеческого существования, но не есть последняя и абсолютная правда. Но поскольку здесь нам открывается последняя, Божия правда, безусловно Непостижимое — даже в своем качестве безусловно непонятого — открывается нам с очевидностью как таковое. (С. Л. Франк. Непостижимое (1938));

(4) Непостижимое было бы действительно в абсолютном смысле для нас непостижимым и непознаваемым — столь безусловно, что мы ничего не могли бы знать о нем, не могли бы замечать самого его наличия, — если бы не имел места тот основоположный факт, что оно само — именно в своей непостижимости — открыто или открывается себе самому и, тем самым, нам, поскольку мы в нем соучаствуем. (С. Л. Франк. Непостижимое (1938))

Безусловно в философских текстах не теряет внутреннюю форму, т.е. понимается в связи с отсутствием условий, но не у говорящего, а у Бога в отношении к человеку и у человека в отношении к Богу.

Безусловно в философских текстах частотно взаимодействует с ментальными глаголами типа *знать, разуместь, принимать, отвергать*, которые актуализуют модусную семантику этого транспозитива.

Б) Бесспорно

Обратимся к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского (1876-1880). В этом тексте, состоящем из 295 875 слов, самым частотным модусным транспозитивом на –о в является слово *конечно* (469 употреблений); *несомненно* употреблено 104 раза, *бесспорно* - 68, *безусловно* – 3. Если слово *конечно* к 1870-80-ым годам уже имело собственную модусную (эгоцентрическую) семантику и свободно употреблялось во внешнесинтаксических позициях, то *несомненно* и *бесспорно* сохраняли возможность осмысления в связи с морфемной структурой основы.

Полный корпус Ф.М. Достоевского в НКРЯ [88] состоит из 1 965 416 слов. В этом корпусе зафиксировано 108 употреблений слова *бесспорно*, из них 68 приходится на «Дневник писателя» (для *несомненно* – 205 во всем корпусе Достоевского и 104 в «Дневнике писателя»). Интересно, что объем «Дневника писателя» составляет лишь 15% от общего объема текстов Достоевского в НКРЯ, а количество употреблений слов *несомненно* и *бесспорно* составляет более 50% от общего числа их употреблений. Это свидетельствует о том, что слова *несомненно* и *бесспорно* для Достоевского были словами публицистическими, риторическими.

Обратимся к слову *бесспорно*. В «Дневнике писателя» оно употребляется прежде всего в рамочной и парентетической позициях; припредикатные употребления данного модусного транспозитива менее частотны. Приведем примеры:

(1) *Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной. Я утверждаю, что так было со всеми великими нациями мира, древнейшими и новейшими, что только эта лишь вера и возвышала их до возможности, каждую, иметь, в свои сроки, огромное мировое влияние на судьбы человечества. Так, бесспорно, было с древним Римом, так потом было с Римом в католическое время его существования. Когда католическую идею его унаследовала Франция, то то же самое случилось и с Францией, и, в продолжение почти двух веков, Франция, вплоть до самого недавнего погрома и уныния своего, всё время и бесспорно — считала себя во главе мира, по крайней мере нравственно, а временами и политически, предводительницей хода его и указательницей его будущего.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877))

Здесь в рамках одного контекста соседствуют припредикатное и вводное *бесспорно*. В парентетической позиции данный модусный транспозитив на —о выражает мнение автора: аксиома о выживании народа при определенных условиях сформулирована писателем, читатель может ее опровергнуть. *Бесспорно* в припредикатной позиции предъявляет обобщенно-личный модус: с точки зрения жителей Франции, их страна бесспорно стоит во главе мира, их уверенность в этом непоколебима.

(2) *Славян выдумали, болгар выдумали, турки лучше болгар, всё вздор. Я люблю турок... Это не то чтоб из каких-нибудь злокачественно-тонких видов высшей политики. «Высшая политика» у нас есть, это бесспорно, но эти — эти просто самолюбие. Самолюбие в двух видах: или до крайности придавленное, а вследствие того и непрямая потребность пооригинальничать, чтоб отличиться и чем-нибудь заявить себя, или самолюбие от необыкновенного величия.* (Ф. М. Достоевский. Дневник

писателя. 1877. Год II-й (1877)) Модусный транспозитив *бесспорно*, употребленный в рамочной позиции, подчеркивает уверенность автора в наличии у нас «высшей политики». Вероятно, такого же мнения придерживаются его современники.

(3) *Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год. Год III. Единственный выпуск на 1880 год (1880));

(4) *Как хотите, а тут, во всем этом установлении, сверх всего бесспорно прекрасного, заключается как бы нечто грустное.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876))

В примерах (3), (4) модусный транспозитив *бесспорно* занимает припредикатную позицию при полных прилагательных: очевидно, в контекстах такого рода анализируемое слово служит для усиления признака, выраженного прилагательными. В данном случае Достоевский не выделяет *бесспорно* запятыми: модусный транспозитив здесь сохраняет внутрисинтаксические связи.

В «Дневнике писателя» есть отрывок, интересный с точки зрения употребления в нем модусного транспозитива *бесспорно*. Это рассуждения писателя о князе Бисмарке, в котором анализируемая единица повторяется три раза:

(5) *В самом деле: кто теперь самый ревностный последователь французской республики и самый сочувствующий учреждению ее человек в целом мире? Бесспорно, князь Бисмарк.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года (1877))

(6) *Но кто теперь в Европе самый страшный враг римского католичества, то есть светской монархии папы? Бесспорно, князь Бисмарк.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года (1877))

(7) *Единственный политик в Европе, проникающий гениальным взглядом своим в самую глубь фактов, — есть, бесспорно, князь Бисмарк.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года (1877))

В примерах (5), (6) *бесспорно* занимает позицию ответной реплики в диалоге. Семантически данные конструкции близки рамкам. Достоевский сам себе задает вопрос и отвечает на него, при этом писатель выражает общепринятое мнение. Лишь в последнем контексте (7) *бесспорно* занимает позицию вводного слова: оценивая Бисмарка как политика, Достоевский высказывает собственную точку зрения, которую читатель может как разделять, так и не разделять.

Иное соотношение частотности позиций *бесспорно* в мемуарах Г.С. Эфрона (1940-1943). Частота употребления интересующей нас единицы здесь даже выше, чем у Достоевского: 75 вхождений в тексте, состоящем из 200 534 слов. В мемуарах Эфрона модусный транспозитив *бесспорно* в большинстве случаев выступает в парентетической позиции (примеры (1), (2)), 5 раз – в составе рамки (примеры (3), (4)), 1 раз – в припредикатной позиции (пример (5)). Доминирование парентетических употреблений вполне оправдано: перед нами произведение очень личное, интимное. Это мысли вслух, это текст, в котором все выражаемые мнения принадлежат исключительно автору. Приведем примеры:

(1) *Со временем, преодолевая трудности, я, бесспорно, найду круг людей, мне подходящий, друзей, увлекающее занятие...* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941 (1941))

(2) *Мои возможности сейчас не отвечают моим потребностям, но это, бесспорно, придет со временем, когда возможности будут гармонировать со стремлениями и средствами осуществления.* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941 (1941))

(3) *Еще одно: это, конечно, бесспорно, что всякого рода неприятности и препятствия воспитывают и закаляют человеческий характер (я говорю о характере умного человека).* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940 (1940))

(4) *Бесспорно, что огромное большинство французского народа стояло против войны, и всякие лондонские попытки де Голля говорить о том, что якобы французы хотели продолжать войну, явно являются проанглийским блефом.* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940 (1940))

(5) *Бесспорно существующие невидимые преграды между ними и мной не мешают сравнительной гармонии наших отношений.* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940 (1940))

Разница в употреблении *бесспорно* в приведенных выше контекстах заключается в выборе синтаксической позиции и, соответственно, в степени уверенности автора в произносимом. В примерах (1) и (2) парентетическая позиция выражает Я-модус и свидетельствует о некоторых сомнениях говорящего в истинности написанного. Перед нами предположение, один из возможных вариантов развития событий. В примерах (3) и (4) рамочное употребление модусного транспозитива на –о предъясняет Я-модус, расширяющийся до Все-модуса. Перед нами уже не предположение, а констатация факта. В примере (5) припредикатное употребление *бесспорно* подчеркивает объективность высказанного суждения: преграды между автором дневника и его знакомыми действительно существуют.

В) Несомненно

Для анализа функций модусного транспозитива *несомненно* в тексте, а также для рассмотрения того, как меняется значение слова в зависимости от занимаемой позиции, обратимся к произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина. По данным НКРЯ [88], модусный транспозитив *несомненно* часто используется в творчестве писателя: в подкорпусе объемом 81 документ было найдено 489

контекстов употреблений данного слова (для сравнения – в произведениях Ф.М. Достоевского всего 205 употреблений *несомненно*).

Модусный транспозитив *несомненно* появляется, в основном, в публицистических произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. Как известно, целью сатирика было бичевание пороков современного ему общества, просвещение интеллектуальное и нравственное. Писателю было важно убедить читателей в истинности своей точки зрения, в непоколебимости излагаемого. Модусный транспозитив *несомненно* вполне удовлетворяет данным целям. Названная единица в большинстве случаев выступает в двух позициях: припредикатной и рамочной, причем количество наречных употреблений преобладает в разы.

Обратимся к конкретному примеру: тексту очерка Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (1874-1877). В произведении, состоящем из 98 144 слов, *несомненно* встречается 33 раза – 26 раз в припредикатной позиции, 4 раза – в рамочной, 2 раза – в парентетической, 1 раз – в составе дискурсивной скрепы.

Салтыков-Щедрин, анализируя образ грибоедовского героя, дает характеристику современным нравам. Практически каждое предложение очерка содержит оценку, причем оценку негативную. В данном случае слово *несомненно* сгущает краски, автор подчеркивает критичность ситуации, говорит о невозможности жить дальше по-старому. Салтыков-Щедрин настаивает на своей правоте и не терпит противоречий:

(1) *Молчалины должны во всех профессиях составлять не очень яркий, но тем не менее несомненно преобладающий элемент. По-видимому, литературе, по самому характеру ее образовательного призвания, должен бы быть чужд элемент, а между тем мы видим, что молчалинство не только проникло в нее, но и в значительной мере прижилось. В особенности же угрожающие размеры приняло развитие литературного молчалинства с тех пор, как, по условиям времени, главные роли в литературном деле заняли не литераторы, а менялы и*

прохвосты... (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874-1877))

(2) *Мы переживаем время, которое несомненно представляет замечательно полное осуществление ликующего хищничества.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874-1877))

В приведенных выше примерах модусный транспозитив *несомненно* употреблен в припредикатной позиции: автор подчеркивает объективность рекомого, ссылается не столько на личный опыт, сколько на мнение общественности. Салтыков-Щедрин здесь выступает в качестве тех уст, которыми глаголет истина.

Приведем пример употребления *несомненно* в рамочной позиции:

(3) *С давних пор я вижу последнюю страницу с начертанным на ней словом: «конец», и, право, никого не намереваюсь надуть, говоря, что это самая желательная страница, какую только можно иметь в виду. Подумайте, какая масса срама вдруг перестанет существовать! и какая громадная свита безобразных видений рассеется, как дым, и не будет больше тревожить испуганное воображение! Несомненно, что стремление сократиться и исчезнуть всего ближе подходит к девизу: ни зла, ни добра, и что в этом смысле оно не должно бы даже значиться в числе оправдательных документов.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874-1877))

Снова перед нами предъявление высшей степени уверенности в произносимом. Однако в данных контекстах чувствуется некая полемика. Если при припредикатном употреблении *несомненно* сигнализирует о невозможности сомневаться в правоте автора, накладывает на дальнейшие рассуждения своего рода табу, то при функционировании в составе рамки говорящий (пишущий) допускает существование иной точки зрения. При этом *несомненно* здесь не всегда относится к авторской точке зрения.

(4) *По-видимому, он интересовался и новой русской литературой, но преимущественно театром, причем — такова жизненность репетиловских преданий! — одобрял Ленского и Кони и сдержанно относился к Островскому. — Островский интересен! — отозвался он, — да... это несомненно: он интересен! **но** мой почтеннейший друг Михайло Семеныч (актер Щепкин) недаром говорит, что со времени его появления русская сцена пропахла овчинным полушубком!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874-1877)) В примере (4) модусный транспозитив *несомненно* употреблен в составе дискурсивной скрепы. Салтыков-Щедрин оценивает мнение Репетилова об Островском. Автор отчасти соглашается с героем (Островский интересен), однако далее следует противительный союз *но*, посредством которого Щедрин вводит контраргументы.

Как говорилось выше, в текстах Салтыкова-Щедрина есть примеры употребления *несомненно* и в парентетической позиции:

(5) *Конечно, роль современного художника и ученого весьма скромна, — это роль почти монографическая, но такова потребность времени, и идти против нее значило бы, несомненно, впасть в ложь и преувеличение.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Статьи 1856-1860 гг. (1856-1860)) – в данном контексте выражается личная уверенность автора; высказывание звучит не как догмат, а как рассуждение, мысли вслух, приглашение подискутировать.

К употреблению модусного транспозитива *несомненно* часто прибегает Л.Н. Толстой (206 употреблений в 38 текстах). Как и Салтыков-Щедрин, Лев Николаевич употребляет данное слово в текстах публицистического толка. И снова налицо преобладание припредикатной позиции. Обратимся к произведению «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893). Названный текст состоит из 94 617 слов, модусный транспозитив *несомненно* встречается 25 раз: 24 раза – в припредикатной позиции (примеры (1), (2)), 1 раз – в рамочной (пример (3)), парентетических употреблений не обнаружено:

(1) *Можно самому непонятливому человеку объяснить самые мудреные вещи, если он не составил себе о них еще никакого понятия; но самому понятливому человеку нельзя объяснить самой простой вещи, если он твердо убежден, что знает, да еще несомненно знает то, что передается ему.* (Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893))

(2) *Человек несомненно несвободен, если мы представим себе его неподвижным, если мы забудем, что жизнь человека и человечества есть только постоянное движение от темноты к свету, от низшей степени истины к высшей, от истины более смешанной с заблуждениями к истине, более освобожденной от них.* (Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893))

(3) *«К несчастью, несомненно то, что при теперешнем устройстве большинства европейских государств, удаленных друг от друга и руководимых различными интересами, совершенное прекращение войны есть мечта, которой было бы опасно утешаться.* (Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893))

Использование модусного транспозитива *несомненно* в данном теологическом произведении Л.Н. Толстого не случайно: вера и сомнения – две вещи несовместные. Лев Николаевич постулирует ряд положений, говорит о том, как он понимает суть христианства. Припредикатная позиция модусного транспозитива на –о указывает на то, что отсутствие сомнения принадлежит человеку верующему, в том числе и Толстому, а не только ему.

В контексте (3) модусный транспозитив *несомненно*, употребленный в рамочной позиции, является средством выражения мнения писателя, в истинности которого он стремится убедить читателя.

Рассмотренные контексты употребления модусных транспозитивов на –о показывают, что основные функции названных слов в текстах нехудожественных жанров – предъявление объективной информации (при употреблении слова в припредикатной позиции); воздействие на читателя, убеждение аудитории в истинности выражаемого мнения (при употреблении в составе рамки); выражение субъективной точки зрения (при употреблении в позиции вводного слова, однако, подобное функционирование не является частотным и ограничивается пределами жанра дневника).

1.2 Модусные транспозитивы на –о в художественном тексте

Рассуждая о функциях модусных транспозитивов на –о в художественных произведениях, отметим, что смысловая нагрузка данных единиц языка здесь намного больше. Тексты художественной литературы полифоничны, разноплановы. Определить, кому принадлежит мнение, выраженное посредством употребления модусного транспозитива на –о, порой бывает непросто.

Модусные транспозитивы в художественном тексте позволяет автору сделать произведение объемным, полифоничным, заключить в простое по форме высказывание особый смысл или скрытую оценку, предложить читателю варианты интерпретации. Интересующие нас единицы языка являются и знаком авторского присутствия в тексте, показателем авторского «надстояния» над героями, его всезнания и всеведения, и показателем точки зрения героя.

Рассмотрим текстовое функционирование модусного транспозитива *точно* в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя. При описании помещиков автор многократно прибегает к употреблению названного слова в парентетической позиции. Техника использования данной языковой единицы может быть разной:

- предшествующий контекст представляет собой реплику героя, содержащую некое суждение или оценку. Далее следует предложение с *точно*,

где субъектом сознания при модусном транспозитиве на –о явно является автор. При первом прочтении кажется, что автор соглашается с героем, разделяет высказанную точку зрения. Так и должно быть при «нормальном» использовании слова *точно*, выражающего согласие. Однако при более глубоком анализе становится очевидно, что автор смеется над своим героем и не только не разделяет его точку зрения, а опровергает ее. *Точно* в подобных контекстах утрачивает свою «поддакивающую» семантику:

(1) — *В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет, — сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес. — Вот мой уголок, — сказал Манилов. — Приятная комнатка, — сказал Чичиков, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего было табаку.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)). Комната Манилова, описанная Гоголем, не может считаться «приятной»: унылые серые стены, небогатая обстановка, табак на столе...

- в предшествующем контексте содержится несколько суждений, одно из которых, как правило, оценочное. Модусный транспозитив *точно* формально относится к обоим суждениям, но логически связан с наименее значимым из них, порой даже со смехотворным:

(2) *Осмотрели собак, наводивших изумление крепостью черных мясов, -- хорошие были собаки. Потом пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слепая и, по словам Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назад, была очень хорошая сука. Осмотрели и суку - сука, точно, была слепая.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)). В приведенном отрывке Ноздрев сообщает гостям, что его собака некогда была очень хороша, а теперь ослепла. Автор иронически замечает: правда в том, что собака слепа, а уж была ли хороша она или нет – спорный вопрос.

(3) *«Теперь я поведу тебя посмотреть», продолжал он, обращаясь к Чичикову: «границу, где оканчивается моя земля». Ноздрев повел своих гостей по полю, которое во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогам и взбороненными нивами. Чичиков начал чувствовать усталость. Во многих местах ноги их выдавливали под собою воду, до такой степени место было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь. Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва. (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).* Применяя модусный транспозитив *точно*, автор подчеркивает, что за помпезным словом «граница» скрывается узенькая канавка да столбик.

(4) *Потом Ноздрев велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Мадера, точно, даже горела во рту, ибо купцы, зная уже вкус помещиков, любивших добрую мадеру, заправляли ее беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки, в надежде, что всё вынесут русские желудки. (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).* Единственным выдающимся качеством мадеры, предложенной Ноздревым, была способность «гореть» во рту.

Заметим, что при создании образа Ноздрева Гоголь не случайно использует модусный транспозитив *точно*. Ноздрев – вун, хвастун, человек, склонный к большим преувеличениям. И слово *точно*, семантически связанное с категорией истинности, с верификацией, с подтверждением высказанного суждения, никак не вяжется с образом упомянутого выше помещика. Используя данное слово *точно* в рассказе о Ноздреве, Гоголь усложняет субъектную перспективу: есть Ноздрев, есть герои, которым адресует свою речь Ноздрев и есть автор, кому и принадлежит иронический взгляд.

В некоторых контекстах парентетическое *точно* выражает подтверждение того, что было сказано в предтексте другим героем:

(5) — *Позвольте мне вам представить жену мою, — сказал Манилов. — Душенька! Павел Иванович! Чичиков, точно, увидел даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842));

(6) *В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но, благодаря бога, до сих пор так здоров, как нельзя лучше. Чичиков заметил, что это, точно, случается и что натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842));

(7) *«А вот тут скоро будет и кузница!» - сказал Ноздрев. Немного прошедши, они увидели, точно, кузницу, осмотрели и кузницу.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).

В приведенных выше примерах (5), (6), (7) *точно* оказывается сигналом переключения точки зрения.

Обратимся к группе модусных транспозитивов *безусловно, бесспорно, несомненно*, к их функциям в художественных текстах.

А) Безусловно

У М.Е. Салтыкова-Щедрина в публицистике наиболее частотным словом является *несомненно*, в его художественных произведениях предпочтение отдается не только названному модусному транспозитиву на –о, но и слову *безусловно* (45 вхождений в 18 текстах). Приведем примеры из сочинения «Мелочи жизни» (1886-1887) (модусный транспозитив *безусловно* употреблен здесь 6 раз):

(1) *Но коровы здешние малорослы, потому что в Финляндию, по какому-то недоразумению, безусловно запрещено ввозить скот из других стран, а следовательно, и совершенствовать местную породу трудно.* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

(2) Мы перечитываем всевозможные загадочности и безусловно **верим**, что таинственная их сила управляет миром и что судьбы истории всецело отданы им во власть. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

(3) Пришли новые люди и принесли с собой сознание о вреде так называемых пререканий и о необходимости безусловно **покориться** вейниям минуты. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

(4) Он был нежен, а не страстен, и притом, безусловно, приличен и скромн. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

В контекстах (1), (2) и (3) перед нами припредикатное употребление анализируемого слова: *безусловно* здесь идет в связке с глаголами определенной семантики (*запрещать, верить, покоряться*). Говоря о лексико-синтаксической истории развития данного модусного транспозитива на –о, мы отмечали, что в определенный период его становления он был связан с лексемами, обладающими значением согласия на что-либо. Очевидно, в произведении Щедрина отражен названный период языковой истории *безусловно*.

В контексте (4) анализируемый модусный транспозитив на –о употреблен в парентетической позиции: перед нами субъективная оценка некого персонажа, с которой читатель может согласиться или не согласиться.

В повести А.П. Чехова «Драма на охоте», состоящем из 5525 предложений, модусный транспозитив *безусловно* встречается 4 раза:

(1) Врачи, насколько помню, дали приблизительно такое заключение: а) смерть произошла от малокровия, которое последовало за значительной потерей крови; потеря крови объясняется присутствием на правой стороне груди зияющей раны; б) рану головы следует отнести к тяжким повреждениям, а рану груди к безусловно смертельным; последнюю следует признать за непосредственную причину смерти; в) рана головы нанесена тупым орудием, а рана груди — режущим, и притом, вероятно, обоюдоострым; д) все вышеописанные повреждения не могли быть нанесены

собственной рукою умершей и е) покушения на оскорбление женской чести, вероятно, не было. (А. П. Чехов. Драма на охоте (1884))

(2) Я решительно потерялся и не знал, как понимать мне Кузьму: виновность свою он отрицал безусловно, да и предварительное следствие было против его виновности: убита была Ольга не из корыстных целей, покушения на ее честь, по мнению врачей, «вероятно, не было»; можно было разве допустить, что Кузьма убил и не воспользовался ни одною из этих целей только потому, что был сильно пьян и потерял соображение или же струсил, что не вязалось с обстановкой убийства?.. (А. П. Чехов. Драма на охоте (1884))

(3) Я ожидал прочесть на лице его равнодушие к своей судьбе и апатию, но ожидания мои были ошибочны, — Урбенин горячо отнесся к суду: он отвел трех присяжных, давал длинные объяснения и допрашивал свидетелей; вину свою отрицал он безусловно и каждого свидетеля, говорившего не за него, допрашивал очень долго. (А. П. Чехов. Драма на охоте (1884))

(4) Урбенин был признан виновным безусловно и ни на один пункт не получил снисхождения. (А. П. Чехов. Драма на охоте (1884))

Во всех приведенных выше примерах *безусловно* выступает в припредикатной позиции. Модусный транспозитив, употребленный в наречной позиции приобретает в высшей степени объективное – терминологическое значение. В примере (1) перед нами медицинское заключение, в котором говорится о *безусловной* смертельности раны, в примерах (2)-(4) мы имеем дела с терминами юридическими: обвиняемый *безусловно* отрицает свою вину, однако суд признает его *безусловно* виновным.

Б) Бесспорно

Модусный транспозитив *бесспорно* часто употребляется в знаменитой «Оттепели» И. Эренбурга (1953-1955). В тексте, состоящем из 73 544 слов, названное слово встречается 32 раза. Преобладающим вариантом использования *бесспорно* здесь является включение данного модусного

транспозитива в состав рамки, при этом реплики с подобной конструкцией принадлежат одному и тому же персонажу – Ивану Васильевичу:

(1) *Журавлев, который сидел в президиуме, громко сказал Марии Ильиничне: «Хорошо он его высек, это бесспорно».* (И. Г. Эренбург. Оттепель (1953-1955))

(2) *Иван Васильевич взял газету — утром он не успел прочитать; он ел и читал, иногда взглядывая на жену, говорил: «Никифорова здорово отхлестали», «Что компрессоров не хватает, это бесспорно».* (И. Г. Эренбург. Оттепель (1953-1955))

(3) *Лена настаивала: «Нет, ты скажи: разве это не возмутительно» При чем тут она?? Иван Васильевич примирительно сказал: «Чего ты расстраиваешься» Я ведь тебе сам сказал, чтобы ты позвала Шерер. Ничего я против нее не имею, говорят, она хороший врач. А чересчур доверять им нельзя, это бесспорно?. Лена молча вышла из комнаты. Все, что в ней постепенно накапливалось, вылилось сразу. Плача, она повторяла: «И он — мой муж!..»* (И. Г. Эренбург. Оттепель (1953-1955))

В приведенных выше контекстах употребление *бесспорно* в рамочной позиции - авторский прием, так называемая речевая характеристика героя. Понятно, что герой – весьма категоричный мужчина, не признающий никаких авторитетов, кроме собственного, натура тяжелая, деспотическая и эгоистичная. Интересен пример (3), в котором модусная рамка с *бесспорно* включена в вопросительное предложение. Это косвенный речевой акт, вопрос здесь подразумевает утверждение. Герой формально спрашивает мнение жены, но ответ для него и так ясен.

Обратимся к еще одному интересному тексту - повести А. Алексина «Раздел имущества» (1979): в произведении, состоящем из 9570 слов, 23 раза встречается слово *бесспорно*. Данный модусный транспозитив используется в разных синтаксических позициях: наиболее частотно – в составе рамки и

позиции ответной реплики, с меньшей частотностью - в парентетической позиции.

Произведение А. Алексина – это воспоминания главной героини; тематика повести совсем «нехудожественная»: в центре повествования – судебное разбирательство о разделе квартиры. Текст А. Алексина написан в форме рассказа от 1-го лица, от лица девушки, которая вспоминает о своем детстве, находясь в помещении, где идет судебное заседание. Именно от рассказчицы мы узнаем, что *бесспорно* – любимое слово ее мамы. Мама Веры (Софья Васильевна) женщина строгая и уверенная в себе, привыкшая командовать всеми в доме; истинность своей речи она подкрепляет словами *бесспорный* и *бесспорно* (как и герой Эренбурга, о котором говорилось выше):

(1) *Вы видите, Антон Александрович? Это уже не просто "некоторое улучшение", а бесспорный прогресс. - Мы можем быть спокойны: ничто человеческое не обойдет Верочку стороной! - восхищалась мама. - Бесспорно... Теперь уже окончательно и бесспорно!* (А. Алексин. Раздел имущества (1979 г.))

В позиции ответной реплики *бесспорно* синонимично конечно:

(2) - *Почему хулигана? Я сама подставила щеку!*

- *Бесспорно... Я этому не удивляюсь! - забыв о своей осанке, заметалась по комнате мама.* (А. Алексин. Раздел имущества (1979 г.))

В своей повседневной речи мать Веры прибегает к своего рода клише – ко фразе «Это бесспорно»:

(3) *То, что дорого вам, дорого и нам, Анисия Ивановна! Это бесспорно. Иначе не может быть.* (А. Алексин. Раздел имущества (1979 г.)) Такое употребление можно квалифицировать как модификацию экспрессивно–ответного употребления (ср. *Оно и верно, Оно и правда, Это правда, Это бесспорно*), поскольку данное предложение стоит не вначале, а после первого предложения.

В речи Веринной мамы предложение *Это бесспорно* выполняет функцию экспрессивного риторического приема:

(4) - *А кто я в твоей жизни? - не дожидаясь, пока я сниму пальто, голосом, который, словно с обрыва, вот-вот готов был сорваться в крик, спросила она. - Кто я? Не главный человек... Это бесспорно. Но все же какой?!* (А. Алексин. Раздел имущества (1979 г.))

Даже когда жизненная ситуация ставит Софью Васильевну перед проблемой, она не отказывается от слова *бесспорно*, но это слово переходит во вводную позицию:

(5) *Утешая себя, мама говорила, что в моих недугах, бесспорно, есть некоторая пикантность, интригующая непохожесть; Наутро поехала советоваться с профессорами, и в результате возникла ситуация, о которой мне нелегко написать. Но я, бесспорно, должна это сделать.* (А. Алексин. Раздел имущества (1979 г.)) Вводная позиция – как в косвенной, так и в прямой речи – говорящий убеждает самого себя, стремиться избавиться от сомнений.

При употреблении в разных синтаксических позициях значение модусного транспозитива *бесспорно* меняется – от выражения высшей степени уверенности до субъективного предположения (самоубеждения). Слово *бесспорный / бесспорно* имеет отношение и к названию рассказа, и к кульминационному сюжетному событию – суду. В тексте Алексина тот, для кого все *бесспорно*, вступает в судебный спор за то, что нельзя получить, даже победив противника в суде. Любовь не подлежит иску и тяжбе, она бесспорна.

3) Несомненно

В текстах М.Е. Салтыков-Щедрин модусный транспозитив *несомненно* часто используется автором не только в публицистических очерках, но и в текстах художественных жанров: 231 вхождение в 33 произведениях. Очевидно, что основу стиля М.Е. Салтыкова-Щедрин составляет риторичность

повествования, публицистичность. В произведении «Мелочи жизни» несомненно употребляется 13 раз, при этом перед нами практически полный набор «позиционных вариантов» данного модусного транспозитива: рамка (пример (1)), припредикатная позиция (контексты (2), (4)) и парентеза (пример (3)); а наличие союза *Но* в примере (1) свидетельствует о двойной функции: не только собственно рамочной, но и функции дискурсивной скрепы:

(1) Несомненно, что весь этот угар, эта разнокалиберная фантасмагория устранилась сама собой; **но** спрашивается: сколько увлекут за собой жертв одни усилия, направленные с целью этого устранения? (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

(2) И умственный, и материальный уровень страны несомненно понижается; исчезает предусмотрительность; разрывается связь между людьми, и вместо всего на арену появляется существование в одиночку и страх перед завтрашним днем. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

(3) Культурный глаз проникнет в мельчайшие подробности крестьянской жизни, а культурные намерения, несомненно, дадут ей соответствующую окраску. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

(4) Я уже сказал выше, что читатель-друг несомненно существует. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887))

Если в контекстах (1), (2), (4) автор высказывает мнения, в истинности которых он не сомневается, то в контексте (3) перед нами предположение, гипотеза.

Приведем пример использования вводных слов в плане речевой характерологии:

(1) Епиходов. Несомненно, может, вы и правы. (Вздыхает.) Но, **конечно**, если взглянуть с точки зрения, то вы, позволю себе так выразиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа. (А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)) В реплике Епиходова одна за другой следуют слова *несомненно, может, конечно*, причем первые две стоят рядом в одном

предложении. На первый взгляд, перед нами ошибка, оксюморон: *несомненно* – уверенность, непоколебимость и *может* – сомнение. Епиходов – герой по прозвищу «двадцать два несчастья», человек, который никак не может найти себя, – не знает, что для него *несомненно*, а что *под сомнением*. Более того, включение в монолог персонажа череды вводных слов – это особый стилистический прием: речь героя, таким образом, становится витиеватой, путаной, сложной для восприятия. Высказывание Епиходова лишено смысла, ибо нагромождение вводных элементов – это лишь обрамление, за которым ничего не следует.

В художественных текстах могут обыгрываться словообразовательные связи модусных транспозитивов:

*В её красоте была какая-то **несомненность**, которая в первую секунду действовала даже несколько удручающе; несомненно, она была красива, **настолько несомненно, что** я почувствовал не радость, не возбуждение, не желание, не готовность к тому, чтобы кем-нибудь обратить на себя внимание.* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001)

В приведенном отрывке помимо модусного транспозитива на –о *несомненно* присутствует однокоренное существительное («*несомненность* красоты»). Первое *несомненно* употреблено в парентетической позиции – говорящий как бы соглашается с всеобщим мнением, подтверждает красоту героини, признает, что также считает ее прекрасной. Второе *несомненно* не простой повтор, оно встраивается в структуру сложного предложения с двухместной скрепой *настолько ...что* и тем самым превращается в предикат.

Таким образом, использование модусных транспозитивов на –о в художественной прозе позволяет усложнить субъектную перспективу текста, придать произведению многоголосость, диалогичность. Нередко данные единицы языка становятся одним из средств создания образа автора и / или героя.

2. Модусные транспозитивы на –о в поэтическом тексте

Говоря о том, какую функцию выполняют модусные транспозитивы на –о в лирическом тексте, отметим, что использование данных элементов языка в стихотворных произведениях нетипично. Если художественный нарративный текст полифоничен и диалогичен, в нем представлены разные точки зрения, разные мнения и оценки, то поэтический текст, как правило, моносубъектен: лирический герой повествует нам о своих переживаниях, делится собственными мыслями. Как правило, в стихотворении нам предъявляется одна точка зрения на происходящее, и через эту призму мы смотрим на изображаемый мир.

Употребление модусных транспозитивов в поэтическом тексте обусловлено жанрово и тематически: мы находим модусные транспозитивы в «философской лирике», в которой присутствует скрытый или явный диалог с миром или с самим собой.

При подборе материала для анализа, нами было обнаружено довольно мало примеров использования в поэтических текстах модусных транспозитивов на –о *безусловно*, *бесспорно* и *несомненно*, рассмотренных нами в предыдущем параграфе³³. Поэтому в данном разделе мы проанализируем примеры употребления в лирике более широкого круга модусных транспозитивов на –о.

Анализ данных поэтического корпуса НКРЯ [88] показал, что модусные транспозитивы на –о употреблялись в поэтических текстах философской направленности уже в начале XVIII века (см. график в Приложении). Например, у А.Д. Кантемира (1), М.В. Ломоносова (2), В.К. Тредиаковского (3):

(1) *Богатому спесцою можно быть бесспорно,*

А бедному нужно жить низко и проворно.

³³ Так при поиске в поэтическом корпусе НКРЯ [88] (объем корпуса – 78868 текстов) было обнаружено всего 39 контекстов употребления модусного транспозитива *безусловно*, 62 контекста употребления *бесспорно*, 81 контекст употребления *несомненно*. Большинство контекстов датированы XX веком и взяты из стихотворных текстов философской направленности.

(А. Д. Кантемир. Из Буало. Сатира первая (1727-1729))

(2) *Надежду крепку несомненно*

В тебе едином положу

И, прославляя беспрерывно,

В псалмах и песнях возглашу.

(М. В. Ломоносов. Преложение псалма 70 (1743-1751))

(3) *Однак, бесспорно, он зависит впрямь от тела,*

Не мыслит ни о чем движений в том без дела

И отлучиться сам не может от того,

Пока не разлучит телесна смерть его. (В. К. Третьяковский. Феоптия. Эпистола III (1750-1754))

Все три примера являются отрывками из стихотворных рассуждений на определенную тему, модусные транспозитивы на –о здесь выражают точку зрения лирического героя, служат для убеждения адресата (читателя).

На протяжении XVIII-XIX веков модусные транспозитивы на –о используются в поэтических текстах разных авторов, однако нельзя сказать, что в творчестве какого-то поэта количество употреблений модусных транспозитивов на –о высоко: скорее, мы видим единичные случаи использования данных единиц языка в философской лирике (реже – в стихотворениях другой тематики). Так, у А.С. Пушкина в корпусе объемом 108 769 слов всего 70 употреблений модусных транспозитивов на –о; у М.Ю. Лермонтова в корпусе объемом 47 643 слова 51 употребление модусных транспозитивов на –о; у Ф.И. Тютчева в корпусе объемом 34010 слов 14 употреблений модусных транспозитивов на –о и т.д. [88]. В творчестве перечисленных поэтов среди модусных транспозитивов на –о наиболее употребительными будут *конечно*, *видно* и *возможно* в парентетической позиции, а также *верно* в припредикатной и парентетической позициях.

Примерно с конца 50-х годов XX века количество включений в лирический текст интересующих нас единиц языка начинает возрастать и достигает своего максимума в XXI веке (см. график в Приложении), при этом модусные транспозитивы на –о функционируют в разных позициях, чаще всего в парентетической. Очевидно, с середины прошлого столетия меняется характер лирического текста: из исповеди он превращается в проповедь. Все чаще стихотворное произведение являет нам не интимные переживания лирического героя, а мысли последнего на злобу дня. Лирический герой становится политически ангажированным оратором, склонным к рефлексии и философствованию.

Анализ данных поэтического корпуса НКРЯ позволил нам составить «список» поэтов, в творчестве которых количество употреблений модусных транспозитивов на –о в несколько раз превышает «норму». В этом «списке» первое место делят два автора – И. Бродский и Б.А. Слуцкий. Интересно, что эти имена соединяются не только в статистической таблице НКРЯ, но и в истории литературы.

И. Бродский считал Б. Слуцкого одним из своих учителей: «Вообще, я думаю, что я начал писать стихи, потому что прочитал стихи советского поэта, довольно замечательного, Бориса Слуцкого». Выступая в 1975 году на симпозиуме «Литература и война» Бродский сказал: «Именно Слуцкий едва ли не в одиночку изменил звучание послевоенной русской поэзии. Его стих был сгустком бюрократизмов, военного жаргона, просторечия и лозунгов. Он с равной легкостью использовал ассонансные, дактилические и визуальные рифмы, расшатанный ритм и народные каденции. Ощущение трагедии в его стихотворениях часто перемещалось, помимо его воли, с конкретного и исторического на экзистенциальное — конечный источник всех трагедий. Этот поэт действительно говорит языком XX века».

Приведем количественные данные – число употреблений модусных транспозитивов в произведениях И. Бродского и Б.А. Слуцкого в сравнении с

числом подобных употреблений в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. При определении частотности употребления модусных транспозитивов на –о нами были использованы следующие источники: для творчества А.С. Пушкина – соответствующий подкорпус поэтического корпуса НКРЯ (подкорпус включает тексты из Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 16 тт., М.: Изд-во АН СССР, 1948-1949); для творчества М.Ю. Лермонтова – соответствующий подкорпус поэтического корпуса НКРЯ (подкорпус включает тексты из Полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова в 5 тт., М, Л: Academia, 1935-1937); для творчества Б.А. Слуцкого – соответствующий подкорпус поэтического корпуса НКРЯ (подкорпус включает тексты из Собрания сочинений Б.А. Слуцкого в 3 тт., М: Художественная литература, 1991); для творчества И. Бродского – электронное собрание сочинений И. Бродского Библиотеки М. Мошкова, содержащее основной корпус стихотворений поэта (сюда не вошли стихотворные переводы Бродского из разных авторов на русский язык; стихотворения, изначально написанные Бродским на английском языке, и их переводы на русский язык, а также неоконченные стихи, наброски, варианты и другие малоизвестные произведения). При определении частотности употребления модусных транспозитивов на –о рассматривались только лирические тексты: поэмы, баллады и прочие произведения, относящиеся к лиро-эпическим жанрам, не учитывались.

Таблица 9

| <i>Модусный транспозитив на –о</i> | <i>Творчество А.С. Пушкина (объем корпуса 108 769 слов)</i> | <i>Творчество М.Ю. Лермонтова (объем корпуса 47 643 слова)</i> | <i>Творчество Б.А. Слуцкого (объем корпуса 123 515слов)</i> | <i>Творчество И. Бродского (объем корпуса 146 737слов)</i> |
|------------------------------------|---|--|---|--|
| <i>1. Безусловно</i> | 0 | 0 | 1 | 6 |

| | | | | |
|--|----|----|----|----|
| 2. <i>Бесспорно</i> | 0 | 0 | 0 | 17 |
| 3. <i>Верно</i> | 12 | 13 | 22 | 9 |
| 4. <i>Вероятно</i> | 2 | 0 | 0 | 21 |
| 5. <i>Вестимо</i> (устар.) | 0 | 0 | 0 | 2 |
| 6. <i>Видимо</i> | 0 | 0 | 16 | 35 |
| 7. <i>Видно</i> | 8 | 4 | 13 | 20 |
| 8. <i>Возможно</i> | 10 | 5 | 6 | 33 |
| 9. <i>Всеконечно</i> (устар.) | 0 | 0 | 0 | 0 |
| 10. <i>Действительно</i> | 0 | 0 | 15 | 11 |
| 11. <i>Естественно</i> | 0 | 0 | 1 | 14 |
| 12. <i>Знамо</i> (устар.) | 0 | 0 | 0 | 0 |
| 13. <i>Известно</i> | 1 | 5 | 6 | 17 |
| 14. <i>Истинно</i> | 3 | 0 | 0 | 2 |
| 15. <i>Конечно</i> | 28 | 14 | 69 | 52 |
| 16. <i>Наверно /</i> <i>наверное</i> | 2 | 1 | 61 | 28 |
| 17. <i>Натурально</i> | 0 | 0 | 0 | 0 |
| 18. <i>Несомненно</i> | 0 | 0 | 5 | 3 |
| 19. <i>Неспорно</i> (устар.) / <i>неоспоримо</i> | 0 | 0 | 0 | 0 |
| 20. <i>Определенно</i> | 0 | 0 | 0 | 0 |
| 21. <i>Очевидно</i> | 0 | 0 | 0 | 1 |
| 22. <i>Подлинно</i> | 2 | 0 | 0 | 2 |
| 23. <i>Понятно</i> | 0 | 2 | 8 | 1 |
| 24. <i>Предположительн</i> | 0 | 0 | 0 | 0 |

| | | | | |
|---|--------|------|------|------|
| о | | | | |
| 25. Решительно | 0 | 0 | 2 | 0 |
| 26. Случайно | 0 | 7 | 6 | 4 |
| 27. Слышно | 0 | 0 | 0 | 1 |
| 28. Точно | 2 | 0 | 24 | 7 |
| Итого: | 70 | 51 | 255 | 286 |
| Частотность модусных транспозитивов на –о: | 0,06 % | 0,1% | 0,2% | 0,2% |

Из приведенной выше таблицы видно, что в творчестве Б. Слуцкого и И. Бродского количество употреблений модусных транспозитивов на –о в два раза выше, чем в творчестве других поэтов.

При позиционно-семантическом анализе модусных транспозитивов особый интерес представляют тексты, в которых наблюдается формальный повтор слова: в таких текстах можно увидеть и стыковку разных семантических вариантов, и употребление одного семантического варианта, но с разной субъектной перспективой, и полный повтор транспозитива (и семантически, и прагматически, и позиционно-синтаксически).

Разберем интересный пример из творчества Б. Пастернака, датированный началом XX века, в котором в рамках одного высказывания соседствуют два разных *бесспорно*:

У старших на это свои есть резоны.

Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,

Что в грозу лиловы глаза и газоны

И пахнет сырой резедой горизонт.

(Б. Пастернак. «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...», 1917 г.)

Стихотворение построено на противопоставлении *Я* и *Они*, антагонизме лирического героя и общества. Это противостояние подчеркивается морфологически: все, что связано с *Я*, имеет форму единственного числа; все, что связано с *Они*, – множественного. Дважды повторенное в одной строчке *бесспорно* усиливает антагонизм. Перед нами не однородные члены предложения, не два припредикатных употребления модусного транспозитива на –о, а два разных по семантике слова. Первое (вводное) *бесспорно* принадлежит лирическому герою; второе (наречное) – «другим»: в узком смысле – тем, кто едет в поезде вместе с героем, в широком – всему обществу в целом. Для говорящего является *бесспорным* тот факт, что окружающие люди считают его доводы смешными. Второе *бесспорно*, стоящее в припредикатной позиции, звучит как чужое слово: герой словно повторяет фразу, брошенную некогда в его адрес. При помощи двух *бесспорно* автор чертит непреодолимую границу между лицемерными людьми «в брелоках», жалящими, «как змеи в овсе», и лирическим героем, показывает инаковость последнего. Стихотворение становится полифоничным, разноплановым, неоднозначным, как и многие другие тексты Б. Пастернака. Данное произведение как нельзя лучше показывает, что семантика модусных транспозитивов на –о прочитывается не через «ближний контекст», а через текст в целом. Б. Пастернак это чувствует, именно поэтому автор «сталкивает» два *бесспорно* в одном предложении.

Обратимся к произведениям Б. А. Слуцкого. Наиболее частотным модусным транспозитивом у этого поэта является слово *конечно*: данное слово встречается в текстах Слуцкого 69 раз. Второе место по частотности употребления занимает модусный транспозитив *наверно(е)*: названное слово используется в 61 стихотворении автора.

Интересны тексты, в которых один и тот же модусный транспозитив повторяется: в этом случае встает вопрос, одному ли субъекту принадлежат эти слова.

Так, в стихотворении «Медлительность философов» *конечно* повторяется трижды:

Писатели успели умотать.

Философы — тюлени и растяпы.

Бергсон и Фрейд, как кознодей и тать,

держат ответ пред новыми властями

должны. Немилостива эта власть.

Она, конечно, их помучит всласть.

Они, конечно, не уйдут живыми.

.....

и вам уж с бранных не сорвать телес,

не смазать с ветхих пиджаков, конечно,

те звезды, что хватали вы с небес.

Пришитые - они шестиконечны.

(Б. Слуцкий. «Медлительность философов», 1970-1975 гг.)

«Медлительность философов» посвящено судьбе философов-евреев. Лирический герой (а вместе с ним и автор) рассуждает о судьбе двух философов, об отношении к ним власти. Интерпретация транспозитива *конечно* допускает два варианта. (1) Все три *конечно* здесь принадлежат лирическому герою и выражают его точку зрения: «Власть немилостива». С позиции времени он говорит о том, с судьба философов-евреев иной быть не могла. *От* этих *конечно* веет безысходностью и глубочайшим пессимизмом, герой понимает, что не в силах ничего изменить: по-другому быть не могло. (2) Первые два *конечно* принадлежат пессимистам-философам, которые как бы воспроизводят точку зрения «немилостивой власти». Третье - автору, который пытается ответить на вопрос, почему не уехали вовремя философы (*И если пессимисты вы, Бергсони Фрейд, вы - гении эпохи. А если оптимисты вы, Бергсон и Фрейд, дела довольно плохи*): если вы надеялись, что вас спасут

звезды, которые вы хватали с небес (ваши таланты, ваша слава), то знайте, что, ваша судьба – звезды, пришитые к пиджакам.

Конечно в ответной реплике может соединяться со словами *Да* и *Нет*. При этом выражается уверенность в выборе (*Да*, а не *Нет*; *Нет*, а не *Да*)³⁴. В стихотворении Слуцкого видим оба варианта:

*Все мы, имена и анонимы,
Заменяемые — заменимы?
Да, конечно. Нет, конечно .
Да, безо всякого сомнения.
Тем не меньше есть такое мнение,
Что и горе — не беда.*

(Б. Слуцкий. «Без меня», 1977 г.).

Здесь возможны две интерпретации использования модусного транспозитива *конечно*: 1) оба *конечно* принадлежат лирическому герою, перед нами две разных точки зрения одного и того же человека, который сомневается в выборе. Таким образом, подчеркивается неуверенность героя, его метания от *да* к *нет*. 2) перед нами два разных *конечно*. Первое выражает общепринятое мнение. Оно основывается на истине «Незаменимых нет». Второе *конечно* в соединении с *нет* опирается на опыт конкретного человека, для которого незаменимые есть. В этом случае *заменяемые* понимается процессуально,

³⁴ См. также детскую песенку В. Шульжика:

*Пусть стар пиджак, и нос твой красен,
Душа должна быть молода!
Ах, Фунтик, ты со мной согласен?
Конечно, да, конечно, да, конечно, ДА!
Полезен смех и не опасен,
Врачует сердце он всегда!
Ах, Фунтик, ты со мной согласен?
Конечно, да, конечно, да, конечно, ДА!
Свет цирковых огней прекрасен,
Он не тускнеет никогда!
Ах, Фунтик, ты со мной согласен?
Конечно, да, конечно, да, конечно, ДА!*

имперфективно, а *заменяемы* – результативно, Следующее *да* возвращает нас к первому *конечно*, к общему уверенному мнению. Но заканчивается стихотворение контраргументом: если общественное мнение считает, что горе и беда – это не одно и то же, то, может быть, все-таки *заменяемый* и *заменяемый* выражают разное и есть те, кого пытаются заменять, но не могут заменить.

Еще один пример повтора транспозитива:

Мне показалось, что кто-то стучится.

В дверь или в душу — понять я не мог.

Тотчас я встал и пошел за порог.

Пусто, и только вселенная мчится.

Мчится стремглав и сбивается с ног

.....

Все-таки это, наверно, не в небе.

Все-таки это, наверно, в душе.

(Б. Слуцкий. «Ночные стуки», 1977 г.)

В примере перед нами анафора с модусным транспозитивом *наверно*. В названном стихотворении лирический герой пытается разобраться в собственных переживаниях, понять свою душу. Интересно здесь сочетание *все-таки* с *наверно*: первая лексема предполагает уверенность, приход к окончательному решению. Читатель уже настроен узнать, чем же кончились сомнения, и вдруг...появляется *наверно*: оказывается, это еще не финал, оказывается лирический герой все еще не понял, что с ним происходит. Автор дает герою «второй шанс»: снова перед нами *все-таки*, снова мы ждем развязки, а вместо - получаем очередную порцию размышлений, которые вводятся модусным транспозитивом *наверное*. Благодаря такому приему, Слуцкий изображает состояние героя, его смятение, неуверенность, поиск себя.

Использование в лирических текстах модусных транспозитивов на –о (в большинстве случаев в парентетической позиции) делает тексты Слуцкого диалогизированными, позволяет показать мятущуюся душу лирического героя. Кроме того, модусные транспозитивы на –о делают лирику Слуцкого прозаичной, приближающейся к естественному языку.

Как и стихотворения Б. Слуцкого, произведения И. Бродского являют нам диалог – реальный или потенциальный.

Обратимся к стихотворению И. Бродского, созданному до эмиграции, в 1967 году, – «Речи о пролитом молоке»:

.....
*Зная мой статус, моя невеста
пятый год за меня ни с места;
и где она нынче, мне неизвестно:
правды сам черт из нее не выбьет.
Она говорит: «Не горюй напрасно.
Главное — чувства! Единогласно?»
И это с ее стороны прекрасно.
Но сама она, видимо, там, где выпьет.*

.....
*Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)*

.....
*Грех первородства — не суть сиротства.
Многим, бесспорно, любезней скотство.*

.....
*Задние мысли сильнее передних.
Любая душа переплюнет ледник.
Конечно, обществу проповедник*

нужней, чем слесарь, науки.

.....
Цветные нас, бесспорно, прижали.

*Но не мы их на свет рожали,
не нам предавать их смерти.*

.....
«Бога нет. А земля в ухабах».

«Да, не видать. Отключусь на бабах».

*Творец, творящий в таких масштабах,
делает слишком большие рейды
между объектами. Так что то, что
там Его царствие, — это точно.*

Оно от мира сего заочно.

Сядьте на свои табуреты.

Это стихотворение – крик лирического героя, его протест против существующего общественного уклада. Это мысли вслух, разговор с самим собой и в то же время – обращение к Другому. Герой на протяжении всего произведения взывает к невидимому адресату: «Равенство, **брат**, исключает братство»; «**Почитайте**, что пишет Луций»; «...**размотаем** клубочек»; «Но чистых отделять от нечистых — не наше право, **поверьте**» и др. Использование модусных транспозитивов на –о в данном тексте позволяет вести диалог, спорить, отстаивать свою правоту, иронически обыгрывать известные марксистские формулы.

Большинство интересующих нас единиц языка употреблено в парентетической позиции: герой выражает свою точку зрения; его мнение субъективно, оно идет в разрез с позицией окружающих; герой – чужак, диссидент, не такой, как все. В тексте доминируют модусные транспозитивы на –о, выражающие уверенность говорящего в произносимом (*бесспорно, конечно,*

точно). Они делают дальнейшую полемику невозможной. Лишь одна строфа звучит более мягко:

Шарик обычно стремится в лузу.

(Я, вероятно, терзаю Музу.)

Не Конкуренции, но Союзу

принадлежит прекрасное завтра.

(Я отнюдь не стремлюсь в пророки.

Очень возможно, что эти строки

сократят ожидания сроки:

«Год засчитывать за два».)

Здесь автор использует модусные транспозитивы на –о, выражающие неуверенное предположение. В данной строфе речь идет о роли лирического героя, о его пророческой миссии. В приведенных строках чувствуется усталость, здесь много оговорок в виде вставных конструкций. Интересно, что семантически «неуверенное» *возможно* употреблено в составе рамки, что делает модусный транспозитив на –о более «тяжеловесным». Кроме того, *возможно* здесь усилено наречием *очень*. Таким образом, модусные транспозитивы на –о делают стихотворение полемически острым, превращают монолог героя в диалог с обществом, с эпохой, с властью.

Рассмотрим еще один отрывок – строки из стихотворения И. Бродского «Подсвечник» 1968 года:

.....

Наверно, тем искусство и берет,

что только уточняет, а не врет,

поскольку основной его закон,

бесспорно, независимость деталей.

Два модусных транспозитива на –о умещаются всего в четырех строках, причем данные слова противоположны по значению: робкое, неуверенное

наверно и кажущееся безапелляционным *бесспорно*. Перед нами вновь полемика, диалог. Вероятно, это разговор с самим собой. Это самоубеждение, неудачная попытка перейти от неуверенности к непоколебимости. *Бесспорно* здесь кажется лишним: данному модусному транспозитиву на –о предшествует союз *поскольку*. Это фрагмент можно интерпретировать с помощью модусных рамок. Я думаю, что искусство побеждает смерть и все формы земного существования, потому что я точно знаю, что искусство уважает независимость детали, что в искусстве единичное не растворяется в общем.

Интересным с точки зрения текстового анализа модусных транспозитивов представляется стихотворение «Посвящается Ялте» 1969 года. Данный текст интересен тем, что в него включен реальный диалог – фрагменты допроса следователем свидетелей по делу об убийстве, произошедшем в Ялте. При этом в тексте нет вопросов следователя, есть только ответы свидетелей. Композиционно текст делится на две части: обрамление (вступительное и заключительное слово рассказчика) и сами допросы (ответы свидетелей и выводы следователя). В тексте используются разные модусные транспозитивы: *конечно, естественно, действительно, видимо, верно*. Все они принадлежат героям стихотворения – допрашиваемым свидетелям, и занимают либо позицию ответной реплики (1), либо парентетическую позицию (2), (3):

(1) *Простите, я налью себе еще.*

Да, совершенно верно: душный вечер.

(2) *Да, он не пил. Я знаю это твердо;*

да, видимо, он полз. И долго полз.

(3) *Да, все это действительно кошмар.*

Основная функция модусных транспозитивов на –о здесь – показать реакцию героев на вопросы следователя, их согласие или не согласие с предлагаемыми версиями произошедшего.

Частым оказывается транспозитив *конечно*, с помощью которого свидетели вводят добавочные замечания:

(4) *Другой, как вы тут выразились, цели у встречи нашей не было. При том услови, конечно, что желанье увидеться с приятным человеком не называют целью.*

(5) *Он говорил своим обычным тоном. Конечно, телефон есть телефон; **но**, знаете, когда лица не видно, чуть-чуть острее воспринимаешь голос.*

(6) *А во имя чего, простите, следовало мне расстаться с ним? Во имя капитана? А я так не считаю. Он, конечно, серьезный человек, хоть офицер. **Но** это ощущение для меня всего важнее! Разве он сумел бы мне дать его?*

(7) *я знал, что у нее бывает кто-то. Но я не знал, кто именно. Она, конечно, ничего не говорила. **Но** я-то знал!*

В трех последних фрагментах ((5)-(7)) *конечно* входит также в состав двухместной скрепы (*конечно, ...но*).

Бесспорно и безусловно употребляются во внутрисинтаксической позиции и выражают уверенность говорящего, которая должна соединить точку зрения свидетеля и точку зрения следователя:

(8) *Но учтите:*

*я вас разочарую, так как мне
о нем известно безусловно меньше,
чем вам. Хотя того, что мне известно,
достаточно, чтобы сойти с ума.*

(9) *Но в общем*

*способность человека совершить
убийство и способность человека
расследовать его -- при всей своей
преемственности видимой – бесспорно
не равнозначны.*

Транспозитив *естественно* в речи рассказчика занимает позицию в рамке (10); в речи героя это слово оказывается во вводной позиции (11):

(10) *Естественно, что я пойду навстречу
указанному выше представленью
о правде - то есть стану потрошить
ту куколку.*

(11) *Я, повторяю, начинал иначе.*

Я, как и вы, везде искал подвох.

И находил, естественно.

Как говорилось выше, в текстах конца XX начала XXI веков количество употреблений модусных транспозитивов на –о возрастает (см. график в Приложении). Можно сказать, что интересующие нас языковые единицы становятся знаковыми для поэзии текущего столетия. В некоторых стихотворениях указанного периода модусные транспозитивы на –о не просто служат для диалогизации текста, но выполняют текстообразующую функцию. Например, в стихотворении И. Бродского «На выставке Карла Вейлинка» (1984) (модусные транспозитивы *возможно* и *бесспорно*), в стихотворении И. Шаферана «Возможно» (модусный транспозитив *возможно*), в стихотворении современного автора под псевдонимом Факел Лека (модусный транспозитив *возможно*). Приведем отрывок из последнего:

Возможно, ты моя судьба, возможно.

Возможно, я сейчас слепа, возможно.

Возможно, если б я была одна, возможно.

Давно бы встретились уже, возможно <...>.

(Факел Лека, 2010 г.)

В приведенном выше стихотворении модусный транспозитив *возможно* используется автором и для анафоры, и для эпифоры. Это текст о возможности счастья, о надежде на счастливую развязку. Это разговор героини с самой собой. *Возможно* здесь (и в перечисленных выше текстах) функционально близко союзу *может...может* (см., например, [132]), только в отличие от двойного союза *может...может*, повторяющийся модусный транспозитив на –о связывает не факты, а разные мнения, предположения, интерпретации событий.

Итак, модусные транспозитивы на –о превращают размышления лирического героя в диалог с окружающим миром, позволяют выразить собственную точку зрения, доказать свою правоту. Поэтические тексты, в

которых используются модусные транспозитивы на –о, становятся своего рода мостиком от поэзии к прозе, от лирики к публицистике.

Выводы:

1. Основной «сферой применения» модусных транспозитивов на –о является прозаический текст. Использование названных единиц языка позволяет усложнить субъектную перспективу художественного произведения, дистанцировать автора от героя. Модусные транспозитивы на –о в художественном тексте могут употребляться в различных синтаксических позициях, при этом припредикатная позиция будет принадлежать автору, в то время как парентетическая – и рассказчику, и герою. В нехудожественной прозе разных жанров (публицистических, научных) модусные транспозитивы на –о тяготеют к употреблению в припредикатной позиции: произведения такого рода предполагают объективность и полную уверенность говорящего (пишущего) в произносимом.

2. В поэтических текстах употребление модусных транспозитивов на –о возможно в двух случаях: при оформлении создания реальных диалогов (как в рассмотренном выше стихотворении И. Бродского «Посвящается Ялте») и в целях придания тексту потенциальной диалогизированности, при этом семантика модусных транспозитивов на –о проецируется на произведение в целом. Кроме того, интересующие нас слова могут выполнять текстообразующую функцию и служить основой для обнаружения границ между частями композиции текста.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в системе языка существует группа модусных транспозитивов на –о – отадъективных дериватов на –о, способных выступать в качестве вводных слов. Функционирование модусных транспозитивов основано на модусной семантике и эгоцентрической грамматической технике: модусные транспозитивы представляют субъектную сферу говорящего и/или субъекта сознания, т.е. принадлежат сфере первого лица.

Элементы языка, относящиеся к классу модусных транспозитивов на –о, выделяются тем, что их лексическое и частеречное значения производны от типа занимаемой синтаксической позиции. Проблема отнесения названных единиц языка к какой-либо части речи становится неактуальной: при интерпретации модусных транспозитивов оказывается важным не их морфологический статус, а выполняемая ими функция. Принципы идентификации модусных транспозитивов на –о подобны принципам идентификации модальных слов, которые были предложены В.В. Виноградовым в его книге «Русский язык»: не наличие морфологической парадигматики, не возможности быть определенным членом предложения, а их особые синтаксические и стилистические функции.

Модусные транспозитивы на –о связаны с краткими прилагательными среднего рода, а также с предикативами (словами категории состояния). В отличие от слов категории состояния, модусные транспозитивы на –о могут выступать в качестве вводных слов. Способность транспозитивов занимать ту или иную позицию обусловлена семантикой основы - соотношением в ней модусного и диктального компонентов: чем сильнее в лексеме вещественное начало, тем дальше она от класса модусных транспозитивов.

Вводные компоненты языка предъявляют нам субъективную точку зрения и принадлежат Я. Таким образом, способность занимать парентетическую

позицию смогли развить те языковые единицы, которые связаны с перцептивной, мыслительной и речевой деятельностью человека. Это, прежде всего, слова с ментальными и перцептивными корнями, слова, имеющие сему «говорить», а также единицы, связанные по значению с поиском истины, сравнением с неким эталоном. Класс модусных транспозитивов на –о – категория открытая. В русском языке существуют слова, которые на современном этапе не функционируют в качестве вводных компонентов предложения, однако, обладают перечисленными выше характеристиками и, соответственно, потенциально могут занять парентетическую позицию в предложении.

Особенность семантики модусных транспозитивов состоит также в том, что эта семантика реализуется в припропозициональной или межпропозициональной позициях, что для интерпретации модусных транспозитивов необходимо учитывать грамматические категории текста.

На современном этапе модусные транспозитивы на –о могут функционировать в пяти синтаксических позициях – рамочной, парентетической, припредикатной (внутрисинтаксической), позиции ответной реплики, а также в составе дискурсивной скрепы (во взаимодействии с сочинительными союзами).

«Позиционные варианты» модусных транспозитивов на –о выражают различную степень уверенности говорящего в содержании высказывания (от полной уверенности в произносимом до неуверенного предположения) и, соответственно, предъявляют разный субъектный тип модуса (*Я*-модус, *Все*-модус). Вербализованные модусные рамки являются средством выражения высокой степени уверенности говорящего в содержании высказывания, т.е. выражают «объективную» точку зрения; в парентетической позиции модусные транспозитивы на –о предъявляют *Я*-модус, выражая субъективную точку зрения говорящего. Позиция ответной реплики может рассматриваться как производная от рамочной позиции или парентетической: она предъявляет

субъективную точку зрения говорящего, однако перед нами не просто суждение, а отклик на ту ситуацию, о которой сообщается в диалоге, либо реакция на истинностное значение суждения. В припредикатной (внутрисинтаксической) позиции выражается полная уверенность говорящего в истинности своего высказывания, однако на современном этапе внутрисинтаксическая позиция для большинства модусных транспозитивов на –о является устаревшей. Особую функцию модусные транспозитивы на –о выполняют в составе дискурсивной скрепы – выражают «иллокутивную» связь между частями сложного предложения или двумя высказываниями в тексте.

Общность лексической семантики при функционально-синтаксических различиях позволяет сделать вывод, что в сфере модусных транспозитивов мы имеем дело не с собственно лексемами, а с синтаксемами – «конструктивными компонентами более сложных синтаксических построений», характеризующихся «определенным набором синтаксических функций» [59, 4].

Проведенное исследование позволяет уточнить систему функций и позиций для слов модусной семантики. В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой предложена система функций и позиций для функционально-синтаксического описания диктальных компонентов. Проведенное нами исследование позволяет представить на функционально-синтаксических основаниях и отадъективные транспозитивы, которые можно квалифицировать как модусно-транспозитивные синтаксемы.

Особенность данных синтаксем состоит в том, что их семантика реализуется в соединении с еще минимум одним (диктальным) предикатом, а осмысление требует учета всей субъектной перспективой текста. Принадлежность модусных транспозитивов на –о к сфере эгоцентрических средств языка и обусловила первичность (изосемичность) для этих слов парентетической позиции. Рамочная позиция осмысливается как производная. В течение последних двадцати лет проявилась тенденция к увеличению рамочных употреблений модусных транспозитивов на –о по сравнению с

предшествующим периодом, что связано с ориентацией на собеседника, вниманием к риторической технике ведения беседы.

Употребление модусных транспозитивов на –о в той или иной позиции зависит от жанрово-стилевой принадлежности текста. Употребление модусных транспозитивов на –о в художественном прозаическом произведении усложняет субъектную перспективу художественного текста, обнаруживает отношения между автором и героем.

В прозаических текстах нехудожественных жанров (публицистических, научных) модусные транспозитивы на –о и в XXI веке способны к употреблению в «устаревшей» припредикатной позиции, поскольку произведения такого рода предполагают объективность и высшую степень уверенности в произносимом.

В поэтических (эгоцентрических) текстах модусные транспозитивы на –о предъявляют эксплицитную или имплицитную диалогизированность текста, «расслаивают» *Я* лирического героя, а также являются средством связности и членимости текста.

Проведенное исследование показало, что на современном этапе актуально не противопоставлять семантику и синтаксис, а соединять их, не умножать количество морфологических омонимов, а соединять их в одну синтаксическую единицу. При интерпретации таких языковых единиц необходимо соединять синтаксис предложения и синтаксис текста.

Библиография

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис немецкого языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. - 392 с.
2. Алгазина Т.С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста // Семантика лексических и грамматических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. П. А. Леканта [и др.]. - М.: МПУ, 1995. – С. 71-78.
3. Амосова В.В. Вводно-модальные единицы в составе сложноподчиненного предложения (придаточные изъяснительные, придаточные причины, условия, уступки): автореф. дисс....канд. филол. наук. - Куйбышев, 1971. – 25 с.
4. Аникин А.И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - М., 1953. – 16 с.
5. Античные теории языка и стиля / под ред. О.М. Фрейденберг. - Л.: ОГИЗ, 1936. – 343 с.
6. Антонова В.В. Парентетические конструкции современного русского языка в лингвокультурологическом аспекте: дисс....канд. филол. наук. - М., 2015. – 154 с.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
8. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1978. – 687 с.
9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. - М.: Наука, 1988. – 338 с.
10. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или польза спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. - М.: Наука, 1990. – С. 175-189.

11. Бабенко М.Г. Коммуникативно-прагматические функции вводных компонентов в структуре диалога: на материале современного немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2003. – 146 с.
12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. - М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
13. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Процедурный метаязык в лингвистической семантике // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
14. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. - М.: Помовский и партнеры, 1993. - 207 с.
15. БАС – Словарь современного русского литературного языка / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов, Ф.Ф. Филин. [В 17 т.]. Тт. 1-17. - М.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
16. Беляева Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко [и др.]. - Л.: Наука, 1990. - С. 157-170.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. - М.: УРСС, 2002. – 446 с.
18. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. - М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 354 с.
19. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. - М.: Издательство АН СССР, 1963. - 376 с.
20. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л.: Наука, 1976. - 255 с.
21. Бордович А.М. Модальные слова в современном русском литературном языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - Минск, 1956. – 318 с.

22. Борисова Е.Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // «Вопросы языкознания». М., 1990, №2. – С. 113-120.
23. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. - М.: Наука, 1993. – С. 78-82.
24. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. - М.: Наука, 1982. – С.7-82.
25. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира: На материале русской грамматики. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
26. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. – 7-е изд. - М.: УРСС, 2007. – 339 с.
27. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
28. Василенко Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста // НДВШ «Филологические науки». – 1984. - №4. С.76-79.
29. Василенко Л.И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1985. – 199с.
30. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402-421.
31. Вежбицка А. Русские культурные скрипты // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. - М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 467-499.
32. Виноградов В.В. История слов. - М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. – 1138 с.

33. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. Т.2. - М.: Изд. АН СССР, 1950. С. 38-79.
34. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - 4-е изд. - М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
35. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. — 1986. – № 5. С. 98-106.
36. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная. - СПб.: тип. И. Глазунова, 1831. – 408 с.
37. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 501 с.
38. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Учеб. для студентов вузов. - М.: Добросвет, 2004. – 860 с.
39. Гатинская Н.В. Семантико-синтаксическая история слов очевидность, очевидно // Русский язык в научном освещении. - 2010. - № 1. - С. 169-209.
40. Гатинская Н.В. Семантический анализ модальных слов в диахроническом аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. - 2015. - №1. - С. 89-94.
41. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. Синтаксис. - 4-е изд. - М.: Просвещение, 1973. - 350 с.
42. Глушакова С.О. Эволюция функционирования вводных и вставных конструкций в русских научных текстах 18-20 вв.: автореф. дисс....канд. филол. наук. - Свердловск, 1988. – 16 с.
43. Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова [и др.]. [В 2 т.]. Т. 1. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 720 с.
44. Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова [и др.]. [В 2 т.]. Т. 2. Ч.1. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 703 с.

45. Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова [и др.]. [В 2 т.]. Т. 2. Ч.2. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 444 с.
46. Греч Н.И. Практическая грамматика русского языка. - СПб.: тип. Н. Греча, 1834. – 526 с.
47. Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. - Белгород, 2011. – 211 с.
48. Грот Я.К. Филологические разыскания / 1, 2. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне - 4-е изд., доп., под ред. проф. К.Я. Грота. - СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1899. – 941 с.
49. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
50. Давыдова В.С. Коммуникативно-прагматические функции вводных конструкций // Прагматика и стилистика текста. Алма-Ата: КазГУ, 1988. – С. 41-45.
51. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [В 4 т.] Т. 2. – М.: Русский язык, 1998. – 779 с. [Электронный ресурс] URL: <http://slovardalja.net> (Дата обращения: 13.03.2016)
52. Долженкова А. И. Коммуникативно-прагматическая ситуация колебания, средства и способы ее репрезентации в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. - Белгород, 2014. – 205 с.
53. ДС 1998 - Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. Д. Пайара, К.Киселевой. - М.: Метатекст, 1998. – 446 с.
54. ДС 2003 - Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / под ред. Д. Пайара, К. Киселевой. - М.: Азбуковник, 2003. – 205 с.

55. Дурст-Андерсен П.В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. - 1995. - № 6. - С. 30-42.
56. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. - 2-е изд. - М.: Русский язык, 1980. – 879 с.
57. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
58. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. - 352 с.
59. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. - 3-е изд. - М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 440 с.
60. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - М.: Наука, 2004. – 544 с.
61. Иоанесян Е.Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 116-133.
62. Иорданская Л.Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. - 1988. - №12(3). – С. 239-267.
63. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. - М.: Языки славянских культур, 2007. – 665 с.
64. Ицкович В.К. К истории вводных слов, словосочетаний и предложений в русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - Львов, 1958. – 16 с.
65. Казаковская В.В. Способы выражения авторства в структуре предложения: дисс....канд. филол. наук. – М., 1996. – 274 с.
66. Кант И. Собрание сочинение. [В 6 т.]. Т. 3. - М.: Мысль, 1964. – 799 с.
67. Касаткин Л.Л., Лекант П.А., Клобуков Е.В. Краткий справочник по современному русскому языку. - М.: Просвещение, 2004. – 304 с.

68. Карцевский С.О. Из лингвистического наследия. - М.: Языки русской культуры, 2000. – 341 с.
69. Киселева К.Л. Инвариантное и вариативное в семантике дискурсивных слов: на прим. группы слов «конечно», «разумеется», «естественно»: дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1996. – 230 с.
70. Киселева К., Пайар Д., Разлогова Е. КОНЕЧНО, или «Чужая правда» // Русистика сегодня. – 1994. - №1. – С.154-165.
71. Кобозева И.М. Проблема описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. Сборник научно-аналитических обзоров. - М., 1991. – С.147-176.
72. Козинцева Н.А. Связи засвидетельствованности с другими грамматическими категориями // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / под ред. В.С. Храковского. - СПб.: Наука, 2007. - С. 37-46.
73. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - М.: Наука, 1975. – 720 с.
74. Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей / пер. с польского, фр., англ., нем. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.
75. Ламбарджян С.П. Значение уверенности / неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в современном русском языке: дисс....канд. филол. наук. - М., 1981. – 190 с.
76. Лашкевич О.М. Роль вводных слов и словосочетаний в выражении модальности текста: дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1984. – 175 с.
77. Левицкий Ю.А. О маркерах и коннекторах. // Семантика служебных слов. Межвуз. сб. науч. тр. - Пермь, 1982. – С. 113-182.
78. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. - М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 311 с.
79. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой [и др.]. – 2-е изд. - М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 707 с.

80. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. [В 11 т.]. Т. 7: Труды по филологии, 1739-1758 гг. / гл. ред. В.В.Виноградов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 995 с.
81. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – 2-е изд. - М.: УРСС, 2004. - 196 с.
82. Маркелова Т. В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. - 1994. - № 4. - С. 12-19.
83. МАС – Словарь русского языка / отв. ред. А.П. Евгеньева. [В 4 т.]. Тт. 1-4. - М.: Русский язык, 1999.
84. Михеев М.Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание (или чем можно испортить перформатив) // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. - М.: Наука, 1990. – С. 213-225.
85. Морковкин В.В. Новые словарные проекты ИРЯ им. А.С. Пушкина // Русистика сегодня. – 1994. - №1. – С. 103-126.
86. Морковкин В.В. Словарь структурных слов русского языка. - М.: Изд-во альм. «Лазурь», 1997. – 422 с.
87. Муковозова Т.И. Грамматический статус модальных слов: дисс. ... канд. филол. наук. - М., 2002. – 204 с.
88. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (Дата обращения: 10.2013 – 01.2017).
89. Ницолова Р. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции / под ред. В.С. Храковского. - СПб., 2003. – С. 108-113.
90. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. 2. - М.: Языки русской культуры, 2000. – 487 с.

91. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. 3. - М.: Языки славянской культуры, 2003. – 557 с.
92. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. - 2-е изд. – СПб.: изд. И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. – 322 с.
93. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. - М.: Азъ, 1995. – 907 с.
94. Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. - 1994. - № 3. – С.74-83.
95. Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – С. 92-121. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2988>. (Дата обращения: 15.10.2014).
96. Онипенко Н.К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей и студентов педагогических вузов. - М.: МПГУ, 2014. – 216 с.
97. Онипенко Н.К. О субъектной перспективе каузативных конструкций // Вопросы языкознания. – 1985. - №2. – С. 123-132.
98. Орехова Е.Н. О модальной семантике мнимости // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: слово – конструкция – текст. Сборник научных трудов кафедры РИС МГОУ. – М.: МГОУ, 2012. – С. 21-23.
99. Орехова Е.Н. О модальности эмоциональной оценки // Рациональное и эмоциональное в русском языке. - М.: МГОУ, 2013. - С. 136-141.
100. Орехова Е.Н. О средствах выражения модальности мнимости // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. – М.: МГОУ, 2013. – С. 216-219.

101. Орехова Е.Н. О субъективной модальности научного дискурса // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. – М.: МГОУ, 2014. - С. 134-136.
102. Орехова Е.Н. О субъективной модальности уверенности // Рациональное и эмоциональное в русском языке. – М.: МГОУ, 2012. – С. 323-326.
103. Орехова Е.Н. О субъективной модальности эвиденциальности // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». - 2012. - №2. - С. 92-100.
104. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: дисс. ... д-ра филол. наук. - М., 2011. – 419 с.
105. Останин А.И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - Саратов, 1969. – 17 с.
106. Падучева Е.В. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер. К 60-летию В.М.Живова. - М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 498-515.
107. Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. - М., 2014.
108. Падучева Е. В. Субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* / Z. Saloni (ed.) - Białystok, 1990. – С. 91-108.
109. Падучева Е.В. Семантические исследования. - М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
110. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. - М.: Наука, 1999. – 275 с.
111. Пантелеева Е.А. Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке: На материале художественных и публицистических текстов: дисс. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2005. – 192 с.

112. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. - 1977. - №4. - С. 37-48.
113. Пекелис О.Е. Иллокутивное употребление союзов. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. - М., 2013.
114. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
115. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Учебное пособие. - 2-е изд. - М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.
116. Плунгян В.А. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета VII // Вопросы языкознания. – 1988. - №5. – С. 133-139.
117. Пляскина М.В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: - Новосибирск, 2001. – 222 с.
118. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. - М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
119. Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. - М.: Языки славянских культур, 2010. — 784 с.
120. Разлогова Е.Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов: дисс. ... доктора. филол. наук. - М., 2005. – 294 с.
121. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. [Пер. с англ. Н. В. Воробьева] – Киев: Ника-центр, 1997. - 560 с.
122. Рачук Н.В. Функционирование вводных элементов в современном газетном тексте: дисс. ... канд. филол. наук. - СПб, 1999. – 202 с.
123. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Русский язык. Орфография. Пунктуация. 4-е изд. - М.: Айрис Пресс, 2003. – 382 с.

124. Руденко А.К. Интонационная норма: проблемы и решения // Слово в языке и слово в литературе. Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 21 (681). - С. 195–206.
125. Руденко А.К. (в соавторстве с Шварцкопфом Б.С.). О трансформационности пунктуационной нормы // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. тезисов Международного конгресса исследователей русского языка. – М.: МГУ, 2001. – С. 229.
126. Руденко А.К. Пунктуация и интонация: системная связь и условия реализации в современном русском литературном языке: дисс. ... канд. филолог. наук. - М., 2014. – 206 с.
127. Руденко А.К. Пунктуация и интонация: Теоретические основы анализа взаимодействия разно-уровневых единиц в контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. - 2009. – Вып. 578. - С. 204–216.
128. Руденко А.К. Художественный текст: интуиция – авторская заданность // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XI Виноградовские чтения» Т. 1: Текст и контекст в лингвистике / Отв. ред. Е.Ф. Киров. – М.: МГПУ, 2009. – С. 395 – 405.
129. Руднев А.Г. Вводный член предложения и вводные предложения, их функции и грамматическое выражение в художественных произведениях А.С. Пушкина // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 26. - Л., 1949. – С. 137-178.
130. Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения. - М.: Учпедгиз, 1959. - 198 с.
131. Русская грамматика /Отв. ред. К.Горалек. [В 2 т.]. Т. 1, 2. - Прага: Academia, 1979. – 1093 с.

132. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой [и др.]. [В 2 т.]. Т. 1. - М.: Наука, 1980. – 789 с.
133. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой [и др.]. [В 2 т.]. Т. 2. - М.: Наука, 1980. – 710 с.
134. Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. - М.: Наука, 1993. – С. 45-51.
135. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. - М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
136. Седун Е.П. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях // Славянское языкознание. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 186-194.
137. Седун Е.П. Синтаксис вводных образований в современном русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - М., 1955. – 14 с.
138. Словарь русского языка XVIII века / под ред. Ю.С. Сорокина [и др.]. Вып. 1-18. - Л.; СПб.: Наука, 1984-2011.
139. Словарь языка Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов. [В 4 т.]. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Азбуковник, 2000. – 1296 с.
140. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд. - М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
141. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. - М.: Наука, 1981. – 361 с.
142. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – 7-е изд. - М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 310 с.
143. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 779 с.
144. Студнева А.И. Вводные предложения в современной русской речи: автореф. дисс....канд. филол. наук. – Рязань, 1968. – 25 с.

145. Студнева А.И. Наблюдение над семантикой и стилистическим употреблением вводных предложений в прозе А.П. Чехова // Ученые записки Рязанского гос. пед. университета. Вып. 1. Т. 51. - Рязань, 1968. – С. 216-236.
146. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. — М.: Наука, 1981. – 269 с.
147. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / под ред. В.Н. Телия [и др.]. — М.: Высшая школа, 1991. – 214 с.
148. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. - М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
149. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. [В 2 т.]. Т. 1. – 2-е изд. - М.: Русский язык, 1990. - 854 с.
150. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. [В 2 т.]. Т. 2. – 2-е изд. - М.: Русский язык, 1990. – 885 с.
151. Топорков П. Е. Предикативы в современном русском языке: семантико-синтаксическая характеристика: дисс. ... канд. филол. наук. - М., 2013. – 210 с.
152. Топтыгина Е.Н. Вводное предложение как средство выражения субъективности // НДВШ «Филологические науки». – 2011. - № 2. – С. 82 – 90.
153. Топтыгина Е.Н. Вводно-модальные компоненты как актуализаторы отношений причины в сложноподчиненном предложении // Вестник МГОУ, серия «Русская филология». – 2010. - Вып. 3. – С. 43-46.
154. Топтыгина Е.Н. О категории субъективной модальности // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. - Архангельск, 2010. – С. 324-325.
155. Топтыгина Е.Н. О логической модальности // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: модальность, эмоциональность, образность. – М.: МГОУ, 2011. – С. 18-20.

156. Топтыгина Е.Н. О модальной шкале степеней достоверности // Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи. – Стерлитамак, 2010. – С. 73-76.
157. Топтыгина Е.Н. Об изучении категории вводности на занятиях по русскому языку в техническом вузе // Специфика преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин в условиях технического университета. – М., 2009. – С. 138-139.
158. Топтыгина Е.Н. Об отношении вводных слов к составу высказывания // Вестник МГОУ, серия «Русская филология». – 2010. - Вып. 4. – С. 52-57.
159. Топтыгина Е.Н. Об экспликации субъективно-модальных смыслов в сложноподчиненных предложениях изъяснительных // Русский язык и литература: история и современность. – М., 2010. - С. 313-316.
160. Топтыгина Е.Н. Сложноподчиненные предложения с эксплицитным модусом // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010 г. - Вып. 2. – С. 63-69.
161. Трошина А. В. Эпистемические модальные модификаторы в английском и русском языках: сопоставительный анализ на основе переводов: дисс. ... канд. филол. наук. - СПб., 2008. – 156 с.
162. ТФГ – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко [и др.]. - Л.: Наука, 1990. - 263 с.
163. Тюкинеева О. В. История формирования семантики слов категории состояния в русском языке XI-XVII вв.: дисс. ... канд. филол. наук. - Иркутск, 2005. – 225 с.
164. Урмсон Дж.О. Парентетические глаголы. [Пер.с англ. А.С.Чехова] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. – С. 196-216.

165. Успенский Б.А. Поэтика композиции. - СПб.: Азбука, 2000. – 348 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm> (Дата обращения: 25.06.2013).
166. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. - М.: Альта-Принт, 2005. — 1216 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (Дата обращения: 06.12.2016).
167. Фенова Е.А. Роль вводных и вставных конструкций в организации функциональной перспективы высказывания // Вестник МГУ, Серия 9. Филология. - 1983. - №5. – С. 79-86.
168. Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. – 7-е изд. - М.:Руспублика, 2001. – 720 с.
169. Хатиашвили Л.Г. Вводные предложения в современном русском литературном языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - Тбилиси, 1953. – 26 с.
170. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / под ред. В.С. Храковского. - СПб.: Наука, 2007. – С. 600-632.
171. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной [и др.]. - М.: Наука, 1992. – 280 с.
172. Чернова Н.В. Семантика и структура высказываний с частицей ОНО в современном русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - М., 1992. – 19 с.
173. Черткова М.С. Модальные слова наречного происхождения в их соотношении с другими структурно-семантическими категориями в современном русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук. - М., 1970. – 16 с.

174. Черткова М.С. Союзная функция слова «конечно» в современном русском языке // Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка. - Барнаул, 1977. – С. 154-163.
175. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. - Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1971. - 542 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://educador.narod.ru> (Дата обращения: 25.12.2015).
176. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
177. Шелякин М.А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы. Учебное пособие. - М.: Флинта, 2005. – 289 с.
178. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. - М.: АСТ, 2004. – 1024 с.
179. Шмелева Т.В. Деепричастие на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. - Красноярск, 1984. – С. 64-70.
180. Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. - М., 1988. – С. 168-202.
181. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: дисс. в виде научного доклада ... док-ра филол. наук. - М., 1995. – 40 с.
182. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник. // Г.Г. Шпет. Философские этюды. - М.: Прогресс, 1994. – С. 20-117.
183. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / под ред. Б.А. Успенского. - М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
184. Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности / недостоверности: автореф. дисс....канд. филол. наук. - М., 1983. – 23 с.

185. Яковлева Е.С. Семантика модальных слов, традиционно относимых к показателям «категорической достоверности» / Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. Ч.3. - М., 1989. – С. 92-101.

186. Яковлева Е.С. Слово о модальной перспективе высказывания // Логический анализ языка. Модели действия. - М.: Наука, 1992. – С. 111-119.

187. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности: Сборник научных трудов. - М, 1988. - С. 278-302.

188. Ярыгина Е.С. Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». - 2014.- № 3. - С. 52–62.

189. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: дисс. ... док-ра филол. наук. - М., 2003. – 411 с.

190. Ярыгина Е.С. Модусные маркеры в конструкциях вывода-обоснования (тезисы доклада). // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 775-776.

191. Ярыгина Е.С. Средства выражения модуса мнения в конструкциях вывода-обоснования. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2007. - № 1. – С. 164-169.

192. Ярыгина Е.С. Типология выводных суждений и способы их грамматического представления в конструкциях вывода-обоснования. // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное,

экспрессивное: Межвуз. сб науч. тр., посвященный 75-летию профессора П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2007. – С. 52-63.

193. Ярыгина Е.С. Чужое слово как способ аргументации: функции частиц мол, дескать, де в конструкциях вывода-обоснования // Русский язык в школе. – 2016. - № 2. - С. 52-58.

194. Givón T. Evidentiality and epistemic space // Studies in Language. - Vol.6. - №1. - Amsterdam, 1982. – P. 29-50.

195. Palmer F. Mood and Modality. - 2nd edition. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.

196. Timberlake A. A Reference Grammar of Russian. - Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 503 p.

197. Willet Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studies in Language. - Vol.12. - №1. - Amsterdam, 1988. - P.51-100.

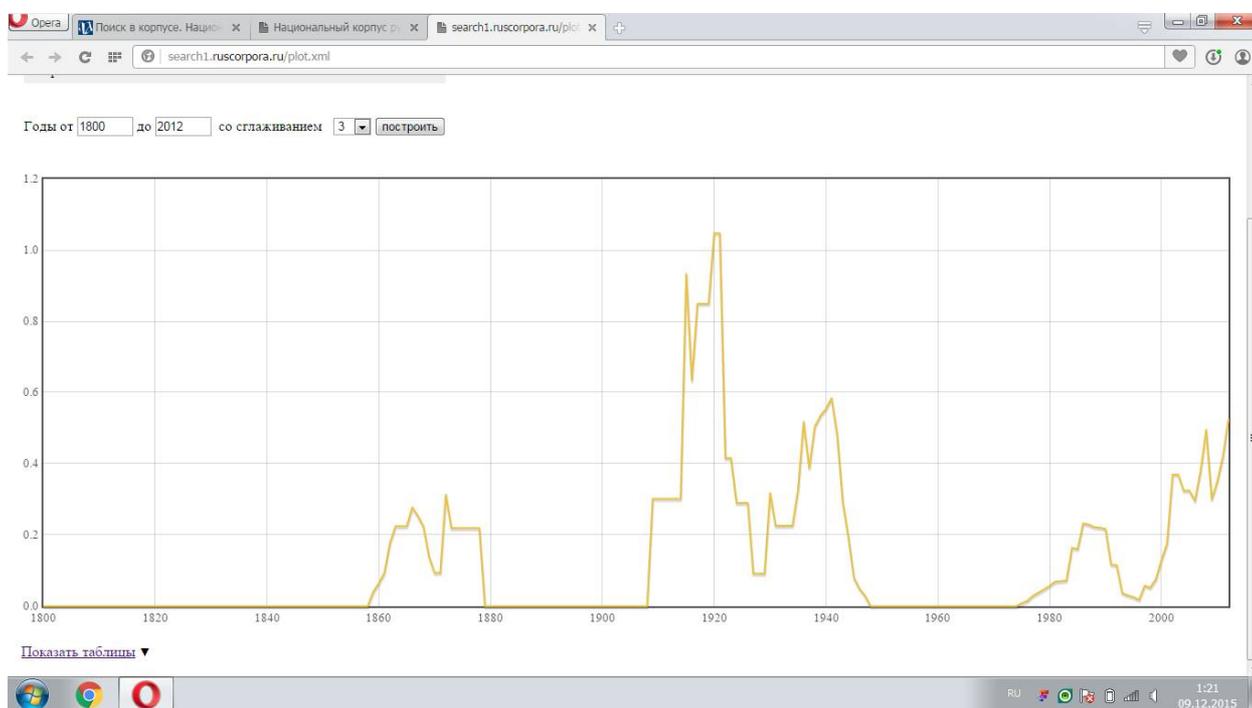
Приложение

I. Перечень источников, использованных при сверке знаков препинания (для произведений XIX века):

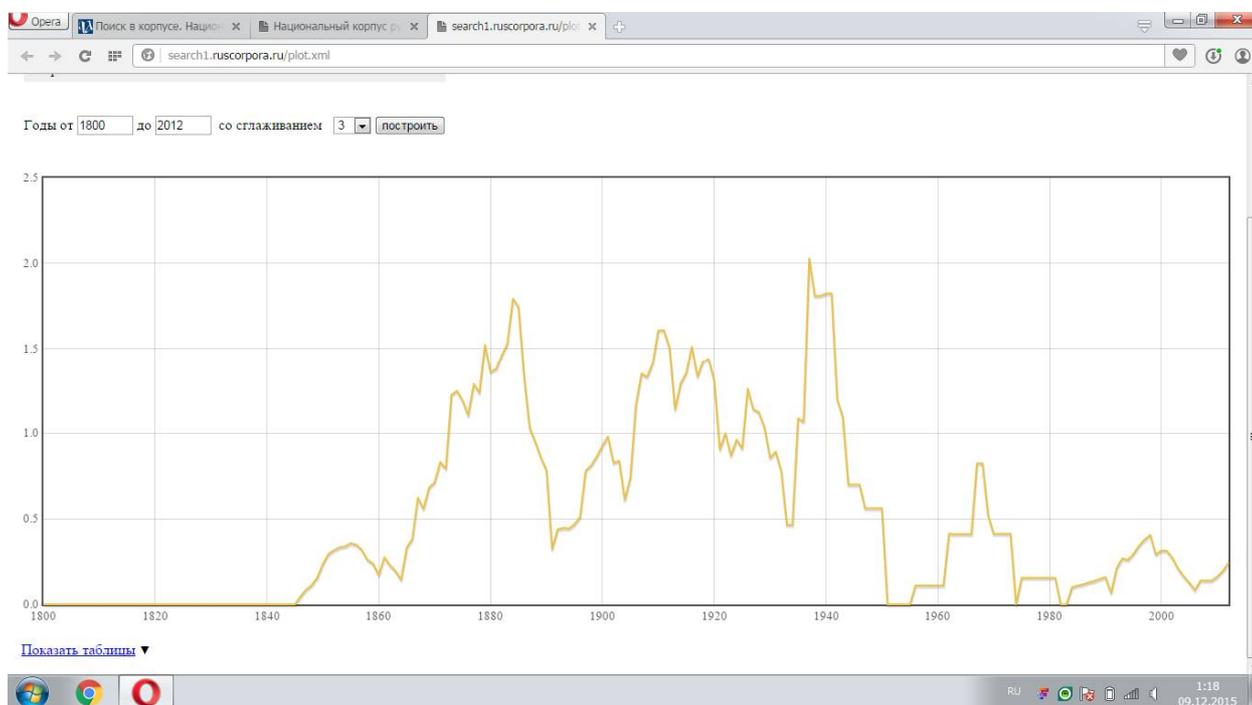
- Для контекстов из произведений А.С. Пушкина сверка производилась по Словарю языка А.С. Пушкина в 4 тт.;
- для контекстов из произведений М.Ю. Лермонтова – по полному собранию сочинений в 6 тт. (академическое издание 1954-1957 гг.);
- для контекстов из произведений Н.В. Гоголя – по полному собранию сочинений в 14 тт. (академическое издание 1937-1952 гг.);
- для контекстов из произведений И.С. Тургенева – по полному собранию сочинений в 30 тт. (академическое издание 1978-2003 гг.);
- для контекстов из произведений Ф.М. Достоевского – по полному собранию сочинений в 30 тт. (академическое издание 1972—1990 гг.), а также по так называемым «Канонам» (Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск, 1995—2010. Т. 1—9, изд. продолжается);
- для контекстов из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина – по полному собранию сочинений в 20 тт. (академическое издание 1965-1977 гг.);
- для контекстов из произведений Л.Н. Толстого – по полному собранию сочинений в 90 тт. (академическое издание 1928-1958 гг.);
- для контекстов из произведений А.П. Чехова – по полному собранию сочинений в 30 тт. (академическое издание 1974-1983 гг.);
- для контекстов из произведений В.Г. Короленко – по полному собранию сочинений в 10 тт. (академическое издание 1953-1956 гг.).

II. Некоторые тенденции развития модусных транспозитивов на —о на современном этапе:

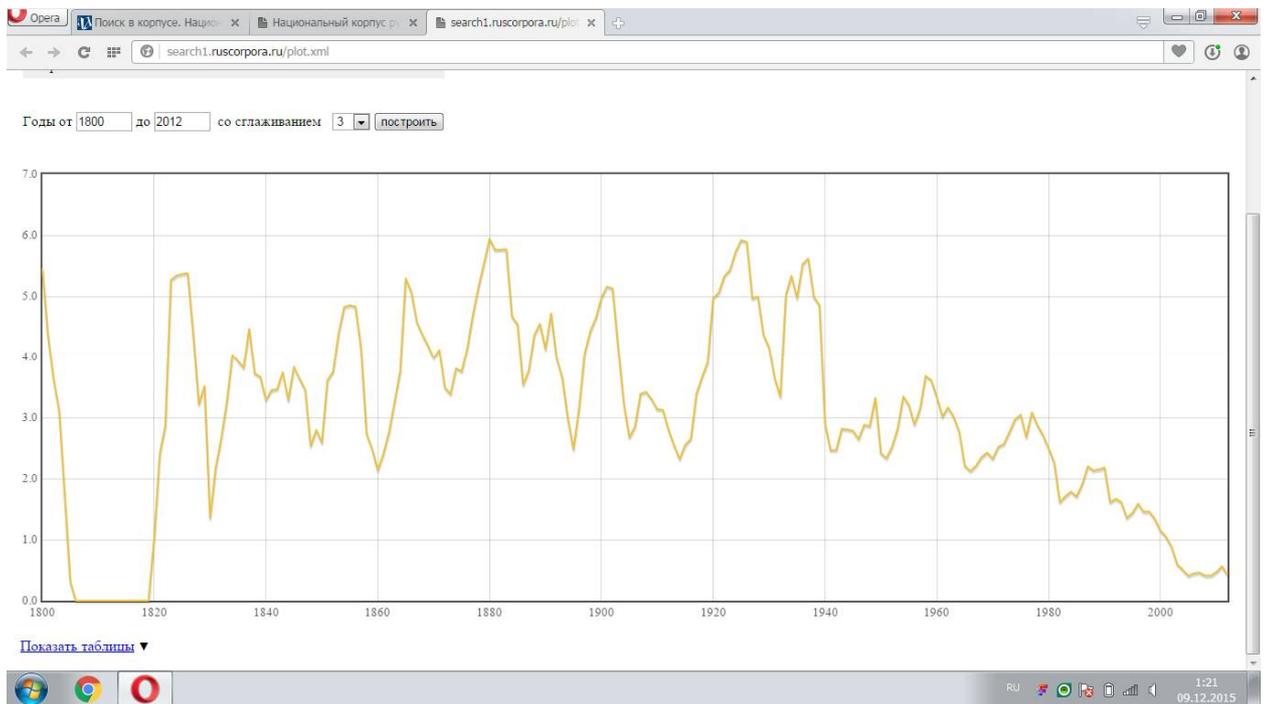
1. Безусловно, (что)



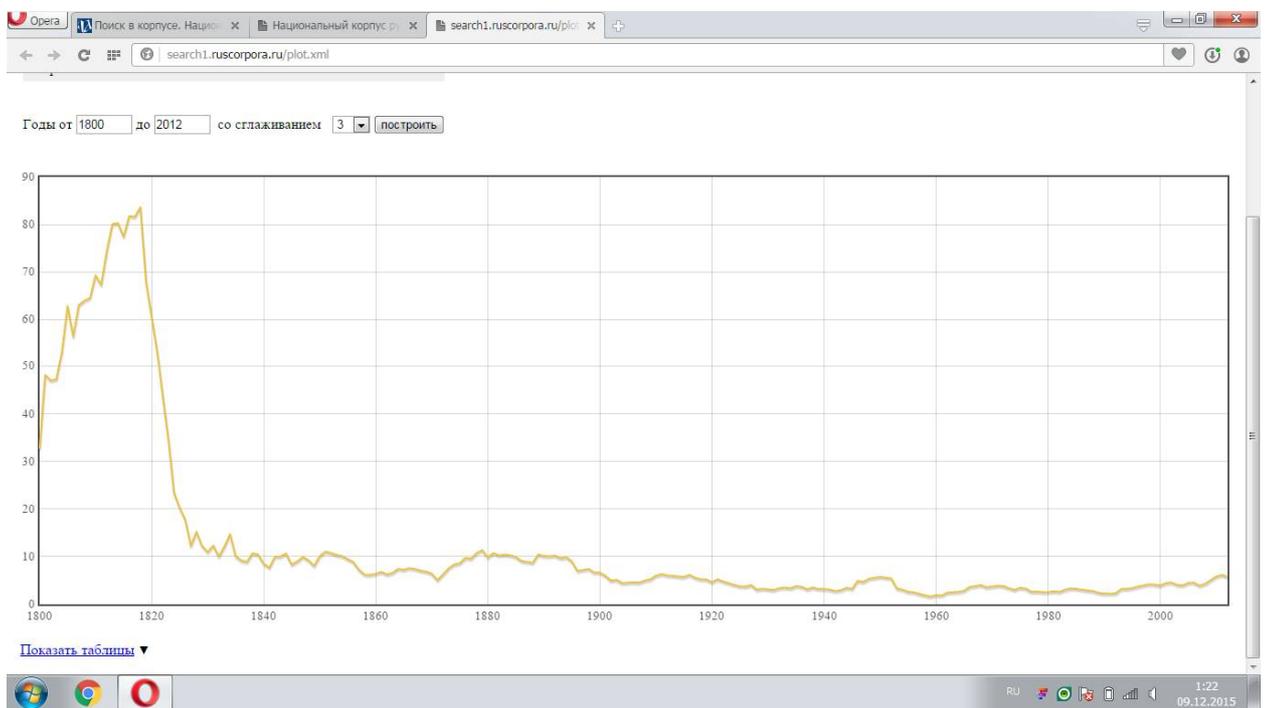
2. Бесспорно, (что)



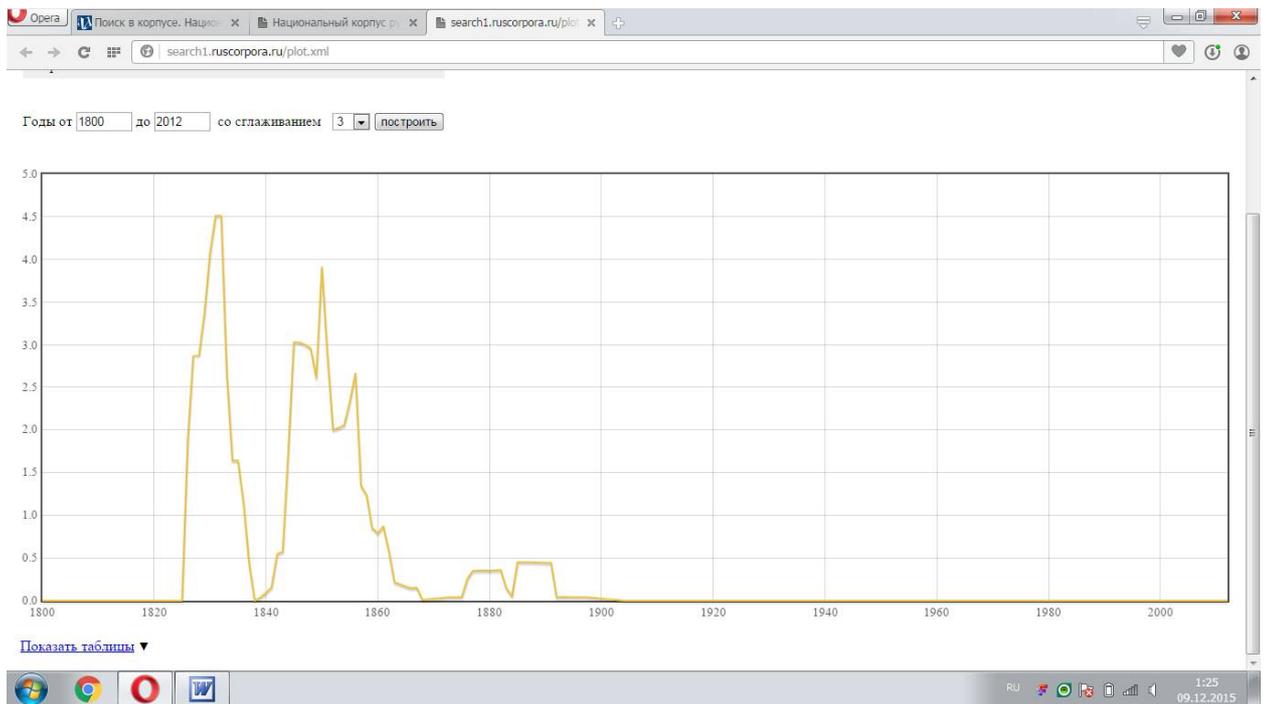
3. Верно, (что)



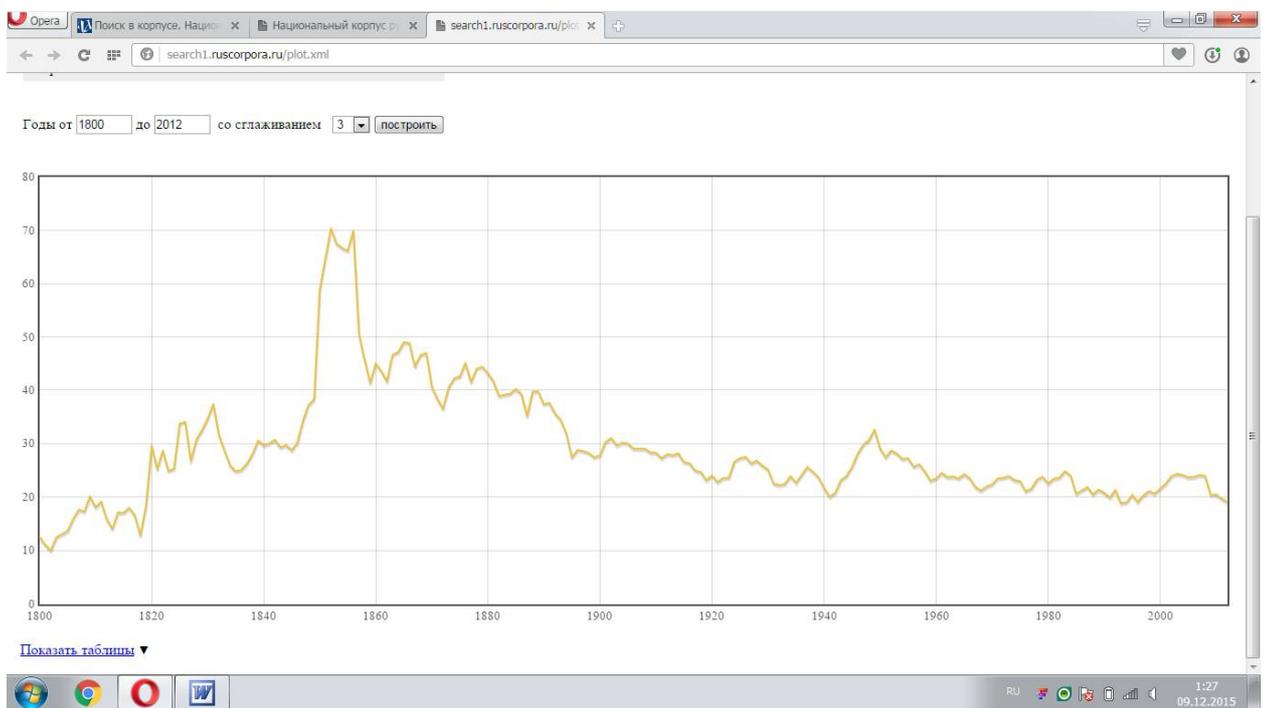
4. Вероятно, (что)



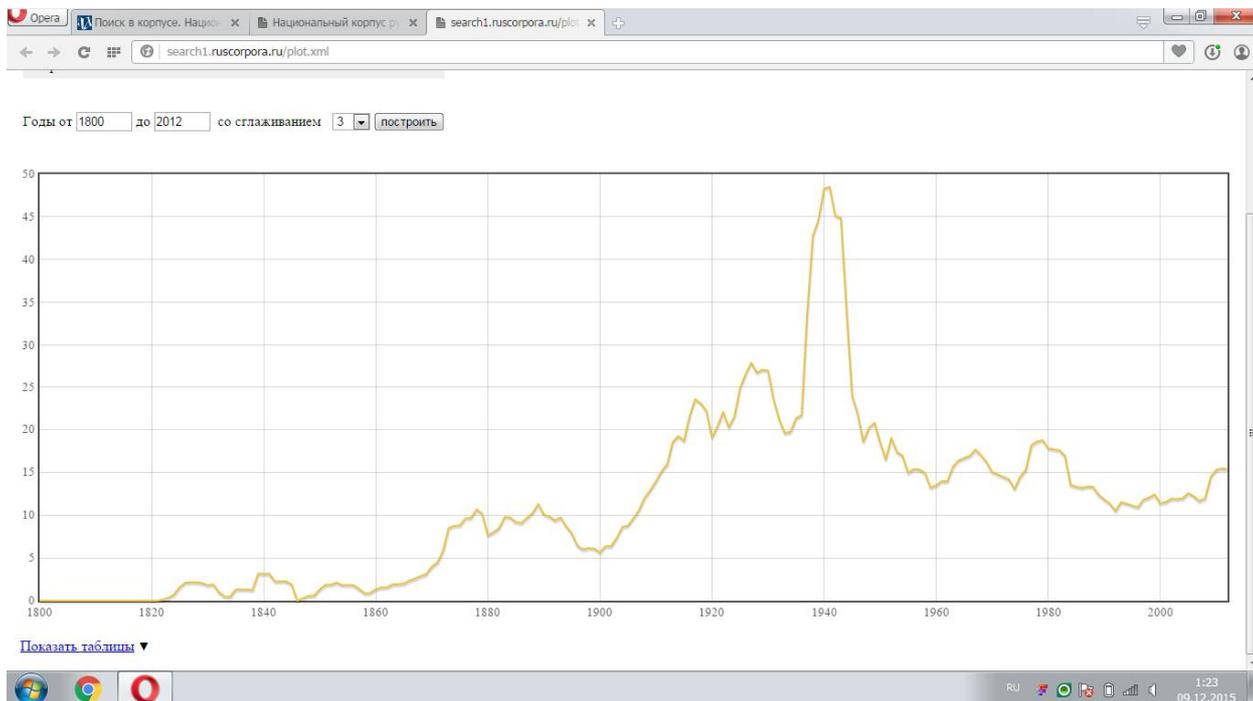
5. Вестимо (устар.), (что)



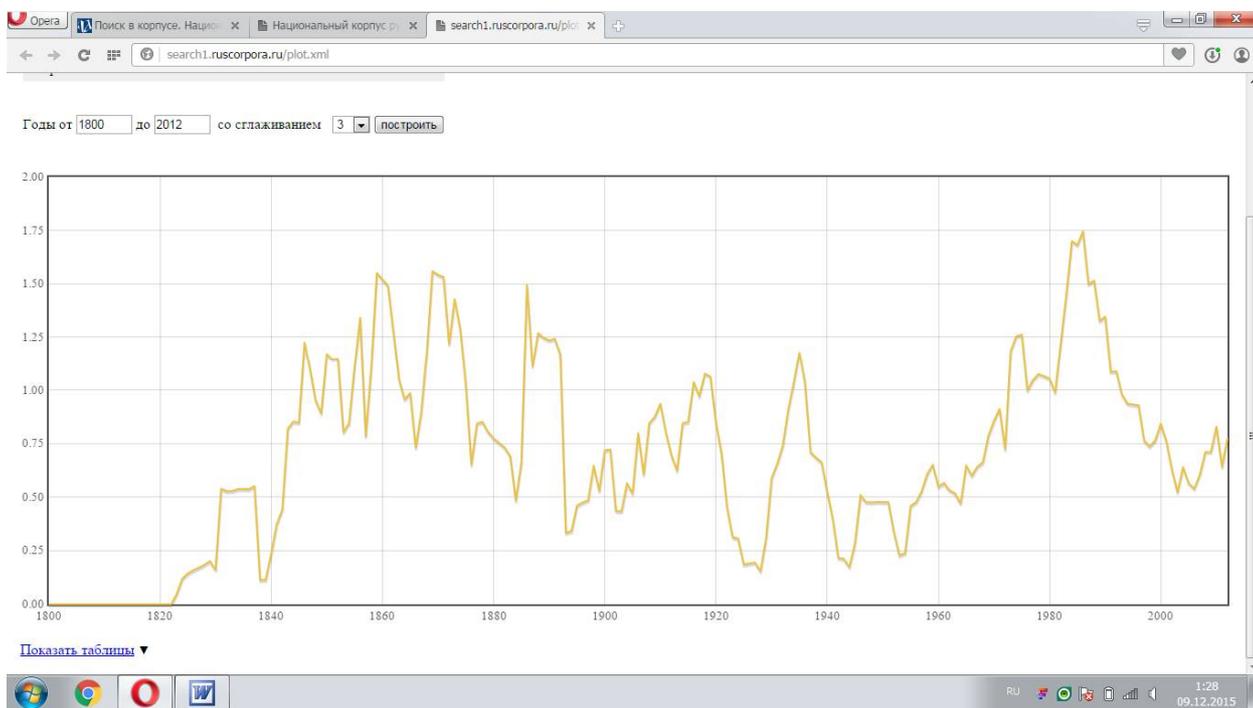
6. Видно, (что)



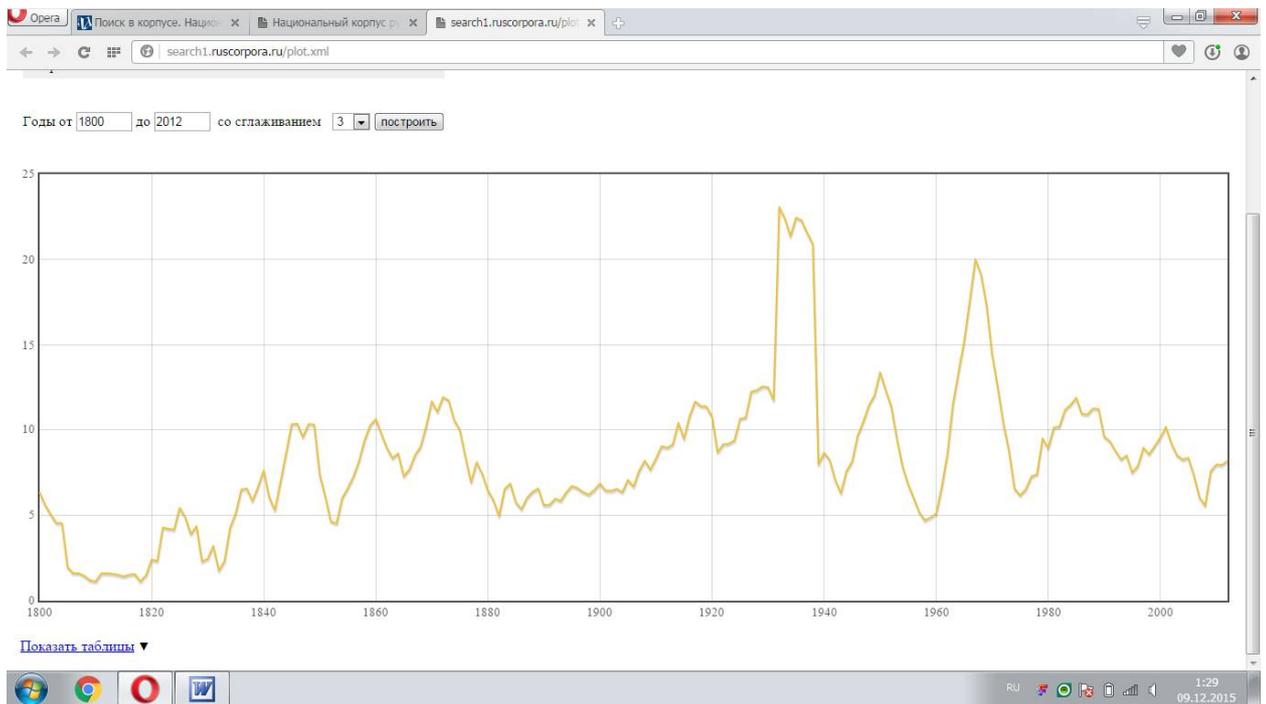
7. Возможно, (что)



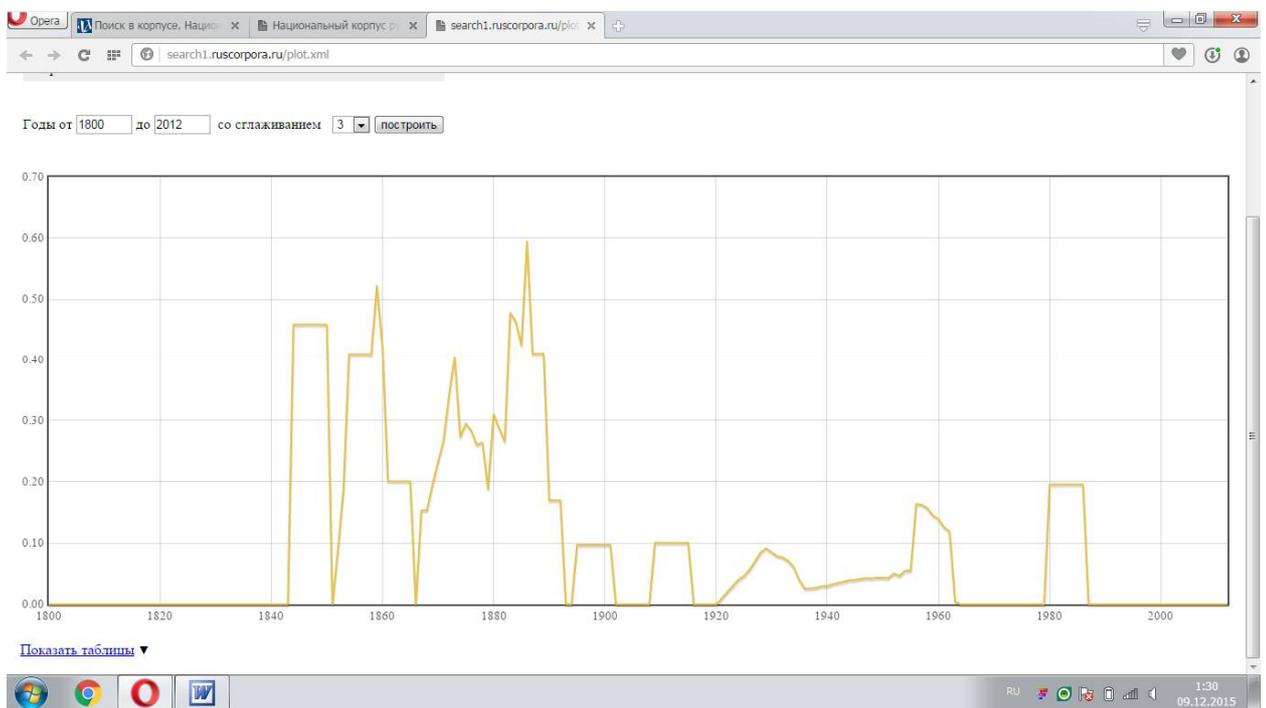
8. Действительно, (что)



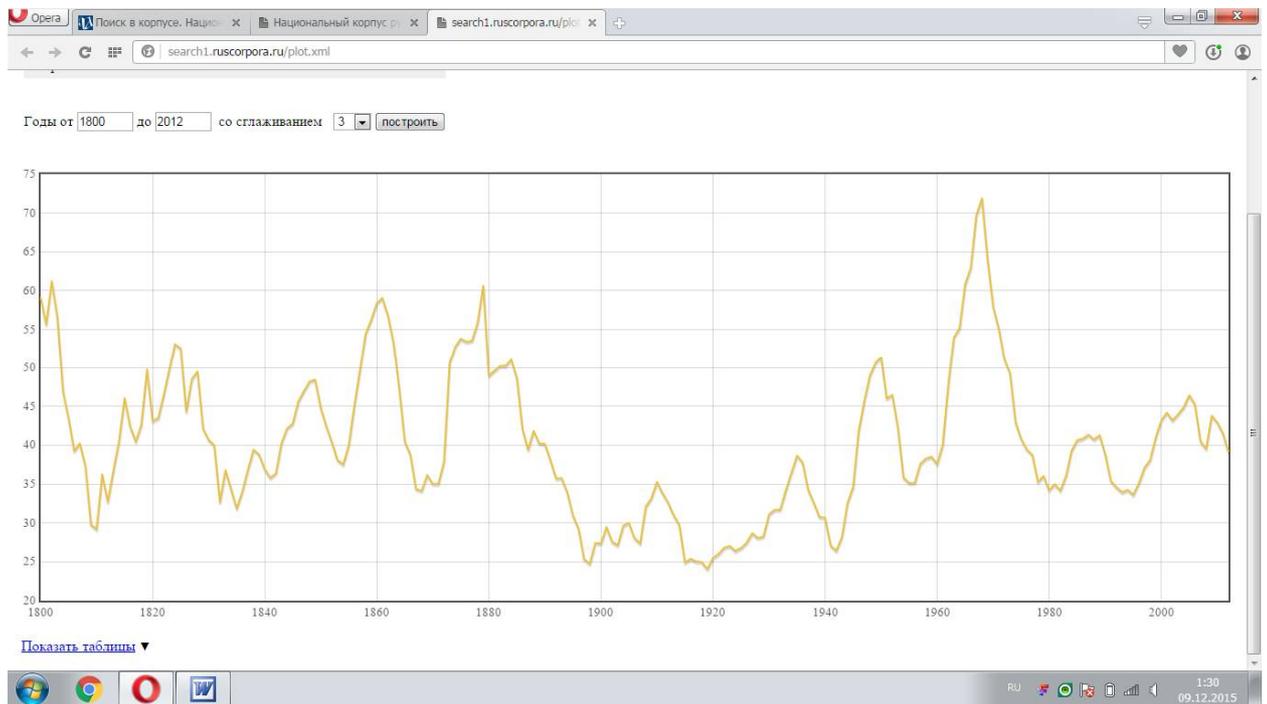
9. Естественно, (что)



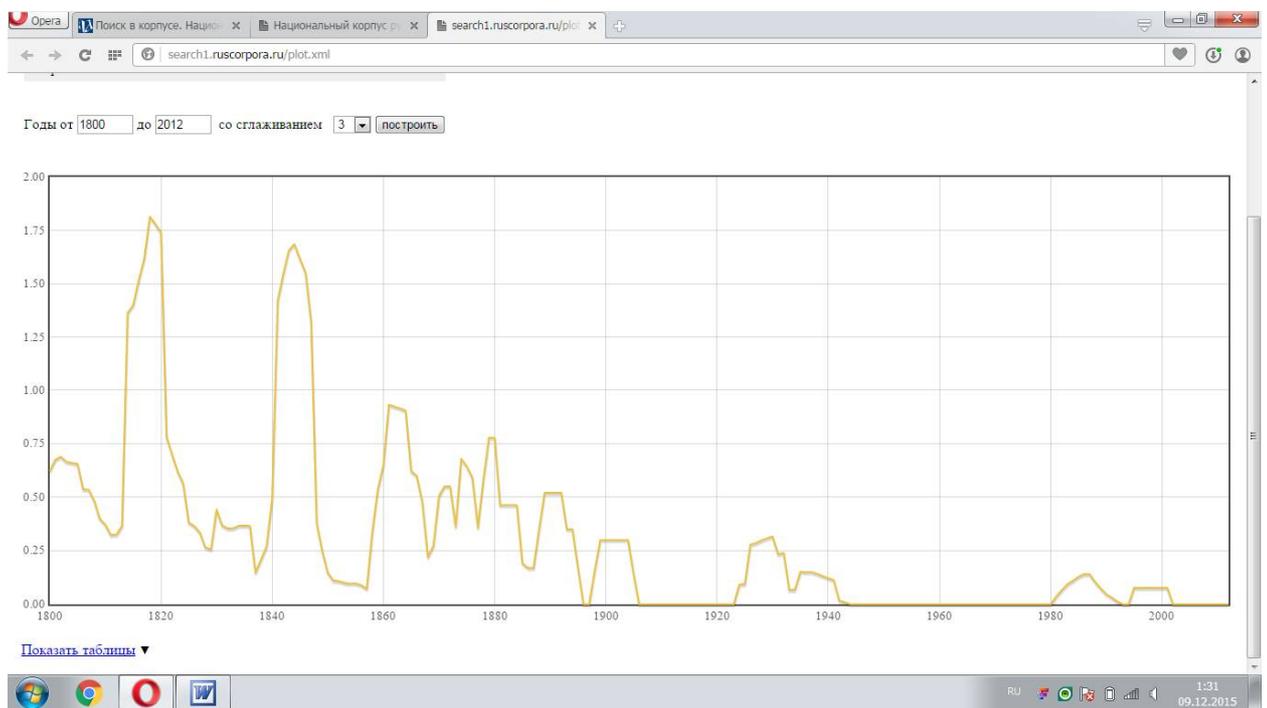
10. Знаю, (что)



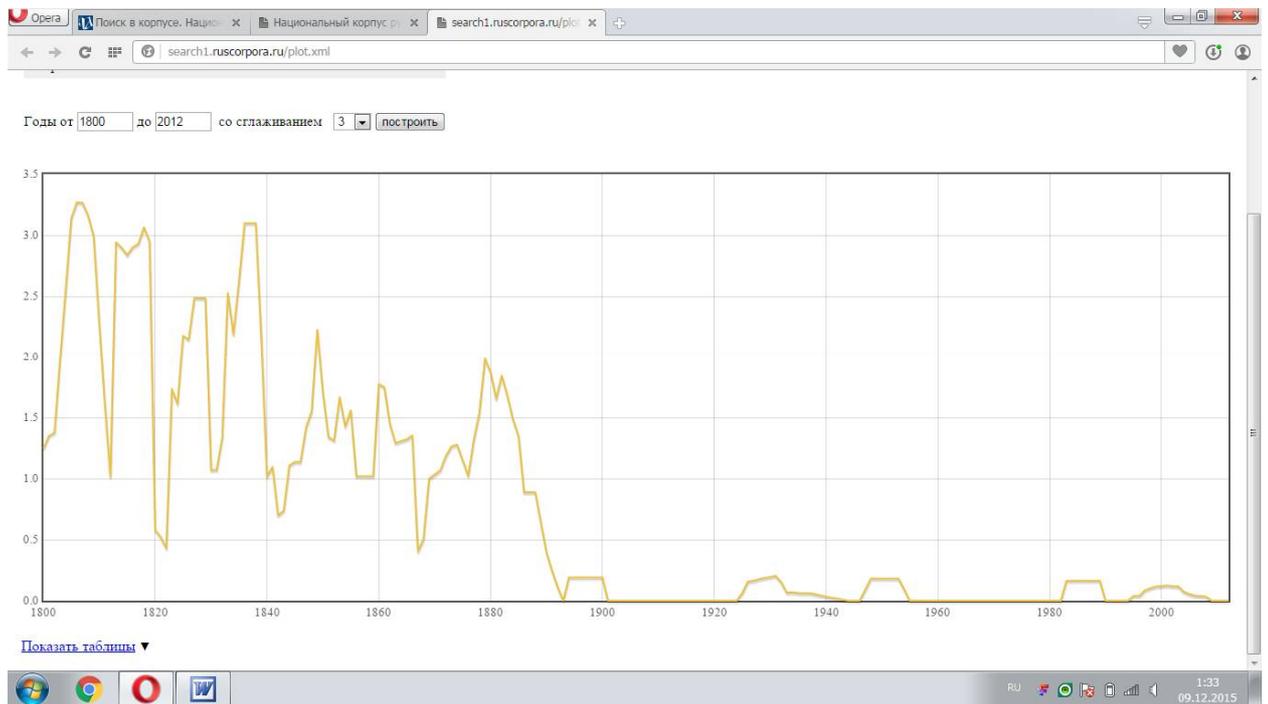
11. Известно, (что)



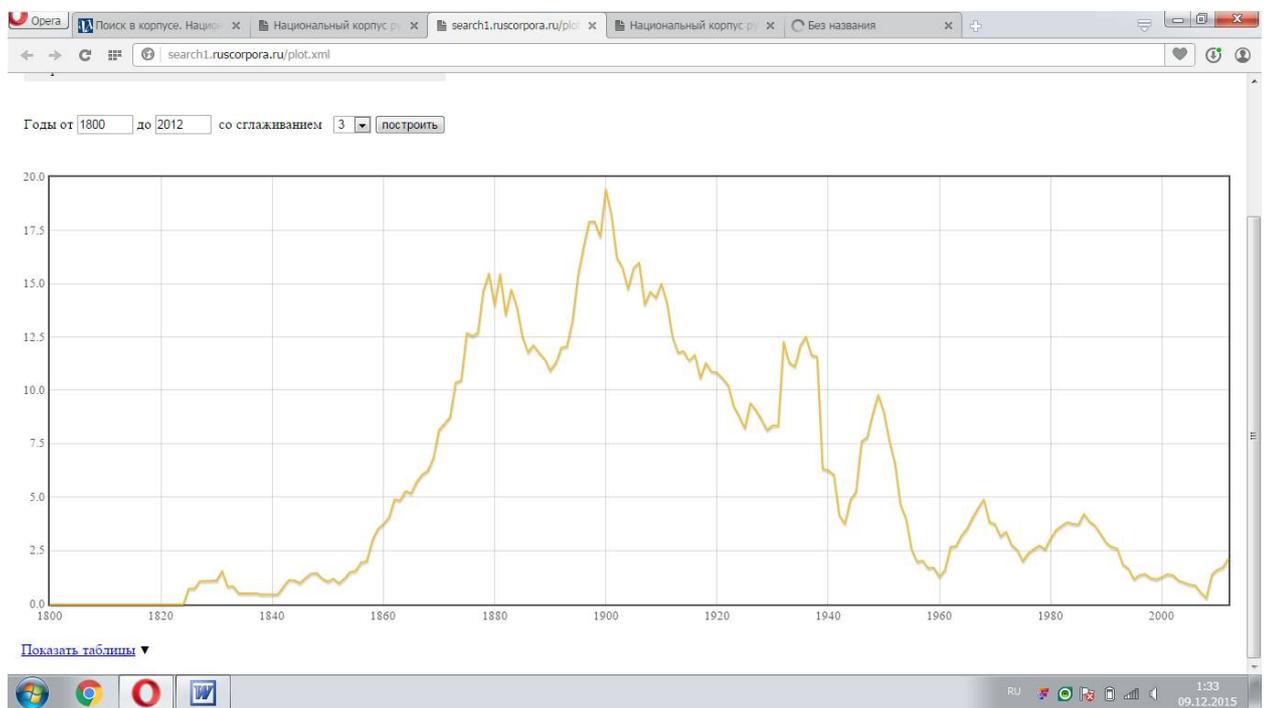
12. Истинно, (что)



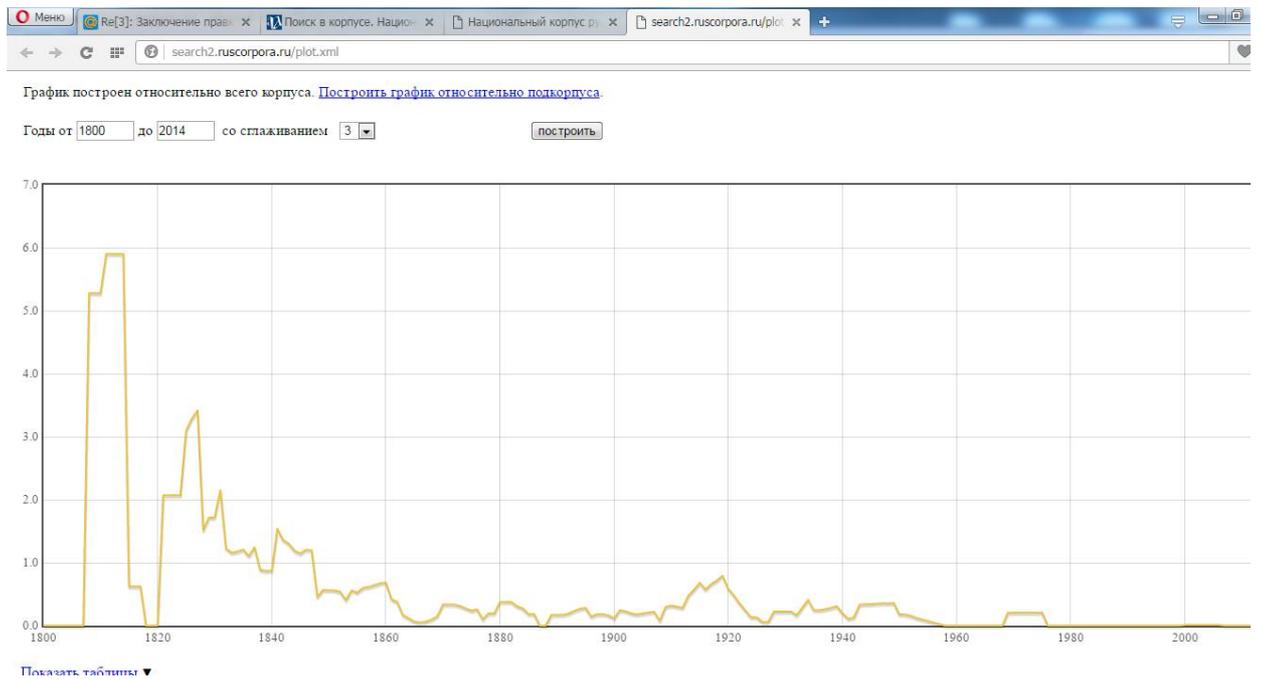
13. *Натурально, (что)*



14. *Несомненно, (что)*



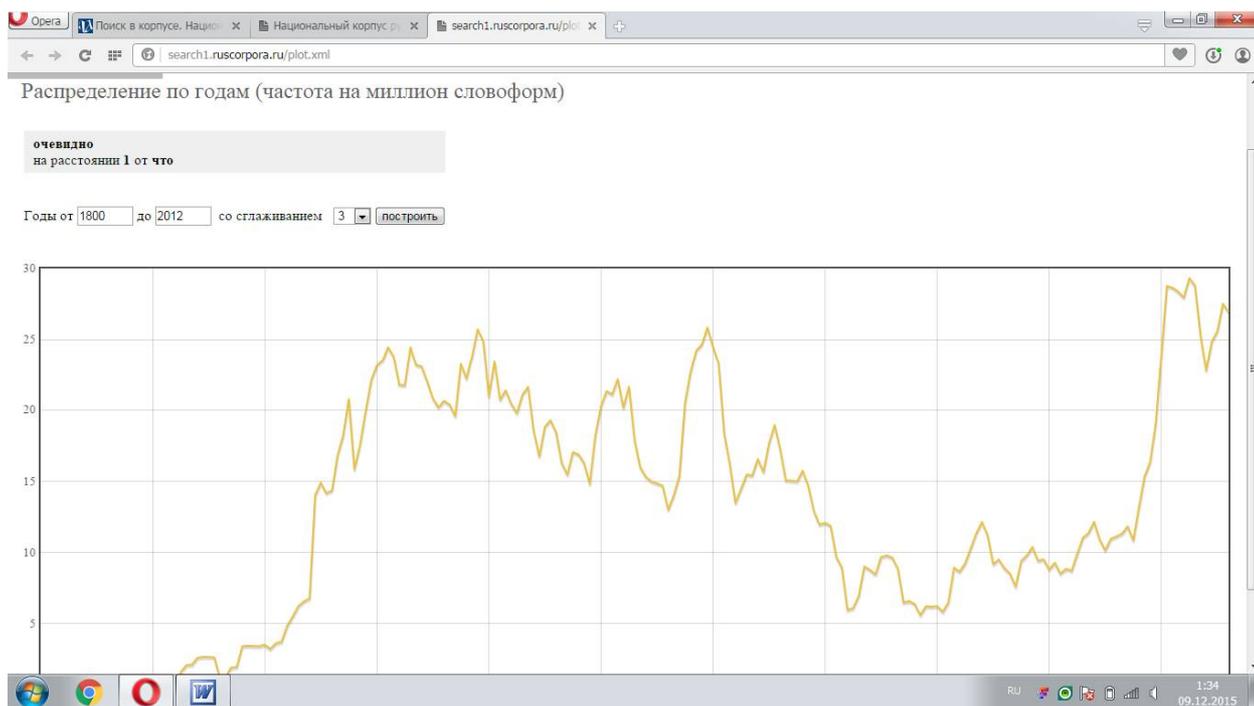
15. Неоспоримо, (что)



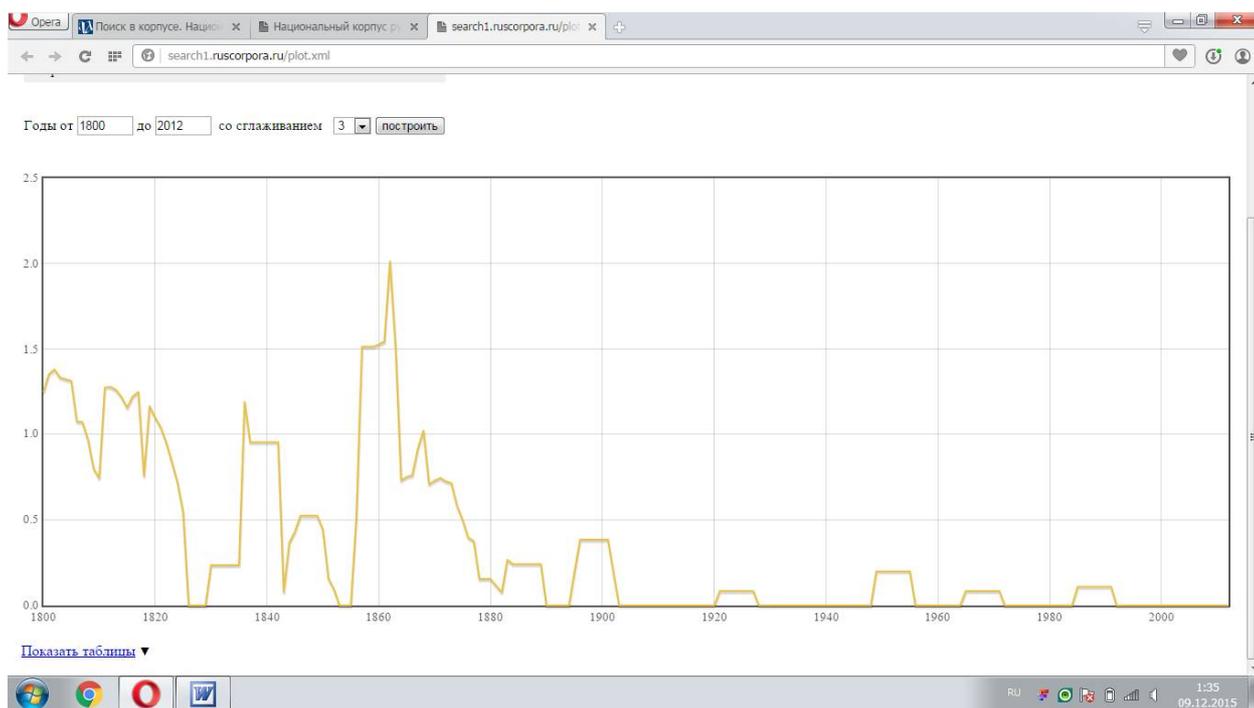
16. Определенно, (что)



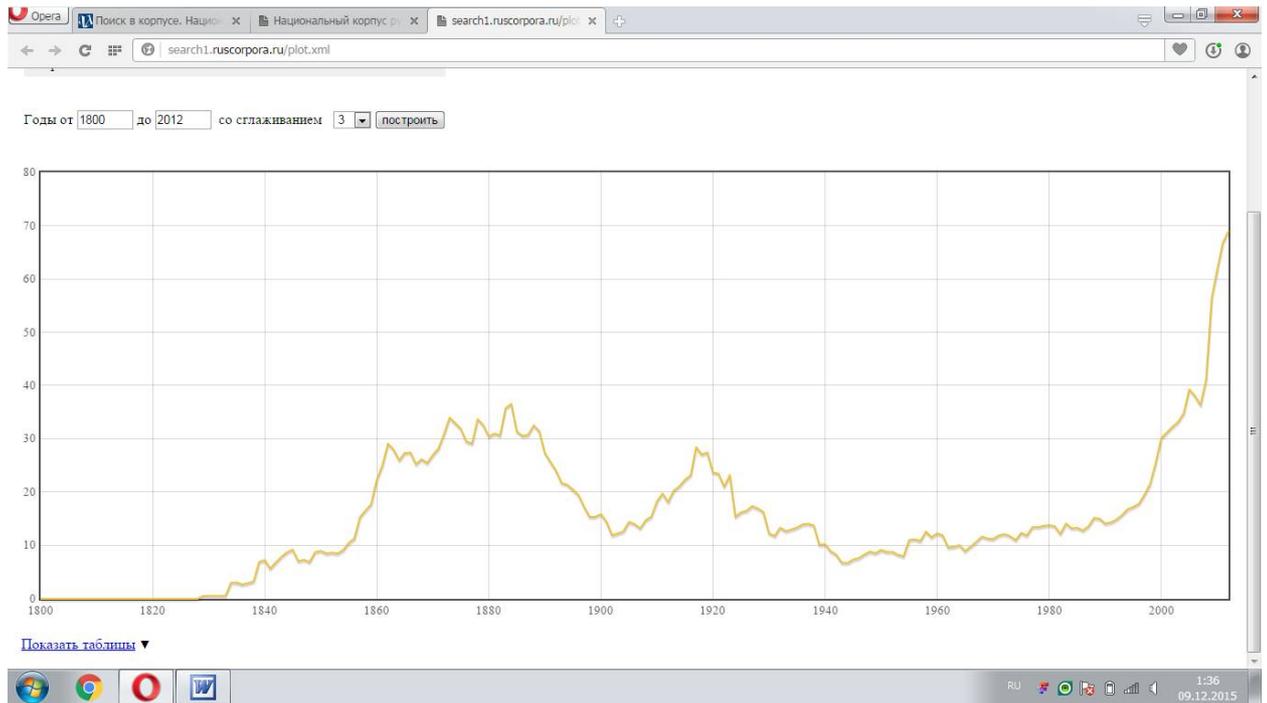
17. Очевидно, (что)



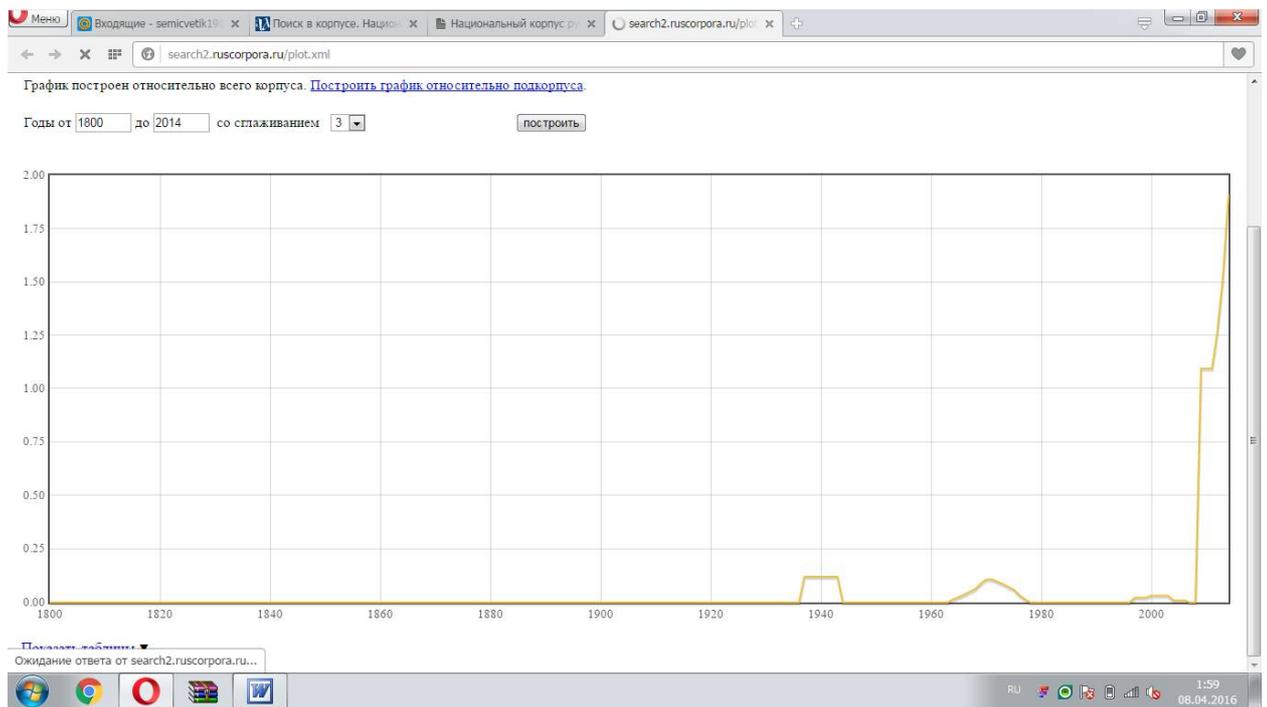
18. Подлинно, (что)



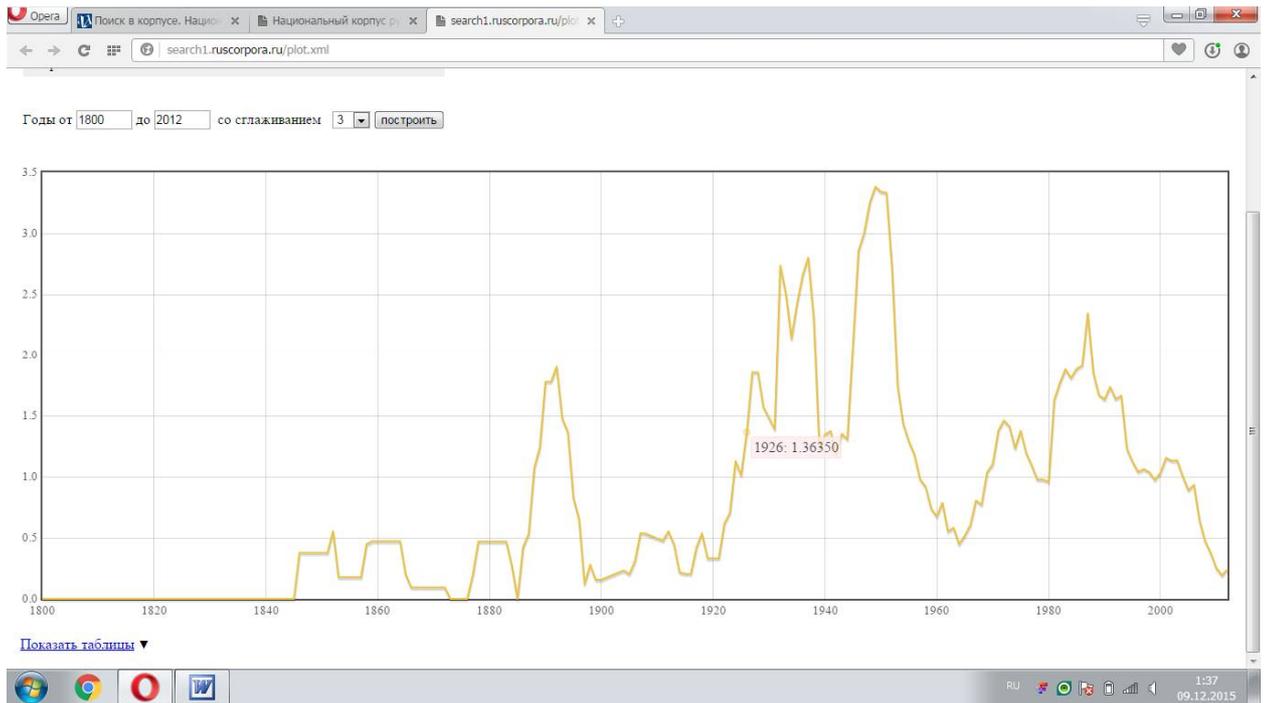
19. Понятно, (что)



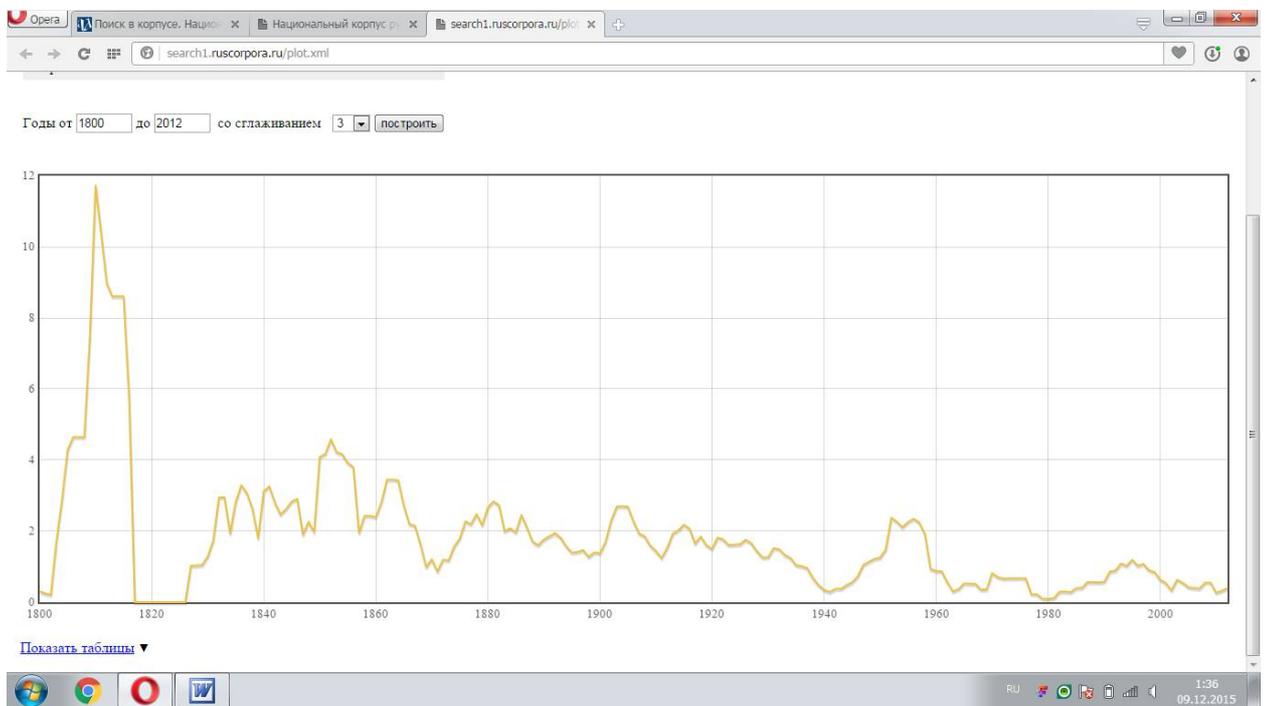
20. Предположительно, (что)



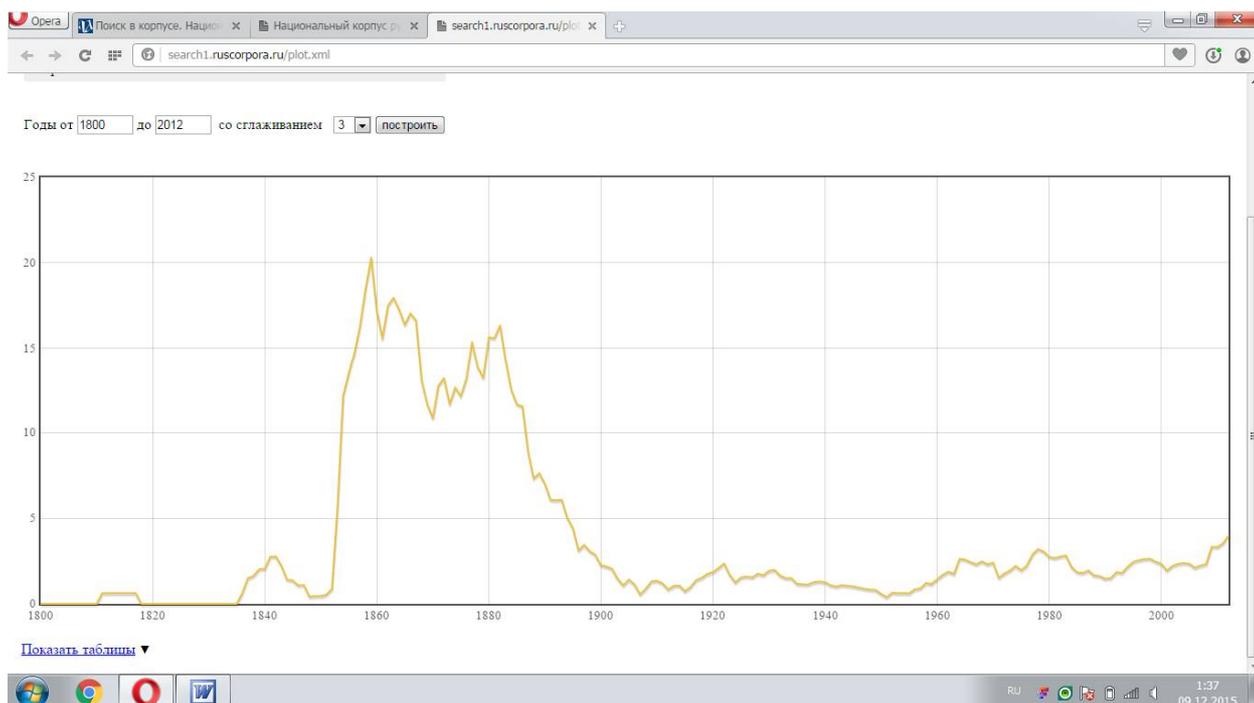
21. Случайно, (что)



22. Слышно, (что)



23. Точно, (что)



III. Частота употребления модусных транспозитивов на –о в поэтических текстах

